

1915

РУССКІЙ БИБЛОФІЛЬ

LE BIBLIOPHILE RUSSE

Основанный Н. В. Соловьевымъ

VI

ПЕТРОГРАДЪ

dessiné par Habbich

gravé par Schoenberg

ИЗ СОВРАТИЛЪ А. К. ПОЖАРКОВА

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

ОСНОВАННЫЙ Н. В. СОЛОВЬЕВЫМЪ

Ж У Р Н А Л Ъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

О К Т Я Б Р Ъ .

ПЕТРОГРАДЪ

1915

РАСЧЕТЫ

ПОСРЕДСТВОМ ТАБЛИЦ

ИЛИ ПОСРЕДСТВОМ

ПРОСТАГО СЧИСЛА

Пгг. Рыбачья, 10.

1913 г.

№ 100000

100

ОТЪ РЕДАКТОРА.

14-го августа текушаго года, къ единодушному прискорбію всѣхъ его знавшихъ, скончался редакторъ-издатель „Русскаго Библіофила“ Николай Васильевичъ Соловьевъ. Журналъ былъ имъ основанъ въ 1911 году и имѣлъ первоначальной своей цѣлью служить, главнымъ образомъ, книжно-любительскому дѣлу. Этой, именно, цѣлью объясняется его названіе, — наименѣе удачная, можетъ, сторона превосходнаго, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, культурнаго предпріятія Николая Васильевича.

„Русскій Библіофилъ“ привлекалъ своимъ именемъ почти исключительно любителей книги, устрояя всѣхъ, не дававшихъ себѣ труда ознакомиться съ его разностороннимъ и живымъ содержаніемъ, грознымъ призракомъ недостаточно захватывающихъ интересовъ чисто книжныхъ вопросовъ. Далеко не имъ однимъ, однако, посвящено было содержаніе журнала. На первыхъ же порахъ, покойный значительно расширилъ столь скромно намѣченныя для избраннаго имъ поприща рамки. Онъ сразу позналъ и рѣшилъ, не колеблясь, что платье, въ которое онъ облекъ свое любимое дѣтище и которое уже мѣнять было поздно, оказалось непригоднымъ и узкимъ, мѣшая „проводить его по уму“. А сколько было вложено Николаемъ Васильевичемъ въ это дорогое ему дѣло такого ума и настойчивости, таланта и вкуса, сердечной и беззавѣтной заботливости, знаютъ лишь тѣ, кто близко былъ знакомъ съ его плодотворнымъ трудомъ, кому извѣстны, по опыту, всѣ тернистыя тропы избраннаго покойнымъ пути.

Первая изъ этихъ тропъ оказалась, повторяю, для Николая Васильевича тѣсной. И вотъ „Русскій Библіофилъ“, выростая,

съ чисто сказочной скоростью, изъ скроеннаго не по мощнымъ плечамъ его платья, превращается рѣшительно и безповоротно изъ журнала „для собирателей книгъ и гравюръ“ въ журналъ „историко-литературный и библиографическій“.

Такое превращеніе далеко не обозначало собой пренебреженія покойнымъ основателемъ журнала интересами книги. Онъ продолжалъ отдавать книжному дѣлу серьезное вниманіе въ хроникѣ, библиографіи и цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ приложений, каковыми, на примѣръ, являются „Русскіе сатирическіе журналы“, „Частныя библіотеки въ Россіи“, „Суворовскій отдѣлъ въ библіотекѣ Симанскаго“ и разные другіе строго-библиографическіе труды. На первое, однако, мѣсто, покойный вполне разумно и правильно сразу же выдвинулъ интересы болѣе живые и общіе, сначала исключительно литературные, а потомъ историческіе или историко-литературные.

Первой группѣ интересовъ отвѣчали превосходныя и самобытныя изслѣдованія о нѣкоторыхъ изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ и писателей: Пушкинѣ, Жуковскомъ, Шевченко, Щербинѣ, А. И. Тургеневѣ, Кайсаровѣ, Раичѣ и др., — изобилующія неизданными свѣдѣніями, представленными въ субъективномъ освѣщеніи цѣлаго ряда талантливыхъ авторовъ. Вторая категория интересовъ воплотилась, главнымъ образомъ, въ поэтическихъ запискахъ „Свѣтланы“ Воейковой и въ совершенно выдающихся по значенію мемуарахъ князя Долгорукова, — „этомъ“, какъ выражается М. Н. Лонгиновъ, „истинномъ подаркѣ для всѣхъ просвѣщенныхъ людей“, представляющемъ неисчерпаемый матеріалъ для литературы и общественности русской жизни на рубежѣ двухъ послѣднихъ столѣтій.

Таковы были главнѣйшіе идеалы и цѣли „Русскаго Библиофила“, завершенныя и дополненныя помѣщеніемъ въ журналъ хотя и менѣе крупныхъ, но не менѣе, въ своемъ родѣ, интересныхъ трудовъ по русской и иностранной иконографіи и графикѣ, отечественной поэзіи и изящной словесности, по изслѣдованію рукописей, исторіи русскаго театра, описанію курьезовъ литературы и исторіи, воспроизведенію автографовъ, рѣдчайшихъ портретовъ отечественныхъ дѣятелей и т. д., въ безконечнѣйшемъ разнообразіи.

Весь этотъ, блестящій жизнью, матеріалъ облеченъ былъ Николаемъ Васильевичемъ въ превосходную по внѣшности форму. Относясь къ своему изданію съ чисто-меценатской нерасчетливой щедростью, покойный не жалѣлъ ни времени, ни средствъ, чтобы придать ему ту подкупающую внѣшность, по качеству

бумаги, красотѣ шрифта и обилію воспроизведеній, которая всегда составляла одну изъ отличительныхъ особенностей журнала. И недаромъ недавно скончавшійся баронъ Н. Н. Врангель, вкусъ и мнѣніе котораго въ подобнаго рода вопросахъ пользовались заслуженнымъ авторитетомъ, всегда считалъ „Русскій Библіофилъ“ — „безспорно и во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ, самымъ жизненнымъ, интереснымъ и наиболѣе разумно веденнымъ изъ всѣхъ безъ исключенія современныхъ намъ изданій журнальнаго типа“.

Врангель давно уже собирался написать и журналу и его просвѣщенному редактору восторженный панегирикъ; смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе.

Та же неумолимая смерть, въ расцвѣтѣ силъ и способностей, прервала кипучую дѣятельность Николая Васильевича. Но яркому слѣду этой дѣятельности суждено его пережить.

Вдова покойнаго одушевлена сердечнымъ желаніемъ увѣковѣчить безконечно дорогую ей память продолженіемъ столь близкаго ея почившему мужу труда, имъ созданнаго и съ такой сердечной любовью взлелѣяннаго.

„Русскій Библіофилъ“ будетъ выходить въ намѣченныхъ его основателемъ рамкахъ. По примѣру первыхъ пяти лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ его отдѣломъ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будутъ помѣщаться неизданные мемуары, дневники, альбомы, письма и произведения выдающихся русскихъ людей. Литературная критика, описанія прежняго быта и прошлое русскаго театра будутъ дополнять его содержаніе. Въ журналѣ предполагается отводить, равнымъ образомъ, видное мѣсто вопросамъ графическаго искусства, вмѣстѣ съ вопросами чисто книжно-любительскаго свойства. Библіографическій отдѣлъ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, искусству и исторіи литературы, а также перечней вновь выходящихъ по этимъ вопросамъ изданій, будетъ заключать описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и специальныхъ. Журналъ предполагается, наконецъ, украшать, какъ и прежде, соотвѣтственнымъ числомъ воспроизведеній въ текстѣ и внѣ текста.

Осуществленіе этой обширной задачи „Русскаго Библіофила“, столь блестяще выполнявшейся его безвременно скончавшимся основателемъ, требуетъ, очевидно, немалаго труда. Важнѣйшимъ залогомъ успѣха этого труда и его дальнѣйшаго развитія можетъ служить сочувственное къ нему отношеніе читателей и благожелательное содѣйствіе принимавшихъ въ жур-

налѣ непосредственное участіе сотрудниковъ, столь щедро дѣлившихся съ журналомъ своими обширными знаніями. О такомъ сочувствіи и содѣйствіи считаетъ себя въ правѣ просить всѣхъ заинтересованныхъ въ дальнѣйшемъ существованіи „Русскаго Библіофила“ его издательница В. А. Соловьева-Трефилова. — Къ этой просьбѣ издательницы отъ души присоединяется и редакторъ журнала

В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

Николай Васильевич Соловьевъ.
† 14 августа 1915 г.

„Русскій Библіофилъ“ понесъ тяжелую, невознаградимую потерю. 14 августа, послѣ недолгой, бурно протекшей болѣзни, скончался основатель и руководитель журнала Николай Васильевичъ Соловьевъ.

Н. В. Соловьевъ родился въ февралѣ 1877 г., среднее образованіе получилъ въ училищѣ при церкви св. Анны, потомъ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ и въ Сорбоннѣ. Дѣятельность его была весьма разнообразна. Онъ былъ и гласнымъ городской думы, и членомъ правленія купческаго общества взаимнаго кредита, и книгопродавцемъ, и литераторомъ, и издателемъ. Но болѣе всего любилъ онъ литературу и искусство.

Съ дѣтства собирая книги, Н. В., ко времени вступленія въ самостоятельную жизнь, обладалъ такой большой библіотекой, что части ея, съ теченіемъ лѣтъ потерявшей для своего хозяина интересъ, было достаточно для того, чтобы положить основаніе книжному магазину, который Н. В. открылъ въ 1901 г. Магазинъ быстро развился въ крупное предпріятіе, о размѣрахъ котораго можно судить хотя бы по числу каталоговъ, имъ выпущенныхъ. При Н. В. ихъ вышло 139, и нѣкоторые изъ нихъ носятъ вполнѣ характеръ справочниковъ, не сходящихъ съ полки библіофила; таковы, напр., № 104 — „Русскіе портреты“ (1910 г., первый спеціальнй каталогъ русскихъ портретовъ и гравюръ), № 85 — „Рѣдкія книги“ (1910 г.), № 105 —

„Двѣнадцатый годъ“, № 122 — „Автографы и рукописи“ (1912 г., первый въ Россіи книгопродавческой каталогъ автографовъ).

Но торговая дѣятельность, хотя ея объектъ былъ избранъ Н. В. не случайно, а по внутреннему влеченію, и, по его словамъ, давала ему возможность жить въ излюбленной книжной атмосферѣ, не удовлетворяла молодого человѣка. Его тянуло на болѣе широкое поприще, — къ литературѣ, и въ 1902 г. мы застаемъ его издателемъ ежемѣсячнаго журнала „Антикваръ“. Первые шаги молодого журналиста были очень скромны. Скромность вообще была однимъ изъ многихъ прекрасныхъ качествъ покойнаго, и онъ вошелъ въ литературу робко, самъ не считая себя писателемъ, въ качествѣ только библіофила и библіографа, съ самыми осторожными планами и намѣреніями. Вотъ что писалъ онъ, начиная изданіе „Антиквара“:

„Въ то время, какъ безчисленное множество различныхъ библіографическихъ журналовъ, листовъ, ежегодныхъ альманаховъ, уже давно процвѣтаетъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы, у насъ ни одно изъ такихъ изданій не было долговѣчнымъ, и всѣ попытки основать серьезный библіографическій журналъ, терпѣли полное фіаско. Въ чемъ же здѣсь дѣло? Въ недостаткѣ знаній, или энергіи издателей? — Нѣтъ. Вспомнимъ Гартге, Лисовскаго, Шибанова; въ этихъ недостаткахъ ихъ упрекнуть нельзя. Въ отсутствіи достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? — И эта причина во многихъ случаяхъ не могла имѣть мѣста. Остается общепринятое предположеніе, что въ Россіи еще слишкомъ мало любителей-библіофиловъ, но и это предположеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не можетъ служить достаточной причиной гибели нашихъ библіографическихъ журналовъ.

„Серьезный библіографическій журналъ не можетъ и не долженъ быть интереснымъ только для небольшого сравнительно кружка собирателей книжныхъ рѣдкостей. Его значеніе гораздо шире, и онъ долженъ быть пособіемъ для всѣхъ изучающихъ какую-либо науку. Да наконецъ, если такіе спеціальныя журналы, какъ „Шахматный“, „Циклисть“ и т. п., предназначенные для гораздо болѣе узкаго кружка, процвѣтаютъ довольно долгое время, то почему же безвременно гибнутъ всѣ библіографическія журналы? Мнѣ кажется, дѣло вотъ въ чемъ. Небольшія спеціальныя журналы, вродѣ упомянутыхъ выше, предназначены, конечно, для очень небольшого числа интересующихся этими вопросами лицъ, но за то для каждого изъ нихъ журналъ представляетъ громадный, неослабѣвающий интересъ. Не забудемъ, что спортъ, какъ и шахматная игра — космополи-

тичны, и для нашихъ любителей въ равной мѣрѣ интересны событія спортивной жизни какъ нашей, такъ и заграничной, гдѣ спортъ и шахматы развиты давно и имѣютъ десятки тысячъ послѣдователей. И вотъ, несмотря на скудость матеріала оригинальнаго, журналъ не перестаетъ интересовать читателей, наполняясь переводами или сообщениями изъ-за границы. Другое совѣмъ видимъ мы въ библиографіи. Библиографія вообще узко національна, интересъ для нашей библиографіи представляетъ почти исключительно только то, что касается Россіи и русскихъ книгъ; переводамъ, на страницахъ спеціального журнала, можетъ быть удѣлено самое незначительное мѣсто. Насколько же развита русская библиографія? Въ томъ-то и дѣло, что она у насъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Въ то время, какъ въ западной библиографіи существуетъ множество отраслей, подѣловъ, развѣтвленій, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою обширную литературу, — у насъ библиографія представляетъ собою что-то такое безформенное, на чемъ едва можно намѣтить два грубыхъ, неуклюжихъ отдѣла: книги славянской и гражданской печати. Взглянемъ только на оглавленія заграничныхъ библиографическихъ журналовъ, и мы увидимъ, какіе громадныя, интересные отдѣлы должны быть откинута у насъ! Что будемъ мы писать о нашихъ переплетахъ, о нашихъ ех libris'ахъ, о нашихъ художественныхъ обложкахъ?

„Спеціальный журналъ является тогда, когда извѣстная наука, искусство, спортъ, стоятъ уже на нѣкоторой степени развитія, когда уже выработаны извѣстныя теории, положенія, которыя и должны лежать въ основаніи журнала, съ определенной программой. Журналъ слѣдитъ за послѣдовательнымъ развитіемъ вопроса, которому онъ посвященъ, именно съ точки зрѣнія этихъ основныхъ теорій и общепризнанныхъ понятій. Подготовительныя же работы по опредѣленію тѣхъ и другихъ, — дѣло не журнала, но спеціального изслѣдованія.

„Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей библиографіи, еще настолько младенческой, открыто широкое поприще для работъ именно въ этомъ направленіи. Работы много, спѣшной, неотложной, но работы только въ формѣ предварительныхъ изслѣдованій. Еще много надо намъ установить понятій, опредѣленій, которыя такъ сбивчивы и неясны, много надо изобрѣсти терминовъ и названій, и тогда только думать о серьезномъ библиографическомъ журналѣ. Пока намъ для него нельзя даже составить опредѣленной программы, писать же въ немъ положительно нечего... Теперь намъ нуженъ пока одинъ отдѣлъ такого жур-

нала — именно почтовый ящикъ; и вотъ такой-то обширный почтовый ящикъ долженъ представлять собою нашъ листокъ. Вопросы и отвѣты о рѣдкихъ изданіяхъ, обсужденія и полемика, касающіяся близко дѣла собиранія книгъ, извѣстія и новости антикварнаго книжнаго міра, иногда интересныя статьи отвлеченнаго характера, — вотъ какова можетъ быть неопредѣленная программа такого листка. Думаемъ, что, сблизивъ хотя нѣсколько кружокъ любителей книжнаго дѣла, листокъ нашъ послужитъ съ пользою подготовительнымъ работамъ по русской библіографіи“.

Въ первомъ же номерѣ Н. В. началъ печатать матеріалы для словаря русскихъ библіофиловъ, которымъ адресоваль слѣдующее воззваніе: „Задавшись мыслью приступить къ составленію „Словаря библіофиловъ“, и обратившись для этой цѣли къ многимъ собирателямъ съ просьбою дать намъ необходимыя свѣдѣнія о ихъ библіотекахъ, мы руководились единственнымъ желаніемъ принести посильную пользу отечественной библіографіи. Нельзя отрицать, что для всѣхъ собирателей свѣдѣнія о существующихъ частныхъ библіотекахъ очень интересны и полезны, и каждый, кто собираетъ книги систематически, по извѣстному вопросу, имъ разрабатываемому, понимаетъ, до какой степени важно ему знаніе хотя приблизительнаго состава библіотекъ тѣхъ, кто, подобно ему, работаетъ по данному вопросу. Между коллекціонерствомъ старыхъ гвоздей, пуговицъ, марокъ, и собираніемъ книгъ, существуетъ неизмѣримая разница, и если перечисленіе рѣдкостей первыхъ категорій выкажетъ ихъ владѣльцевъ саморекламирующими маниаками, то желаніе подѣлиться съ коллегами свѣдѣніями о своихъ книгахъ, можетъ быть только слѣдствіемъ любви и уваженія къ послѣднимъ, взгляда на нихъ не какъ на бездушный предметъ собиранія, но какъ на хранилище высшаго, духовнаго развитія человѣчества. Каждая малѣйшая попытка къ разработкѣ нашей библіографіи должна несомнѣнно принести пользу всей русской наукѣ, а наибольшее развитіе первой возможно только на почвѣ большаго общенія между собою тѣхъ, кто любитъ и цѣнитъ книгу. Такимъ образомъ, задача всякаго желающаго пользы нашей наукѣ — не скрывать у себя тѣхъ сокровищъ, которыя судьба послала въ его руки, но, по возможности, сдѣлать ихъ достояніемъ всего общества. Иначе, какъ безцѣльны будутъ всѣ труды собирателей, какъ бесполезны станутъ ихъ собранія, и высокая благородная страсть къ книгѣ обратится въ смѣшную и жалкую манию“.

Мы нарочно привели эти юношески-горячія строки молодого дѣятеля, чтобы показать мѣру его энтузіазма. А въ какой общественной обстановкѣ приходилось ему трудиться, это видно изъ слѣдующаго тутъ же грустнаго заявленія: „къ сожалѣнію, не всѣ согласны съ этимъ, и многіе изъ нашихъ любителей и собирателей заявили полное нежеланіе видѣть свое имя въ нашемъ словарѣ. Этотъ отказъ лишилъ насъ возможности приступить прямо къ составленію словаря, который мы предполагали печатать въ алфавитномъ порядкѣ, и принудилъ ограничиться печатаніемъ однихъ матеріаловъ“.

Въ слѣдующемъ № „Антиквара“ Н. В. помѣстилъ статью „Альманахъ на Западѣ и у насъ“, а вскорѣ напечаталъ два уже не библиографическихъ, а критическихъ этюда—о входившихъ тогда въ славу Горькомъ и Леонидѣ Андреевѣ. Теперь эти отзывы могутъ показаться элементарными и устарѣлыми, но тогда они имѣли безспорное значеніе въ ряду попытокъ опредѣлить дарованія и стремленія обоихъ писателей, а намъ они особенно интересны, какъ выявленія личности молодого критика и его высоко-идеалистическаго, свѣтлаго воззрѣнія на жизнь.

„Черезъ всѣ сочиненія Горькаго“—писалъ Н. В. Соловьевъ— „красною нитью проходитъ одна основная, главная идея—исканіе людьми цѣли, смысла жизни, страданіе отъ ненахожденія себѣ мѣста въ ряду „господъ“ жизни, и гибель отъ разочарованія въ этомъ стремленіи. Смыслъ жизни—служеніе ближнему, заботы о всеобщемъ счастьѣ, а это возможно только при условіи свободы личной, свободы отъ среды, отъ условностей и житейскихъ стѣсненій. Поэтому цѣль жизни—достичь этой свободы, стать властителемъ своей судьбы, а не быть ея рабомъ.“

„И вотъ—на свѣтѣ два сорта людей. Одни—большинство, толпа, довольны своей судьбой, живутъ для себя и „всякое дѣянiе ихъ отъ брюха происходитъ“ (Емельянъ Пиляй). Они берутъ отъ жизни все, что она имъ даетъ, и не стѣсняются въ средствахъ взять больше, если того требуетъ ихъ плоть. У нихъ нѣтъ другого идеала кромѣ своего тѣла, смыслъ и цѣль жизни—удобство и комфортъ его. Души ихъ „завалены хламомъ жизни“, и не могутъ выбраться изъ подъ него никогда. Для питанія своей жизни они берутъ пищу отъ земли, и твердо вѣрятъ, что внѣ ея, выше ея, пустота, въ которой погибнетъ всякій, кто въ нее будетъ стремиться. „Рожденные ползать“, говоритъ Ужъ въ „Пѣснѣ о Соколѣ“,—„они не могутъ летать“; „выше себя нельзя взлетѣть“, говоритъ въ другомъ разказѣ Дятель.“

„А вотъ другіе люди. — У нихъ въ душѣ живетъ стремленіе къ чему-то неуловимому, неясному, но лучшему; ихъ души не могутъ удовлетвориться окружающимъ, они ищутъ смысла, цѣли жизни. Видя всю пошлость, грязь, несправедливость людскую, они не могутъ „привыкнуть жить“, какъ всѣ, но и лучшей жизни себѣ не могутъ устроить. „У нихъ душа не по тѣлу“. („Мальва“). „Ихъ жизнь стасовала какъ карты, и немногіе, и то случайно и ненадолго, попадаютъ на свое мѣсто“. (Бывшіе люди). Одни изъ нихъ совершенно безсознательно стремятся къ чему-то лучшему, какъ Коноваловъ, Оома Гордѣевъ, Яковъ и др. — „Внутренняго пути у меня нѣтъ“, говоритъ Коноваловъ, „искорки въ душѣ, силы, что-ли?.. нѣтъ во мнѣ одной штуки... вотъ я живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть, мнѣ неизвѣстно“. Иногда въ слѣпомъ стремленіи своемъ, они избираютъ ошибочный путь, думаютъ, что смыслъ жизни въ матеріальномъ довольствѣ, цѣль ея достигъ его; и они работаютъ, трудятся, достигаютъ своей цѣли, и тутъ только познаютъ, что не въ этомъ смыслъ жизни, снова чуютъ духовную пустоту, и гибнутъ отъ разочарованія, отъ напрасно потраченной энергіи (Илья Луинъ).

„Другіе болѣе ясно сознаютъ, къ чему стремится ихъ душа, но у нихъ нѣтъ силы сорвать путы, наложенныя на нихъ жизнью, нѣтъ силы подняться изъ среды, чтобы добиться свободы и „поспорить о власти съ богами“. Они рабы жизни, они нише духомъ, нравственные „босяки“, всѣ эти Ежовы, Татьяны, Петры („Мѣщане“). Сердце ихъ „мертворожденно“, и не способно вывести ихъ на тотъ путь свободы, на которомъ бы они познали смыслъ и цѣну жизни. Они сознаютъ это безсиліе, мучаются имъ, и гибнутъ отъ нищенства своего духа, какъ Ежовъ, Кравцовъ, Орловъ, Ярославцевъ, Чижъ, или заглушая въ себѣ всѣ стремленія къ добру, сливаются съ толпой, опошливаются; „хотѣвшіе быть героями дѣлаются статистиками или учителями“. Всѣ они страдаютъ, видя порочныхъ и грязныхъ людей — счастливыми, спокойными, они озлоблены противъ этой пошлой толпы, бичуютъ ея пороки и развратъ (Тетеревъ въ „Мѣщанахъ“), и, конечно, встрѣчаютъ однѣ насмѣшки. Они учатъ жить другихъ, они, не имѣющіе сами мѣста въ жизни! Нужно горящее сердце Данко („Изергиль“), чтобы зажечь дряблыя сердца всѣхъ этихъ страдающихъ людей, и цѣною своей гибели вывести ихъ на путь свободы и познанія!

„Во всей современной литературѣ мало найдется равныхъ по красотѣ картинъ природы, которыми полны произведенія

Горькаго. Какія сильныя и новыя выраженія! Какое богатство, какая яркость красокъ, какъ на полотнѣ рисующихъ намъ самыя разнообразныя пейзажи! Описывая, по большей части съ натуры, хорошо знакомый ему быть босяковъ, бродягъ, мастеровыхъ, работницъ, фабричныхъ, наборщиковъ, Горькій даетъ намъ цѣлую коллекцію яркихъ и законченныхъ типовъ, которые по праву стануть въ ряду безсмертныхъ образовъ всей русской литературы. Таковы типы Челкаша, Чудры, Мальвы, Мишки, цѣлая галерея типовъ въ „Бывшихъ людяхъ“ и „Ярмаркѣ“, въ „Голтвѣ“ и др.

„Но на ряду съ этими яркими образами, встрѣчаемъ иногда характеры, очерченные или слишкомъ блѣдно, какъ напр. Маякина, Любви Маякиной (въ „Өомѣ Гордѣевѣ“), или типы, не совсѣмъ выдержанные, какъ, напр., Коноваловъ, въ рѣчахъ своихъ слишкомъ часто сбивающійся на философски тенденціозный тонъ самого автора. Вообще“, — прибавляетъ критикъ съ рѣдкою въ ту эпоху повального увлеченія популярнымъ писателемъ самостоятельностью взгляда — „въ тѣхъ произведеніяхъ Горькаго, въ которыхъ художественная сторона преобладаетъ, гдѣ меньше мѣста его тенденціознымъ философствованіямъ, тамъ съ наибольшою яркостью и силой сказывается его громадное дарованіе. Философскія изреченія и афоризмы, такъ часто влагаемые Горькимъ въ уста своихъ героевъ, отнимаютъ у изложенія простоту и искренность, которыя онъ самъ такъ высоко цѣнитъ, и которыя суть главныя условія художественности“.

Еще зорче и серьезнѣе оказался молодой критикъ въ характеристикѣ Леонида Андреева, котораго сопоставляетъ съ Горькимъ.

„Достиженіе свободы, справедливости, добра, трудно, почти невозможно, но трудность эту Горькій видитъ только въ самомъ человѣкѣ, въ дряблости, слабости его, въ неумѣннѣ вполнѣ воспринять добро въ природѣ, въ безсиліи побѣдить засасывающую силу болота. Въ концѣ концовъ побѣда все же не невозможна, и мы видимъ слабый еще, но все-таки достаточно ясный образъ уровновѣшенныхъ людей въ драмѣ „Мѣщане“. Андреевъ идетъ гораздо дальше, онъ безусловно отрицаетъ всякую возможность достиженія добра и правды на землѣ, самое стремленіе къ нимъ онъ называетъ безуміемъ, и его фраза: „о, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды“, можетъ служить эпиграфомъ ко всѣмъ его произведеніямъ. Герои Горькаго возбуждаютъ въ насъ почти всегда симпатію,

сочувствіе, они хотя неудавшіеся, но все же герои. Герои Андреева безумцы, и безумно и дико само стремленіе ихъ.

„Любопытно сопоставить двѣ символическія картины у Горькаго и Андреева, — картины, на первый взглядъ имѣющія много общаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ярко характеризующія настроеніе обоихъ писателей. У Горькаго, въ разсказѣ „Старуха Изергиль“ символическая картина пробужденія людей, появленія въ нихъ энергіи и силы въ стремленіи къ добру, благодаря геройству одного, цѣною своей гибели, сумѣвшаго вдохновить другихъ, дать силу и огонь ихъ дряблымъ сердцамъ и вывести ихъ на путь свободы и добра. Благородный, геройскій образъ Данко, мученика за идею, подвижника добра.

„А вотъ подобная же картина у Андреева въ его разсказѣ „Стѣна“. Если не здѣсь на землѣ, то есть же гдѣ то правда, гдѣ то далеко, въ неизвѣстной, туманной дали, куда достичь можно лишь по трупамъ своихъ братьевъ, по лѣстницѣ ихъ горя и страданій. Да и что тамъ? — неизвѣстно! Кто попадетъ туда? — развѣ одинъ оставшійся въ живыхъ!

„Какая глубокая разница! Тамъ геройская смерть за идею одного для спасенія всѣхъ, здѣсь грязное, пассивное околѣваніе всѣхъ, для сомнительнаго спасенія одного! Въ природѣ Андреевъ не видитъ святости и добра, онъ ее самое дѣлаетъ сообщницею людской грязи и зла, мало того, въ ней видитъ ихъ источникъ и причину. Какая грязная, больная картина ночи въ томъ же разсказѣ — „Стѣна“! Такое отношеніе къ природѣ, особенно послѣ дивныхъ картинъ Горькаго, невольно задѣваетъ и оскорбляетъ эстетическое чувство болѣе, чѣмъ весь ультра-реализмъ современнаго литературнаго направленія“.

Какъ водится, русская дѣйствительность была не особенно ласкова къ молодому работнику: несмотря на всѣ его старанія, и первый годъ своего „Антиквара“ Н. В. закончилъ грустнымъ признаніемъ: „Еще въ предисловіи къ 1-му №, мы говорили о преждевременности существованія у насъ серьезнаго, специально-библіографическаго журнала, и предполагали съ помощью новаго листка создать почву для ближайшаго общенія нашихъ бібліофиловъ, рассчитывая, конечно, на ихъ добрую волю, на искреннее и сознательное желаніе этого общенія. Къ сожалѣнію, расчеты наши не оправдались, и потребность въ немъ оказалась слишкомъ еще слаба въ средѣ нашихъ любителей. Листокъ нашъ въ лучшемъ случаѣ былъ встрѣченъ равнодушно, иногда же, прямо почти враждебно. Мы не выво-

димъ этого заключенія изъ незначительности числа нашихъ подписчиковъ, на большое количество которыхъ было бы слишкомъ наивно рассчитывать, — мы говоримъ о полнѣйшемъ и упорномъ нежеланіи духовно поддержать листокъ, о равнодушіи къ его главной цѣли — единенію любителей, достижимой только при возможно болѣе дѣятельномъ участіи въ немъ самихъ библіофиловъ. Тѣ немногіе вопросы, замѣтки, письма, которые болѣе храбрые рѣшались помѣщать на страницахъ „Антиквара“, оставались въ большинствѣ случаевъ безъ обсужденія и отвѣта, несмотря на всю важность и интересъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. При такомъ равнодушіи, такой инертности общества, трудно, конечно, работать, но мы рѣшились, тѣмъ не менѣе, еще на одинъ годъ продолжить наше изданіе“.

Просуществовавъ еще годъ, „Антикваръ“ прекратился, умноживъ собою и безъ того длинный списокъ неудавшихся въ русскомъ общественномъ быту добрыхъ начинаній.

Нѣсколько лѣтъ спустя мы находимъ Н. В. въ кружкѣ образованной любящей искусство и старину молодежи, сгруппировавшемся вокругъ редакціи „Старыхъ Годовъ“. Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ нѣсколько статей: „Русская книжная иллюстрація XVIII вѣка“ (1907 г.), „Иллюстрированныя изданія о Россіи начала XIX вѣка“ (1908 г.), „Иностранцы о Россіи въ XVII вѣкѣ“ (1909 г.), „Библиографія усадебъ“ (1910 г.), „Валеріанъ Лангеръ“ (1912 г.). Во всѣхъ этихъ работахъ Н. В. выказалъ себя выдающимся знатокомъ искусства вообще и книжной иллюстраціи и гравюры въ особенности, притомъ человекомъ съ русскою душой, культурнымъ патріотомъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Съ умнымъ сочувствіемъ, съ романтическимъ пониманіемъ кратко очертилъ Н. В. художественное прошлое русской помѣщичьей усадьбы, поскольку отразился въ иллюстраціи этотъ типъ угасшей жизни, и такъ же проникновенно возсоздалъ полузабытую фигуру рисовальщика и художественнаго теоретика 20—30-хъ годовъ, Лангера.

Въ качествѣ члена кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій, Н. В. участвовалъ въ организациі художественно-историческихъ выставокъ, которыя устраивалъ кружокъ („Русская женщина“, „Придворная жизнь“) и снабжалъ ихъ экспонатами изъ своего богатаго собранія. Для каталога выставки „Придворная жизнь 1613—1913“ Н. В. была написана большая вступительная статья, въ которой онъ проявилъ много знаній и художественнаго вкуса и далъ рядъ мѣткихъ общихъ характеристикъ

и частныхъ замѣчаній. Исключительно интересно и образно описаны имъ маскарады Екатерининской эпохи.

Безпрестанно учась, много читая, наблюдая, путешествуя, Н. В. съ годами расширилъ кругъ своихъ интересовъ, и его дѣятельности понадобилось поприще, на которомъ онъ могъ бы себя чувствовать легко и просторно. Такимъ поприщемъ и явился „Русскій Библіофилъ“, который онъ сталъ издавать въ 1911 г. Приступилъ онъ къ журналу, по своему обыкновенію, не спѣша и осторожно, не давая увлекающихъ обѣщаній, не обольщая себя большими задачами. „Русскій Библіофилъ“ долженъ былъ быть, какъ гласилъ подзаголовокъ, „вѣстникомъ для собирателей книгъ и гравюръ“. Въ скромной программной статьѣ издатель заявлялъ: „съ глубокой вѣрою въ значеніе собиранія произведеній печатнаго искусства приступаемъ мы къ изданію „Русскаго Библіофила“, имѣющаго цѣлью — послужить дѣлу коллекціонерства въ Россіи, дѣлу, которое такими быстрыми шагами идетъ впередъ въ своемъ развитіи, все болѣе и болѣе захватывая самые разнообразныя круги нашего общества“.

Но очень скоро содержаніе журнала (какъ это было и съ „Антикваромъ“) вышло далеко за предѣлы этого узкаго, спеціальнаго заданія, — вышло не потому только, что русская библіофильская почва оказалась, и по количеству матеріаловъ, и по наличному контингенту нашихъ библіофиловъ, слишкомъ скудной для журнала, поставленнаго такъ, какъ сразу поставилъ его Н. В., но главнымъ образомъ потому, что живость природы и разносторонность запросовъ влекли все впередъ и впередъ руководителя „Русскаго Библіофила“. Разумѣется, книга, какъ произведеніе особаго, „книжнаго“ искусства, и гравюра не остались въ пренебреженіи, но главное мѣсто въ журналѣ было удѣляемо разработкѣ вопросовъ исторіи литературы и графики въ самомъ широкомъ пониманіи этихъ словъ, и читающая публика не жаловалась на такое увеличеніе программы.

Уже въ первомъ году изданія „Русскій Библіофилъ“ посвятилъ цѣлую очередную книгу величайшему русскому историко-литературному явленію — Пушкину. Здѣсь появились письма и рисунки самага поэта, его портреты, рядъ иллюстрацій, снимковъ и статей о немъ. Самъ издатель помѣстилъ здѣсь цѣнный обзоръ: „Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина“, единственный, къ тому же, опытъ въ этомъ родѣ.

Въ 1911 же г. Н. В. напечаталъ въ „Русскомъ Библіофилѣ“ статью о трехъ французскихъ граверахъ, изображав-

шихъ русскую жизнь (Le Prince, Janinet, Debucourt) и изслѣдованіе „О портретахъ Тальони“. Последняя работа составляла часть труда, который писалъ тогда Н. В., между прочимъ большой знатокъ и любитель балета. Въ началѣ слѣдующаго (1912) года вышелъ этотъ трудъ — „Марія Тальони“, исторія жизни и служенія искусству прославленной танцовщицы, написанная съ обычнымъ для Н. В. пониманіемъ романтической эпохи Тальони и основательнымъ знаніемъ всѣхъ слѣдовъ, оставленныхъ въ литературѣ, графикѣ и музыкѣ Терпсихорой XIX вѣка. Сила сочувствія, увлекавшаго автора, такъ велика, что въ книгѣ возникаетъ для потомства очарованіе самаго преходящаго изъ искусствъ, раскрывается тайна неподражаемаго стиля Тальони.

Самымъ любимымъ дѣломъ Н. В. неизмѣнно оставался все время „Русскій Библіофилъ“. Онъ не жалѣлъ на него ни своихъ средствъ (въ пять лѣтъ изданія журналъ далъ около сорока тысячъ убытку), ни труда, писалъ иногда краткія рецензіи, подчасъ даже самъ держалъ корректуру и составлялъ хронику, и входилъ рѣшительно во всѣ мелочи. О томъ, какъ умѣлъ Н. В. разыскивать интересные матеріалы для журнала, достаточно свидѣлствуютъ хотя бы Пушкинскій номеръ 1911 г. или другой специальный номеръ, посвященный въ 1912 г. Жуковскому, гдѣ появилось много неизданныхъ писемъ, стиховъ и рисунковъ поэта, или такой памятникъ мемуарной литературы, какъ записки князя И. М. Долгорукова, печатающіяся съ начала 1913 г., письма Н. И. Новикова (1913), письма Герцена (1914), стихи Лермонтова (1913) и т. д. Любовь къ литературѣ сочетая съ любовью къ живописи. Н. В. разсмотрѣлъ альбомы поэта-рисовальщика Жуковскаго („Поэтъ-художникъ В. А. Жуковскій“, 1912) въ большой и богатой эрудиціей статьѣ. Этого поэта онъ особенно любилъ, по несомнѣнному сродству своей мягкой природы съ безмятежной душой Жуковскаго, и въ кругу близкихъ Жуковскому людей онъ нашелъ героиню работы, занимавшей его въ послѣдній годъ жизни, — А. А. Воейкову-„Свѣтлану“, біографію которой, такъ художественно сотканную, напечаталъ въ первыхъ пяти книжкахъ настоящаго года. („Исторія одной жизни“ вскорѣ выйдеть отдѣльной книгой, съ приложеніемъ матеріаловъ).

Какъ ни дорогъ былъ Н. В. созданный имъ міръ духовныхъ радостей и идиллическихъ трудовъ, гдѣ „все полно мира и отрады“, гдѣ ему жилось такъ легко и спокойно, онъ не могъ эгоистически замкнуться въ немъ, не считалъ себя въ правѣ

отойти въ сторону отъ заботъ и тревогъ гражданина. Общественная жилка въ немъ никогда не билась слабо. Какъ гласный городской думы, онъ принималъ участіе въ просвѣтительной дѣятельности муниципалитета и въ организациіи медицинской помощи населенію столицы, былъ членомъ больничной коммисіи, состоялъ попечителемъ Александровской больницы въ память 19 февраля 1861 г.; также много помогалъ бѣднымъ и въ частномъ быту. Грянула война и Н. В. многократно усилилъ свою общественную дѣятельность. Онъ всталъ во главѣ цѣлаго ряда лазаретовъ для раненыхъ воиновъ и отдалъ на это святое дѣло значительныя денежныя средства, отдалъ безъ шума, съ той благородной, до застѣнчивости доходящей скромностью, которая отличала его всегда и во всемъ. Смертельную простуду, которая въ нѣсколько дней свела его въ преждевременную могилу, онъ схватилъ при своихъ неутомимыхъ разъѣздахъ по лазаретамъ, бывшимъ въ его завѣдываніи.

Война не только призывала его къ обязанностямъ русскаго гражданина-патріота. Она задѣвала въ немъ просвѣщеннаго европейца, человѣка, которому дороги культурныя цѣнности. Съ негодованіемъ писалъ онъ, („Русскій Библіофилъ“ 1914, № V), когда пришли вѣсти о разгромѣ Лувена и Реймса: „Провидѣнію было угодно, чтобы та страна, которая казалась стоящею во главѣ культурнаго человѣчества, сама зажгла всемірный пожаръ, грозящій уничтожить столѣтіями добытые плоды цивилизациі. Народъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ науки, литературы, музыки, казавшійся носителемъ идеаловъ поэзіи въ ея лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ, народъ Шиллера и Гете, Гегеля и Канта, Бетховена и Вагнера, сорвалъ съ себя обманувшую міръ маску и оказался достойнымъ только своихъ древнихъ предковъ — варваровъ“... Его гармоническая натура не принимала внѣшней, матеріальной цивилизациі, исключавшей добро. Внѣ добра не было ни красоты, ни величія для этого истиннаго человѣка благой воли.

Вѣчная, незабываемая благодарность Николаю Васильевичу Соловьеву! Пусть легка будетъ надъ его прахомъ родная земля, которой онъ вѣрно служилъ умомъ, талантомъ и всѣми стремленіями чуткаго сердца.

Н. Л.

БУМАГИ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

II.

Неизвестный портретъ. Рисунокъ карандашомъ изъ альбома А. А. Воейковой.

1. ПИСЬМА А. А. ВОЕЙКОВОЙ ¹⁾.

а) А. А. Воейкова къ В. А. Жуковскому.

1.

Безъ года и числа ²⁾.

Милый другъ! Плетневъ поручилъ мнѣ отдать тебѣ это, и сказать что онъ думаетъ, что Пушкинъ хочетъ имѣть 15 тысячъ чтобы имѣть способъ бѣжать съ ними въ Америку или Грецію. Слѣдственно не надо ихъ доставлять ему. Онъ проситъ тебя, какъ единственнаго человѣка, который можетъ на него имѣть вліяніе, написать къ Пушкину и доказать ему, что не нужно терять вѣрные 40 т. съ терпѣніемъ ежели Плетневъ продастъ самъ всѣ поэмы вмѣстѣ, то можетъ имѣть 40 т. et sans avoir l'air de se douter de la raison, il ne faut parler que d'argent и также истолковать ему, что Псковъ вѣрно mésestendu — или можно выписать туда доктора. Однимъ словомъ, онъ думаетъ, что ты одинъ имѣешь власть надъ Пушкинымъ и проситъ тебя отвѣчать на эти письма. — Цѣлую тебя.

2.

14 Мая, Цар. Село (1826).

Cher Ami! Mon bon Angel! Nous voila arivées depuis hier soir à Zarskoe Sélo. Le trajet a été si peu pénible pour moi, que j'aurais été chercher moi même une maison, si j'avais pu prévoir que je ne serais pas fatiguée de la course, car la maison n'est pas commode, mais pas très mauvaise non plus. — J'aurais bien voulu pouvoir être aussi tranquille sur ton compte mon cher Ami, que tu dois l'être sur le mien! Merci pour le billet ³⁾ съ корабля!

¹⁾ Всѣ письма печатаются съ сохраненіемъ орфографіи и знаковъ препинанія подлинниковъ.

²⁾ На оборотѣ надпись: Жуковскому. Напеч. въ Изв. Имп. Ак. Наукъ. т. VIII.

³⁾ Дорогой другъ. Мой милый Ангелъ. Вотъ мы уже 8 дней какъ пріѣхали въ Царское Село. Переѣздъ былъ такъ мало утомителенъ для меня, что я бы сама пошла искать домъ, если бы не предвидѣла, что устану отъ прогулки, т. к. домъ неудобенъ, хотя и не очень плохъ. Всегда бы хотѣла быть настолько покойной на твой счетъ, милый другъ, какъ ты долженъ быть на мой. Спасибо за записку.

Дай Богъ, чтобы ты покойно и хорошо доѣхалъ. Мы еще не можемъ ничѣмъ заниматься кромѣ вѣтромъ — и вчера было грустно, потому что вѣтеръ, говорятъ, весь день былъ противный. — Узнавъ, что ты не опоздалъ на пароходъ, я отправилась на лодкѣ къ Карамзинымъ, онъ катался въ каретѣ и мы съ барышнями посидѣли, въ этотъ вечеръ онъ былъ очень слабъ и усталъ отъ прогулки. Спросилъ, въ которомъ часу ты приѣдешь проститься, и не хотѣлъ вѣрить, что ты уже уѣхалъ. „Фальшь и Жуковский, можетъ ли это быть вмѣстѣ.“ — Катер. Андр. ¹⁾ сказала, что предвидѣла, что ты совсѣмъ прощаешься, но всѣ тебя бранили, что ты имъ не далъ *la douce reine de dire adieu* ²⁾. Прощай Душа, милый, Христосъ съ тобой. Будь Богомъ хранимъ и возвратись здоровый. Всѣ чады и домочадцы здоровы.

3.

17 Мая 1826 г.

Милый Другъ! Зейдлицъ ³⁾ по счастью не уѣхалъ, и я могу прибавить нѣсколько словъ къ моему первому письму, и нѣсколько словъ радости! Карамзину Государь далъ 50 тысячъ пенсiи, *reversible sur la femme et sur les enfants, jusqu'au mariage de la dernière des filles* ⁴⁾, и въ указѣ сказалъ что это исполнилъ волю покойнаго Государя! Ежели это не можетъ уже продлить дни его, то вѣрно успокоитъ послѣднія минуты! Утѣшь Богъ за это милаго, деликатнаго Царя! — На другой день моего приѣзда я была, по милости Вариньки ⁵⁾, которая была здѣсь и просила *sans que je la lui dise* ⁶⁾, — я была у Царицы. Вхожу къ ней, она изъ другой двери выходитъ съ Адиночкой ⁷⁾ на рукѣ, два ангела. Тотчасъ начала спрашивать: „*bien des détails sur mon bon, mon cher Joukowsky*“ ⁸⁾; я была у неѣ ^{3/4} часа, все говорила о тебѣ или о покойномъ Государѣ, — она ласкова и мила была очень. „*Au nom du Ciel ne m'oubliez pas lorsque vs. saurez qu'il est débarqué, donnez m'en d'abord des nouvelles*“ ⁹⁾. Нѣсколько разъ повторяла что ты Единственный подлѣ Александра Николаевича — *irremplaçable, unique, que personne ne peut avoir votre patience* ¹⁰⁾. — Я сказала что надѣюсь къ тебѣ написать что я еѣ видѣла, еще въ тотъ же вечеръ, и ждала Зейдлица. Она кликнула Александра Николаевича ¹¹⁾, стала спрашивать *ce qu'il vs. fera dire, s'il vs. promettra d'être sage et appliqué* ¹²⁾, и милый крошка съ такимъ чувствомъ говорилъ: цѣлую Жуковскаго, скажите ему, чтобы онъ былъ здоровъ. — Къ обѣду пришли всѣ дѣти (Государь былъ въ Петербургѣ), они всѣ вмѣстѣ несравненны!

¹⁾ Екатерина Андреевна Карамзина.

²⁾ Прiятную печаль сказать тебѣ прости.

³⁾ См. о немъ ч. I.

⁴⁾ Переходящую на жену и дѣтей вплоть до замужества послѣдней дочери.

⁵⁾ В. Н. Карамзиной, дочери исторiографа.

⁶⁾ Безъ того, что бы я ей говорила объ этомъ.

⁷⁾ Вел. кн. Александра Николаевна, род. 1825 г.

⁸⁾ Подробности о моемъ добромъ, дорогомъ Жуковскомъ.

⁹⁾ Ради Бога не забудьте меня, когда Вы узнаете, что онъ приѣхалъ, сообщите мнѣ сейчасъ же.

¹⁰⁾ Незамѣстимый, единственный, что никто не можетъ имѣть Вашего терпѣнія.

¹¹⁾ Наслѣдникъ.

¹²⁾ Чтó онъ велитъ Вамъ передать и общаетъ ли Вамъ быть умнымъ и послушнымъ.

Нельзя ихъ видѣть безъ молитвы, чтобы ихъ счастье не разрушилось. Какъ она мило, просто, безъ фразъ но глубоко чувствуя, вспоминала о покойномъ Государѣ, спрашивала гдѣ я его видѣла въ послѣдній разъ, какъ съ нимъ простилась. — Я ей сказала что первое мое дѣло по утрамъ смотрѣть противный или попутный тебѣ вѣтеръ. — „Oh! comme j’у ai souvent pensé, combien de fois par jour j’ai regardé si Joukowsky s’éloigne“ ¹⁾. — Милый Другъ, кажется тебѣ былъ противный вѣтеръ, а вчера и сильная качка должно быть была? — Маминька здорова, грустить что не простилась съ тобой, но рада что ты спокойно поѣдешь. Перовскій ²⁾ вчера былъ, ты знаешь что послѣ тебя всѣхъ больше ему рада, но видъ его грустенъ, вспоминая что столько мѣсяцевъ тебя не увидить. Ничто такъ твою милую душу и дружбу ко мнѣ не вспоминаетъ какъ онъ, vous avez la même sollicitude pour moi ³⁾. — Тургенева ⁴⁾ видѣла у Карамзиныхъ въ день твоего отъѣзда. — Христось съ Тобой.

4.

Царское Село 29 Июля 1826.

Мы получили вдругъ оба письма твои, мой безцѣнный другъ. Изъ Эмса и съ дороги, оба вѣрно дошли. Я очень виновата, что не писала прежде, но право не имѣла на это силы. Это время такое было невыносимо тяжелое, что не было возможности позволить себѣ о немъ разговориться. Маша ⁵⁾ была бы больна. Je ne pouvais prendre sur moi qu’en m’occupant d’elle et des aînés ce qui faisait une distraction aux cruelles peines qu’on voyait s’accumuler sur toutes les personnes qu’on connaît. La veille de mon départ de Pétersbourg, j’allais prendre congé des Karamzine, et je remercie Dieu d’avoir eu la force de le faire. Il était si bon! si caressant pour moi que je n’oublierai jamais son dernier adieu ⁶⁾. Lorsque je lui ai dit que vous étiez parti ⁷⁾, „Жуковский и солгалъ, можно ли это“. Велѣлъ мнѣ тебя за него душевно обнять когда ты возвратишься, говорилъ долго о тебѣ, о томъ какъ весело о тебѣ думать, — полагается на твою прекрасную чистую душу, желая чтобы ты никогда съ Александромъ Николаевичемъ не разстался — я просила его чтобы онъ благословилъ меня, pour que cela me porte bonheur и послѣднее слово его ко мнѣ было — до радостнаго свиданья. — Дай Богъ съ нимъ увидѣться! — toute la récompense d’une vie parfaite serait de se trouver là où il est ⁸⁾. — Ты не можешь

¹⁾ О какъ я часто объ этомъ думала, сколько разъ въ день я смотрѣла, удаляется ли Жуковский.

²⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій, 1794 — 1857, см. ч. I.

³⁾ Вы имѣли оба равную заботливость обо мнѣ.

⁴⁾ Александра Ивановича.

⁵⁾ Третья дочь Александры Андреевны, впоследствии графиня Марія Александровна Бревернъ де-ла-Гарди, род. 11 июня 1826 г. Мать сама кормила ее.

⁶⁾ Карамзинъ скончался 22 мая 1826; Ал. Ан. Воейкова переѣзжала въ Царское Село.

⁷⁾ Я могла пересилить себя только занимаясь ею и старшими, которыя давали разсѣяніе въ ужасныхъ непріятностяхъ, собравшихся на всѣхъ близкихъ (знакомыхъ). Наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга я пошла проститься съ Карамзинымъ и благодарю Бога, что имѣла силы это сдѣлать. Онъ былъ такъ добръ, такъ ласковъ со мною, что я никогда не забуду его послѣдняго прощанья. Когда я ему сказала что Вы уѣхали...

⁸⁾ Награда цѣлой жизни состоитъ въ томъ, чтобы находиться тамъ, гдѣ онъ...

себѣ вообразить чувство которое произвелъ Царско-Сельскій садъ. C'est absolument un grand cimetière — l'allée qui était entre ma maison et la Chine, où j'ai tant de fois vu l'Empereur, l'Impératrice ¹⁾ et Karamzine, et en général tout ce jardin font extrêmement mal und es ist so heimlich darin; la première fois que j'y étais, — à peine j'osais parler haut, tant ils me paraissaient tous présents. — Le lendemain de mon arrivée, l'Impératrice ²⁾ m'a fait venir chez elle, tout le temps elle n'a fait que me parler de l'Empereur Alexandre. Quel ange que cette femme. Comme elle sait (... не разобрано). Elle m'a recommandé de lui communiquer toutes les nouvelles que j'aurai de vous ³⁾. Съ ней такое же наслаждение было говорить объ тебѣ, какъ съ Карамзинимъ. Она нѣсколько разъ повторила: „rien, rien ne pourra le remplacer auprès d'Alexandre, personne n'aura son âme pour lui!“ ⁴⁾. Я послала твое письмо къ Перовскому, чтобы онъ ей сообщилъ. — Когда она дѣтей встрѣчаетъ въ саду, то всегда о тебѣ спрашиваетъ и велѣла Катѣ ⁵⁾ мнѣ сказать, что Принцесса Прусская пишетъ къ ней qu'elle vous voit beaucoup et vous trouve comme nous, extrêmement agréable, „mais elle ne dit rien sur sa santé, ajouta l'Impératrice, et cela me désole“ ⁶⁾. Дѣти любятъ тебя безъ памяти, не только А. Н. ⁷⁾, но и Мэри, но даже Ольга, прибѣгутъ ко мнѣ, когда я къ нимъ приду, или въ саду, и все о тебѣ первое слово. — Мой секретъ не совсѣмъ хорошо сохранился, я послала Маминкѣ твое письмо изъ Эльзенера, dans la joie de mon coeur de savoir que Vous n'êtes pas au fond de la mer et de le communiquer à Maman, j'oubliais que vous me dites de vous annoncer d'abord la naissance du дѣтище, et Maman me demande sur mon âme et conscience, dans sa réponse, si j'étais grosse. Je lui reponds que non, mais elle a reçu cette lettre par la même poste que celle où Woéykoff lui annonçait la naissance de Marie. Elle est encore avec moi maintenant, mais parle déjà de partir, j'espère cependant pouvoir gagner encore une quinzaine ⁸⁾. Милый Другъ! окончаніе несчастій

¹⁾ Императоръ Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна.

²⁾ Императрица Александра Феодоровна.

³⁾ Это совершенно большое кладбище — аллея, которая идетъ отъ моего дома до Китайскаго (дворца), гдѣ я столько разъ видала императора, императрицу и Карамзина, и вообще весь садъ производятъ такое печальное впечатлѣніе. И тамъ такъ таинственно; въ первый разъ какъ я тамъ была, я едва осмѣливалась громко говорить, такъ мнѣ казалось, что всѣ (они) присутствуютъ здѣсь. На другой день послѣ моего приѣзда императрица призвала меня и все время говорила только объ императорѣ Александрѣ. Какой ангелъ эта женщина. Какъ она умѣетъ (. . . .). Она поручила мнѣ сообщать ей всѣ новости, которыя я буду имѣть о Васѣ.

⁴⁾ Ничто, ничто не можетъ замѣнить его около Александра, никто съ такой душой не отнесется къ нему.

⁵⁾ Екатерина Александровна Воейкова, старшая дочь Александры Андреевны, родилась 26 іюня 1815 г., скончалась 28 января 1844 г.

⁶⁾ Что она Васѣ часто выдаетъ, и Васѣ находитъ, какъ и мы всѣ, чрезвычайно пріятнымъ, „но она ничего не говоритъ о его здоровьѣ, прибавила императрица и это меня огорчаетъ“.

⁷⁾ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

⁸⁾ Съ сердечною радостью узнавъ, что Вы не находитесь на днѣ моря и желая это сообщить маминкѣ, я забыла, что Вы въ немъ (письмѣ) просите сообщить Вамъ прежде всего о рожденіи дѣтища, и маминка (очевидно, отъ нея скрывалась беременность Саши. Прим. ред.) въ своемъ отвѣтѣ, заклиная меня душою и совѣстью, спрашиваетъ беременна ли я? Я ей отвѣчала, что нѣтъ, а она съ этой же почтой получила письмо отъ Воейкова, который ее извѣщалъ о рожденіи Маши. Она еще пока со мною, но уже собирается уѣзжать; я надѣюсь, однако, сумѣть удержать ее недѣли на двѣ.

14-го декабря поразить тебя также какъ и насъ — но благодарю Бога что ты далеко, что не видишь несчастныхъ родителей. Въ какомъ они положеніи ты представить можешь, но видѣть все это, и знать что никакой помощи, никакой отрады этому горю нѣтъ — это нестерпимо. Ты можешь себѣ представить, что ни разговора, ни мысли ни о чемъ другомъ нѣтъ, какъ объ нихъ et cela abat complètement. Même ma petite Marie, quand je me réjouis d'elle, l'idée de la pauvre Александра Григорьевна ¹⁾ m'empêche d'être heureuse. Avec quel sentiment cette pauvre femme regardait-elle les enfants! On a presque de remords à éprouver un sentiment de joie au milieu de tant de malheur ²⁾. Первое полное чувство радости, которое я имѣла, было произведено твоимъ письмомъ — я не надѣялась на твое здоровье и забыла все когда его прочла. У меня, благодаря Бога, всѣ здоровы. Маша — кругленькое, бѣленькое, хорошенькое созданіе, всегда улыбающееся когда не плачетъ — а плачетъ не много. Меня очень хорошо знаетъ, старшіе ее любятъ безъ памяти и Андрей тоже ³⁾. Съ отъѣздомъ Царицы мы совершенно одни, изрѣдка видимъ Барыковыхъ, которые живутъ въ Павловскѣ. Графъ Толстой ⁴⁾ опредѣленъ, былъ здѣсь и поѣхалъ за семействомъ; черезъ 28 дней моя милая Пашинька будетъ здѣсь. Князь Вяземскій ⁵⁾ пріѣхалъ два дня послѣ кончины Николая Михайловича ⁶⁾ и увезъ все семейство въ Ревель — они всѣ здоровы. — Прошай мой милый, несравненный Жуковский. Береги себя, дай Господи чтобы тебѣ Эгеръ возвратилъ силы и чтобы я не видала тебя задыхающагося отъ лѣстницы и блѣднаго. Люблю тебя какъ все что есть прекраснаго въ свѣтѣ и въ душѣ. Какъ весело будетъ тебя ждать. Благослови дѣтей и люби Машу покуда за то что она Маша ⁷⁾. — У насъ были, ѣхавши въ Москву, Блудовы ⁸⁾, (который получилъ Анну I и сдѣланъ Статсъ-Секретаремъ) и Дашковъ ⁹⁾, послѣдній просилъ меня сказать тебѣ, что онъ истинный твой другъ, а вчера я была у Плещеевой ¹⁰⁾, въ Павловскѣ. Всегда у всѣхъ первое слово со мною о тебѣ, моимъ неподобномъ Жучкѣ! весело видѣть радость всѣхъ, что тебѣ лучше. — Напиши пожалуйста о миломъ Сергѣѣ Ивановичѣ ¹¹⁾ и скажи ему, что я его люблю съ такой милой для меня благодарностью. — Лёвенштерновъ ¹²⁾ увидишь въ Дрезденѣ — проси ихъ меня помнить, а милой Брейшѣ ¹³⁾ скажи, что я ее люблю душой.

1) Очевидно Муравьева, рожд. гр. Чернышева, жена казеннаго декабриста.

2) И это совершенно убиваетъ. Даже когда я радуюсь своей маленькой Машей, мысль о бѣдной А. Г. мѣшаетъ мнѣ быть счастливой. Съ какимъ чувствомъ эта бѣдная женщина смотритъ на своихъ дѣтей. Испытываешь почти угрызения за чувство радости, среди такого несчастья.

3) Андрей Воейковъ, сынъ А. А.

4) гр. Андрей Толстой, мужъ часто упоминаемой въ письмахъ Пашеньки, или Полины, гр. Прасковьи Васильевны Толстой, рожденной Барыковой.

5) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

6) Н. М. Карамзинъ.

7) Намекъ на покойную М. А. Мойеръ.

8) Графъ Дмитрій Николаевичъ.

9) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, другъ Жуковского.

10) Анна Ивановна Плещеева, рожд. граф. Чернышева.

11) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, род. 1792, умеръ въ Парижѣ, на рукахъ Жуковского въ 1827 г.

12) Семейство барона Левенштерна, одинъ сынъ котораго, баронъ Владиміръ Ивановичъ отличился въ Отечественную войну.

13) Графиня Брай, рожденная Левенштернъ.

30 Авг. 1826 г. Царск. Село.

Милый другъ, вотъ тебѣ два письма Вяземскаго и Козлова ¹⁾. Какъ утѣшаютъ твои вѣсти о здоровьи! Avec quelle joie je vois passer les jours et j'attends Votre retour mon bon 'ami! je ne sais que le dire, mais Vous saurez le sentir ²⁾. — Сейчасъ получила отъ Воейкова письмо, выпишу тебѣ милости: Сакенъ и Витгенштейнъ — фельдмаршалы, Дибичъ — полный генералъ, Чернышевъ — Графъ, ce sera le représentant de la famille Чернышевъ, — elle serait éteint sans cela! ³⁾. Васильчиковъ, Литта, Кн. А. Н. Голицынъ, Дм. Л. Нарышкинъ — голубыя ленты, Алек. Перовскій — Влад. II кл., Огаревъ, Челишевъ, Гавр. П. Апухтинъ — Сенаторы, Петръ Кайсаровъ звѣзду съ лентой. Воейковъ не пишетъ какую. Въ полные генералы: Депрерадовичъ, Ролень 1-й, Жомини, П. В. Кутузовъ, Трубецкой, Бороздинъ, Ожаровскій, Орловъ-Денисовъ, Паскевичъ, Толь. — Генераль-Лейтенанты: Сухозанетъ, Потаповъ, Шеншинъ, Мишо, Головинъ, П. Петр. Ушаковъ. — Говорятъ здѣсь, что Бар. Ливень — Княгиней. — Вотъ тебѣ весь мой кузовъ новостей. — Я провела эти дни съ Еленой Черкасовой ⁴⁾ въ городѣ, она несказанно грустна и мила по старому. Son chagrin dans ce moment ci est encore plus sensible, plus penible, parce que tout, à commencer par le temps, est si „feierlich“, si gai! Tout ce pourpre pour les fêtes, les illuminations — exceptées les familles qu'on rencontre à l'église de la forteresse!

Revenue à Zarskoé, j'ai envoyé Miss Parish à Pétersbg. et j'ai passé ces trois jours toute seule avec mes quatres enfants. Mon ami, c'étaient de bien beaux jours! Elles étaient si heureuses les ainées de se trouver seules avec moi et les cadets étaient si gentils; jamais l'heure la plus solennelle de ma journée — celle que j'aime tant lorsque les enfants sont endormis et qu'à genoux à côté de leurs petits lits je remercie Dieu pour le bonheur de posséder ces petits bijoux — jamais cette heure n'a été aussi solennelle pour moi que pendant ces trois jours n'ayant été occupée que des enfants seuls il me semblait les mériter davantage! Je vous quitte pour aller ⁵⁾ на молебствіе. Будь здоровъ. Вяземскаго письмо изъ экономіи распечатала, но право не читала. ⁶⁾

Адресъ: M. de Joukowsky, im Italienischen Dörfchen № 9. Dresden.

¹⁾ Поэтъ И. И. Козловъ.

²⁾ Съ какою радостью я вижу (считаю) проходящіе дни и жду Вашего возвращенія, мой добрый другъ. Я могу это только сказать, но Вы сумѣете это почувствовать.

³⁾ Это будетъ представитель фамиліи Ч., она бы вымерла безъ этого.

⁴⁾ Сестра декабриста, барона Алексѣя Черкасова.

⁵⁾ Ея горе въ этотъ моментъ еще болѣе чувствительно, болѣе тягостно, такъ какъ все, начиная съ погоды, такъ празднично, такъ весело. Весь этотъ праздничный пурпуръ, иллюминаціи, — не для семействъ, которыя можно встрѣтить въ крѣпостной церкви.

Возвратясь въ Царское, я послала Miss Parish въ Петербургъ и провела эти 3 дня совершенно одна, съ моими четырьмя дѣтьми. Мой другъ, это были такіе хорошіе дни. Онѣ были такъ милы; никогда самый торжественный часъ моего дня — который я такъ люблю, когда дѣти заснутъ, а я на колѣняхъ у ихъ маленькихъ постелекъ благодарю Бога за счастье имѣть эти маленькія сокровища — никогда этотъ часъ не былъ такъ торжествененъ для меня, какъ въ эти три дня, занятые только дѣтьми, мнѣ казалось, что я ихъ больше заслужила. Я Васъ оставляю, чтобы итти.

⁶⁾ Дѣло происходило во время коронаціи Имп. Николая I.

Портрет гвардии капитана А. В. Сабурова,
списан с А. А. Воейковой. 31 октября 1824.

Акварель А. А. Воейковой изъ ея альбома.

6.

3 сентября 1826 года, Царское Село.

Честь имѣю васъ поздравить, господинъ Коллежскій Совѣтникъ, съ достиженіемъ сей цѣли. Желая вамъ во всемъ прочемъ подобный успѣхъ. — Я нынче видѣла тебя во снѣ, что мнѣ было очень пріятно даже гораздо пріятнѣе, чѣмъ теперь находится на яву, гдѣ я тебя не вижу — а когда я подумала, что нынѣшній день черезъ мѣсяць я тебя увижу — и здороваго, то такъ станетъ весело, что и спать не хочется, мой несравненный Жучька. Я была вчера въ Петербургѣ, ѣздила къ Еленочкѣ Черкасовой и прибирала свой новый домъ, прекрасный, прудобный — но такъ было грустно думать, что не могу уже впредь пойти поболтать съ моимъ милымъ другомъ! ¹⁾ не буду его видѣть, или хотя черезъ перегородку слышать всегда, когда захочется, — что обновила домъ слезами. Какъ я тебя люблю, Жуковскій. — Черкасову я нашла нѣсколько повеселѣе. Брату ея одинъ годъ крѣпости остается, въ коронацію половина наказанія снята и ему вмѣсто двухъ лѣтъ одинъ годъ крѣпости. Каторги вовсе никому не будетъ. — Но еще указа объ этомъ нѣтъ въ Петербургѣ. Алексѣй Черкасовъ думаетъ объ Сибири почти съ удовольствіемъ, такъ пріятенъ былъ имъ бѣднымъ отцовскій домъ. Не могу тебѣ сказать какъ онъ интересенъ, уменъ, образованъ; съ какимъ онъ чувствомъ спрашивалъ о тебѣ. Иванъ Петровичъ сердится, что Еленочка поѣхала видѣться съ братомъ, котораго вѣроятно больше никогда не увидитъ.

Посылаю тебѣ листокъ Инвалида о коронаціи. Прекрасная наша Царица перенесла всю церемонію гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать по ея слабости. Говорятъ, она такъ была хороша, что всѣ въ восхищеніи; особливо тронуло всѣхъ то, что Онъ въ коронѣ пошелъ обнять Государыню и Константина ²⁾.

Мы поживаемъ здѣсь преакуратно и пресмирно. Не видимъ никого что вовсе не скучно. Дѣти много гуляютъ, а я много лѣнюсь. Вчера привила твоей прекрасной незнакомкѣ ³⁾ оспу, какая она душечка, бѣленькая, голубоглазая, этого ты вообразить не можешь. Ты ее вѣрно будешь любить, доброе веселое существо. — Дорогой нашъ Козловъ совсѣмъ сошелъ съ ума отъ производства кавалерскихъ дамъ и особливо отъ Фрейлинъ. Два дня, которые я его видѣла, не могла даже добиться чтобы онъ мнѣ кн. Долгорукую ⁴⁾ (которая прелестна) прочелъ, все сидитъ съ газетами въ рукѣ и всѣхъ заставляетъ снова читать и перечитывать. Ничѣмъ его такъ не огорчишь, (что я слѣлала, право, не зная), какъ тѣмъ, что у Девонширскаго ⁵⁾ обѣдъ былъ дурень. „Voilà le public ingrat de Moscou, et vous ma cousine qui répétez les méchants propos de ces Ostrogots, un homme qui a fait venir 45 cuisiniers de Paris! Un homme comme cela on ne sait pas l'apprécier“ ⁶⁾. У него ужасная rivalité за Девоншира, но не думай чтобы въ шутку.

¹⁾ Жуковскій переѣхалъ отъ Воейковыхъ въ Зимній Дворецъ.

²⁾ То есть имп. Марію Ѳеодоровну и цесаревича Константина Павловича.

³⁾ Младшая дочь Маша, родившаяся въ отсутствіе Жуковскаго.

⁴⁾ Стихотвореніе И. И. Козлова.

⁵⁾ Герцогъ Девонширскій, англійскій представитель во время коронаціи имп. Николая I.

⁶⁾ Вотъ неблагодарная публика Москвы, и Вы, кузина, повторяете эти злыя клеветы остроготовъ (дикарей). Человѣкъ, который выписалъ 45 поваровъ изъ Парижа. Такого человѣка, не умѣютъ цѣнить.

Милый другъ нынѣшній день прошлаго года провожали мы Елизавету 1) въ Таганрогъ. Ее никто не надѣялся увидѣть, но ее одну. Ужасно сбылись всѣ дурныя предчувствія нынѣшняго дня.

4-ое сентября.

Катя беретъ урокъ на фортепіанахъ и напоминаетъ мнѣ нашу Машу. Какое святое счастье даютъ эти милые дѣти. Катя учится хорошо и отъ радости сдѣлалась пунцовая, глазенки горятъ, играетъ увертюру Фрейшюца такъ порядочно, что можно съ удовольствіемъ слушать. Радость дѣтми всегда хочется мнѣ съ тобой раздѣлить, мой милый, снисходительный Жуковскій.

Адресъ: Monsieur de Joukowsky. Berlin poste restante. Зачеркнуто и написано: Im Italienischen Dörfchen № 9, in Dresden. — Reichspost 2).

7.

Царское Село, 2 Октября 1826.

Гр. В. А. Перовскій къ В. А. Жуковскому.

Ты можеть быть сердиться, бранишься за то что не пишу къ тебѣ, мнѣ было время много, но не столько какъ у тебя, а отъ тебя давно уже не получали мы ни слова. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы, узналъ я только, да и то случайно, что ты на зиму остаешься въ Дрезденѣ; признаюсь, что я этому былъ болѣе радъ нежели огорченъ: я не надѣялся, чтобы ты къ нынѣшней осени совершенно выздоровѣлъ, и боялся, что ты воротиться хворый, зимою разстроишь свое здоровье; теперь же жалѣю только, что разлука съ тобой будетъ продолжительнѣе, но по крайней мѣрѣ, когда увидимся, то на долго. — Въ Москвѣ если не безпрестанно, то очень часто о тебѣ думалъ; тамъ началась наша дружба, тамъ, въ день рожденія Александра Николаевича 3) провели мы съ тобою нѣсколько часовъ незабвенныхъ и теперешнее пребываніе доставило бы тебѣ еще болѣе счастливыхъ минутъ; ты бы навѣрное почувствовалъ опять вдохновеніе при видѣ обрядовъ коронаціи; нельзя вообразить себѣ зрѣлища восхитительнѣйшаго, какъ шествіе Императора и Императрицы изъ собора къ Красному крыльцу; день былъ прекрасный, безчисленная толпа покрывала ступени устроенныя амфитеатромъ кругомъ соборовъ и Грановитой Палаты, и заглушала звуки большого колокола радостными криками. — Императрица была безподобна и хорошо перенесла усталость сей церемоніи. — И ѣхавши въ Москву и возвращаясь отъ туда я провожалъ дѣтей: Александра Николаевича и двухъ Великихъ Княженъ и былъ счастливъ получивъ сіе порученіе; они премиленькіе, прелюбезные и предобрые дѣти, часто вспоминаютъ о тебѣ и теперь узнавъ, что я къ тебѣ буду писать, надавали отъ себя пропасть комиссій. — Александръ Николаевичъ велитъ сказать, что очень тебя любить и будетъ самъ писать, — Марія Николаевна, что постарается не забыть того, что съ тобой научилась; а маленькая Ольга: скажите Жукъ, что я говорю, что я ему кланяюсь. — Прошай любезный другъ, я ожидаю твоей воли: писать къ тебѣ впредь. — Выздоровливай и люби меня по прежнему.

1) Имп. Елизавета Алексѣевна.

2) Рукой Жуковскаго написаны слѣдующія имена съ отмѣтками, должно быть, кому онъ хотѣлъ писать и уже написалъ:

— Е. Аван(асьевна).

— Булг(аковъ).

— Ливенъ

— Шамбо.

— Мердерь.

3) Наслѣдникъ.

— Саша.

Нар(ышкинъ).

О. Ник.

Конд.

К(апо) д'И(стрія)

Козловъ.

Жиль.

Шем.(іотъ).

Алек. Ник.

M. Wild(ermuth).

Приписка А. А. Воейковой.

Милый другъ. Эгоистка твоя Свѣтлана, не можетъ еще безъ слезъ думать, что нынѣшняя зима пройдетъ безъ тебя. Не могу me faire à cette idée. En choisissant la maison, ou je ne préparerai pas de chambre pour mon cher ami — à côté des miennes — j'étais extrêmement triste, mais j'espérais vous voir tous les jours — maintenant j'apprends que plus d'une année se passera sans vous! Une année! Et peut on faire des projets même pour quelques jours d'avenir ¹⁾?

Въ моей жизни прекрасное — безъ счастья это Вы, особливо ты. Тебя „entbehren“ ²⁾ это несносно. Но это должно быть, и не надо жаловаться. Дай Богъ, чтобъ тебѣ помогло, чтобъ ты хорошо проведешь время искуса. Бога ради не теряй даже и минуты, особливо ни для кого не женируйся — будь въ своемъ образѣ жизни, какъ я въ кушаньѣ теперь — только ѣмъ съ мыслью, что это стряпня Машкинаго ³⁾ молока, — а ты какъ нибудь сдѣлай себя въ двухъ лицахъ — лечи того Жуковского, котораго я тебѣ ввѣряю, и безъ котораго я жить не умѣю. — Я была у дѣтей ⁴⁾, дѣвочки очень выросли, и Марія Николаевна поправилась и порозовѣла — Ольга также бѣла и пышна. — Первое слово было о тебѣ. — Обѣ нарисовали мнѣ по картинкѣ, Ольга черное синее пятно и отдавая говоритъ: вотъ вамъ розы. — Алекс. Никол. я не видѣла, онъ учился. Добрый Мердеръ ⁵⁾ почти со слезами говорилъ, что годъ тебя не видать. — Ночью жду свою милую Пашеньку ⁶⁾, графъ и сыновья здѣсь, она заѣхала къ Самариной. — Вяземской былъ проѣздомъ у Козлова и сказалъ ему, что Карамзины пробудутъ зиму въ Ревелѣ. Je trouve que c'est bien, parceque la vie de Pétersbourg doit encore être trop pénible pour la pauvre Mad. Karamzine ⁷⁾. Милый Перовскій ѣздилъ въ Москву и назадъ съ дѣтьми, теперь здѣсь дня на два. — Вообрази, что у меня въ Петербургѣ, кромѣ Тутолминой, никого знакомыхъ не осталось, кого бы несчастье или смерть не посѣтили! Страшно оглядываться вокругъ себя. Еще оставались мнѣ Блудовы, — жили въ Павловскѣ нѣсколько времени, т. е. она съ семействомъ, Дм. Ник. былъ въ Москвѣ, не знаю воротился ли, онъ и Лонгиновъ были при подачѣ прошеній ⁸⁾.

Вчера вечеромъ приѣхала моя несравненная Пашенька; милый этотъ ангелъ также горько заплакала когда узнала, что тебя не будетъ ни зиму, ни весну, ни лѣто. — Поклонись отъ меня Левенштернамъ. Что графиня Брей, въ Дрезденѣ, или нѣтъ. Гдѣ Тургеневы? Съ какимъ нетерпѣніемъ жду твоего письма. — Прощай другъ, люблю тебя сколько душа умѣетъ.

Адресъ: M. de Joukowsky à Dresde, recommandé aux soins de M. de Bassange.

¹⁾ Свыкнуться съ этой идеей. Выбирая квартиру въ которой я не должна готовить комнату для моего милаго друга, около своей, я была очень грустна, но я надѣялась Васъ видѣть всякій день; теперь я знаю, что болѣе года пройдетъ безъ Васъ. Цѣлый годъ. А можно ли дѣлать проекты даже и на нѣсколько дней въ будущемъ?

²⁾ Лишиться.

³⁾ А. А. сама кормила дочь Машу.

⁴⁾ Великій князь Наслѣдникъ и его сестры.

⁵⁾ К. К. Мердеръ, воспитатель Наслѣдника.

⁶⁾ Графиня П. В. Толстая.

⁷⁾ Я нахожу, что это хорошо, такъ какъ петербургская жизнь должна еще быть тяжелой для бѣдной г-жи Карамзиной.

⁸⁾ По дѣлу декабристовъ.

8.

3 ноября 1826 г., СПБ.

По отпускѣ сего письма, всѣ мебели, книги и вещи состоятъ въ добромъ здоровіи и — въ зимнемъ Шепелевскомъ дворцѣ, — въ который я перевела чашку, портреты, Машинъ портретъ, бюстъ Прусской Королевы и цѣлый ящикъ мелочи хрустальной, золотой и фарфоровой. — Завтра поѣду туда уставлять книги. Источникомъ твоихъ комнатъ сдѣланъ Яковъ, по просьбѣ Перовскаго, что я думаю тебѣ не неприятно будетъ. — 31-го, бывши у M-lle Wildermuth ¹⁾ я видѣла прелестную нашу Царицу, которая была удивительно аванажна; она съ Царскаго Села, гдѣ я ее видѣла до коронаціи, потолстѣла. — Она была въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, и газовая косынка сверху, — прелесть! — Она смѣялась, что ты ей велишь *surveiller le transport de tes effets* ²⁾ и велѣла мнѣ аккуратно смотрѣть *pour que vous en soyez content* ³⁾. Съ такимъ милымъ чувствомъ о тебѣ говорила. Ты тамъ точно всѣмъ нуженъ, всѣ грустятъ о тебѣ. — Милая Wildermuth такъ умѣетъ тебя цѣнить! *Je suis là avec ces excellentes êtres comme dans ma famille où chaque membre partage mes sentiments pour vous* ⁴⁾. Mörder, M. de Baranoff — ты имъ необходимъ. Завтра поташу Шемьота ⁵⁾ писать реестръ твоимъ книгамъ, которыя еще не установлены отъ того, что шкапы не крѣпко стоятъ — Яковъ и Семенъ были у меня сейчасъ съ рапортами, что ночь провели благополучно твои вещи, — а ты знаешь, что первая ночь на новомъ мѣстѣ важное дѣло. — Прощай другъ. Перовскій уже больше недѣли дома боленъ. — В. Кн. Елена Павловна прислала за Плетневымъ ⁶⁾, который у тебя велитъ Бога ради просить инструкцій — какъ и что ей читать, писать и диктовать. Онъ ganz confus ⁷⁾.

Адресъ: à M-r de Joukowsky à Dresde, recommandé au soins de M. de Bassange.

9.

17 Ноября 1826 г., СПБ.

Сейчасъ возвратилась съ гулянья, во время котораго смотрѣла на солнечное затмение, видѣли ли Вы его? Третьяго дня получила отъ M-lle Wildermuth записку, Государыня велитъ черезъ нее, сыскать въ твоихъ вещахъ *une planche cartonnée avec les conjugaisons des verbes* ⁸⁾. Мы съ Шемьотомъ двое сутокъ искали и ничего не нашли. Я поѣхала сказать это Вильдермутъ. Государыня пришла: „Dites de ma part à Joukowsky, écrivez lui absolument Samedi, que j'ai pris un maître de russe et que le premier mot qui je lui ai dit, c'est que je le prends en attendant, que personne au monde ne me rendra infidèle à Joukowsky, je lui écrirai même,

1) Фрейлина императрицы, ея бывшая гувернантка.

2) Наблюдать за перевозкой твоихъ вещей.

3) Чтобы вы были этимъ довольны.

4) Я здѣсь съ этими прекрасными существами, какъ въ своей семьѣ, гдѣ каждый членъ раздѣляетъ мои чувства къ Вамъ.

5) Станиславъ Викентьевичъ (род. 1799). Впослѣдствіи управл. канцел. министра финансовъ.

6) Петръ Александровичъ, 1792 — 1865 г., писатель.

7) Совсѣмъ сконфузился.

8) Листъ картона со спряженіями глаголовъ.

je ne sais quand ¹⁾). Ее учитъ Лобановъ ²⁾). Ахъ какая она безподобная! — Веши твои нигдѣ не перерыты, все что было трогано — положено такъ же, и на томъ же мѣстѣ. — Бюсты Ея Вел. — пришедшіе въ Зимній Шепелевскій Дворецъ изъ скромнаго дома Менщикова, на головахъ вѣрно подданныхъ, предшествуемые Шиллеромъ и въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ бюстовъ — стоятъ всѣ въ одной комнатѣ, гдѣ разставлена библиотека, не только вѣрно какъ были у тебя, но даже и красиво, такъ что на случай лѣни, по твоёмъ приѣздѣ, ты можешь оставить на время все такъ какъ есть, не возившись. — Яковъ Исаевичъ произведенъ Нарышкинымъ, по просьбѣ Перовскаго, въ истопники твоихъ комнатъ, которыя прелестны — ежели бы не сто ступеней вели въ эти прелести. Это ужасно, и я уже теперь за тебя запыхаюсь. — Пашинька Хилкова уже съ недѣлю какъ графиня Гендрикова, и говорятъ очень довольна, и счастлива; М-me Глазенапъ идетъ за какого-то Грека, ежели уже не вышла. — Вотъ тебѣ здѣшнія вѣсти. — Мои домашнія вѣсти хороши, дѣти прекрасны, здоровы, Андрей и Сашка умны очень. Милая моя Пашинька прекрасно живетъ въ Царскомъ Селѣ и бываетъ у меня съ дѣтьми или одна въ праздники и это дѣйствительно праздники. — Арендъ тебѣ очень кланяется ³⁾). Еще мнѣ auf die Seele gebunden ⁴⁾) поклонъ отъ Фрезе. — Le doux prix de la conduite d'un homme de bien, сказала М-me de Nevers, c'est de voir chaqun sourire à son approche ⁵⁾). Всѣ кто меня видятъ, первое слово говорятъ, съ непритворнымъ участіемъ, о тебѣ. Штофрегенъ ⁶⁾), Плещеева, Тутолмины, — я всѣмъ выдумываю что ты велѣлъ кланяться. — Скажи Сергѣю, что книги Валева у маминьки. Куда ихъ дѣвать? — Поцѣлуйте за меня! Давно отъ тебя нѣту писемъ. — Мнѣ хочется ѣхать въ февралѣ въ Дерптъ. Жуковскій, ты долженъ жениться на Léocadie Volmerange, это будетъ прелестная тебѣ жена. Прощай другъ, будь Богомъ хранимъ, для моего счастья.

Приписка на отдѣльной бумагѣ.

Всѣ дамы велятъ тебѣ сказать кучу нѣжностей. Тутолмина по старому добра и особливо тебя любитъ. Она привезла граф. Вѣру Панину, сестру Виктора ⁷⁾), которая очень горбата, хотѣла ее лѣчить, но уже поздно. Кажется премиленькая avec l'esprit des Papine ⁸⁾). Намъ предлагали остаться въ домѣ Менщикова и дать твои комнаты Виктору — на что бы я никакъ не согласилась, по счастью мы уже были переѣхавши сюда. — Козловъ тебѣ кланяется и будетъ скоро писать. Онъ ужасно

¹⁾ Скажите отъ меня Жуковскому, напишите ему непременно въ субботу, что я взяла учителя русскаго языка и что первое слово, которое я ему сказала, это было то, что я беру временно; что никто на свѣтѣ не заставитъ меня быть невѣрной Жуковскому. Я ему напишу сама, но не знаю когда.

²⁾ Михаилъ Евстафьевичъ, 1787—1845. Ордин. акад. отд. русск. яз. И. А. Н. (съ 1845 г.).

³⁾ Лейбъ-медикъ.

⁴⁾ Поручень.

⁵⁾ Сладкая награда поведенію хорошаго человѣка — сказала m-me de Nevers это видѣть всякаго улыбающимся при его приближеніи.

⁶⁾ Докторъ, лечившій А. А. вмѣстѣ съ Арендтомъ.

⁷⁾ Впослѣдствіи министръ юстиціи.

⁸⁾ Съ Панинскимъ умомъ.

бредить. Нонче вечеромъ поѣду къ нему. Какъ у меня хорошо въ кабинетѣ, не нарадуюсь, выдти не хочется. Прошай другъ, береги себя если мое счастье тебѣ дорого.

10.

1-го декабря 1826 г., С.П.Б.

Какой ты безподобный человекъ Жуковскій. Какое милое твое письмо. Право отъ всей души жалѣю, что ты мой вояжирующій креститель, а не мужъ. Мнѣ бы веселѣе было на свѣтѣ жить, особливо глядѣть на будущее моихъ дѣтей, и теперь какъ ты есть *Vous êtes le seul point lumineux de leur avenir pour moi* ¹⁾, особливо когда я больна. На за что ты мою наслѣдницу назвалъ Виргиніей когда она Леокадія! Это въ сто разъ глупѣе, или для того, чтобы имѣть Виргинію, имѣть счастье быть Павломъ. О моей поѣздкѣ въ Дерптъ писала къ Маминкѣ, просила ее рѣшить, теперь ли мнѣ пріѣхать или на встрѣчу къ тебѣ. Я бы желала послѣдняго — но ея удовольствіе въ этомъ случаѣ должно насъ рѣшить. — Ты уже знаешь, что Блудовъ дядькой Шишкову ²⁾. — Козловъ поднесъ свою „Невѣсту“ ³⁾ Царицѣ и она т. е. Молодая, прислала ему прекрасный перстень въ 1000 руб. съ очень лестнымъ письмомъ, которое хотя отъ Шамбо, — Козловъ почти стеръ поцѣлуями. Царь прислалъ 2000 за свой экземпляръ. Прочіе еще въ ожиданіи. M-lle Wildermuth пріѣхала ко мнѣ черезъ часъ послѣ того какъ я получила твое письмо и я ей его прочла *tout chaud*. Она тебя любитъ такъ, что право одинъ Перовскій здѣсь больше. У насъ съ Перовскимъ нѣту пріятнаго чувства гдѣ бы не вмѣшалось: зачѣмъ не видить Жуковскій — и M-lle Wildermuth въ томъ же родѣ; съ нею для меня самое большое наслажденіе. Я у ней довольно часто и не случалось ни разу чтобы Lalla Rhouk ⁴⁾, не пришла — послѣдній разъ просидѣла съ нами почти часъ. — Вилдерм. не знаетъ сколько пробудетъ. Ежели еще удастся встрѣтиться съ Лалла Рукъ, то попрошу ее чтобы она не отпустила до твоего пріѣзда. Она со слезами на глазахъ велѣла тебя благодарить за письмо. Импер. говорить *que son séjour ici a perdu un de ses principaux charmes par votre absence, que vous lui manquez partout* ⁵⁾. Комнатъ у тебя четыре въ амфиладѣ, изъ коихъ одна огромная, съ прелестнымъ каминомъ — потомъ двѣ съ боку — потомъ одна съ боку, съ русской печью. Очень чисто расписаны, паркеты, и для образца мебель, — прехорошенькіе диваны и по 4 и 6 кресель, такихъ же прибавятъ, ежели ты попросишь, — большія зеркала, столы краснаго дерева, все чисто и весело, только ужасно высоко.

Прошай, цѣлую и люблю какъ душу. Писать буду часто, не могу дѣлать иначе, нужда естественная съ тобой говорить.

Адресъ: à Monsieur de Joukowsky, recommandé aux bons soins de M. de Bassange. Dresde.

¹⁾ Единственное яркое пятно въ ихъ будущемъ, для меня.

²⁾ Алекс. Семен. Шишковъ (1754 — 1841), министръ Народнаго Просвѣщенія. Гр. Д. Н. Блудовъ былъ назначенъ товарищемъ его. Намекъ на старость Шишкова.

³⁾ Стихотвореніе Козлова, „Невѣста Абидосская“.

⁴⁾ Имп. Александра Феодоровна.

⁵⁾ Что пребываніе здѣсь потеряло одну изъ главныхъ прелестей, благодаря Вашему отсутствію, что Вы недостаете ей вездѣ.

11.

18 Января 1827 г., С.П.Б.

Милый другъ, благодарствуй за твое милое славное письмо. Ты ежели бы могъ видѣть какъ сильно радуютъ меня твои письма, и какъ они мнѣ нужны, ты вѣрно писалъ бы чаще. Я бы должна была получить это днемъ прежде, потому что всегда твои письма не приходятъ zu einer gleichgültigen Stunde ¹⁾, а въ такой когда твой голосъ бываетъ отвѣтомъ душѣ. — Наканунѣ, 16 Января, я цѣлый день, кромѣ обѣда, провела одна съ больной Машкой. Дѣти и весь домъ были у Козлова на именинахъ, — Перовскій въ Эрмитажномъ театрѣ, — Воейковъ спалъ — и я раскрыла твой ящикъ съ вензелемъ, und manche trübe Schatten stiegen auf ²⁾. Ахъ, Боже мой, какъ мало знали мы красныхъ дней, и какъ сердце смущалось для грядущаго дѣтей, глядя на мое, на наше протекшее. Сколько она ³⁾ настрадала въ свою жизнь, прежде чѣмъ пошла на покой. А я и просить не смѣю его. — Но давай говорить о политической экономіи. — Ты знаешь что Инвалидъ остается только на сей годъ ⁴⁾. Третьяго дня Клейнмихель ⁵⁾ призывалъ Воейкова, и сказалъ ему, что Государь желаетъ прибавить доходы Инвалида sans ruiner tout à fait la famille de Woéukow, aussi il prie d'aviser aux moyens d'arranger les deux choses ⁶⁾. Что сдѣлаемъ, то напишу, теперь Воейк. еще думу думаетъ а въ свободные часы бранится съ Гречемъ ⁷⁾ за Славянина, журналъ, который В. выдаетъ, военно-литературный, и который Гречъ бранить не на животъ, а на смерть. Ежели тебѣ покажется кстати, то напиши M-lle Вильдермутъ и поблагодари за участие во всемъ Инвалидномъ дѣлѣ. Черезъ нее я могла передать два письма Императрицѣ и теперь могу ее поблагодарить. — Перовскій тебѣ писалъ, что я была больна, вотъ почти два мѣсяца, никого не видала, поэтому ничего новаго не знаю. Хилкова была у Императрицы, которая ее принимала въ пунцовомъ платьѣ съ синей выпушкой съ серебромъ, мундиръ ея полка и мужа Хилковой. Ты удивишься какъ Катъка велика, elle ne sera pas aussi jolie que ma soeur l'était, mais elle aura tout à fait l'interessant de son caractère et un coeur d'ange ⁸⁾. Ежели бы немножко здоровья, поѣхала бы въ Дерптъ нонче, или тебѣ на встрѣчу, но думаю не возможно будетъ. Аничковскій дворецъ переѣхалъ въ Зимній, сегодня я въ первый разъ каталась, а завтра или послѣ завтра поѣду къ Вильдермутъ, на маленькій подѣздъ покойнаго импе-

¹⁾ Въ безразличной часъ.

²⁾ И нѣкоторыя грустныя тѣни предстали снова.

³⁾ Марія Андр. Протасова.

⁴⁾ Русскій Инвалидъ, издававшійся Воейковымъ на казенную субсидію, было предположено отнять отъ него. Впрочемъ, въ послѣдствіи дѣло уладилось и онъ остался его издателемъ до 30-хъ годовъ.

⁵⁾ Андрей Андреевичъ, графъ, директоръ 2-го кадетскаго корпуса.

⁶⁾ Чтобы не разорить совершенно семейство Воейковыхъ. Онъ проситъ также указать средство уладить обѣ стороны.

⁷⁾ Николай Ивановичъ Гречъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, давнишній врагъ Воейкова на литературной и журнальной почвѣ.

⁸⁾ Она не будетъ такъ красива, какъ моя сестра, но у нея будетъ привлекательность ея характера и сердце ангела. (Рѣчь идетъ, очевидно, о Катѣ Мойеръ).

ратора, отъ нея пройду къ Императрицѣ. Прощай другъ мой, устала, въ первый еще разъ собралась съ силами такъ расписаться.

Адресъ: Жуковскому.

Мой адресъ: Литейная, домъ Гасса.

12.

3 февраля 1827 г., СПБ.

Другъ безподобный. Бар. Иксуль отдастъ тебѣ эти пакеты, не пишу много потому, что не знаю, когда ты получишь это письмо. Помнишь хорошенькую M-lle Uxkull, которая прельщала тебя въ Дерптѣ. Она вышла замужъ, была очень счастлива и умерла. Это сестра ея. — Мое здоровье получше, занимаюсь дѣтьми и буду еще больше заниматься, это мнѣ жизнь сохранить. Много хотѣлось бы съ тобой говорить, *cela aigrit gaieté mon âme*¹⁾, но писать не люблю того что сильно душу волнуетъ. — Фрезе проситъ тебя прислать ему адресъ Фридриха²⁾ цвѣточнаго и сказать, беретъ ли онъ рисовать цвѣты? Лихаревъ у меня бываетъ *en honneur et mémoire de vous trois*³⁾. — Дѣти тебя безъ памяти любятъ. Сашка велитъ тебѣ написать ей стиховъ. — Какъ меня разсердилъ ты въ Федорова Альманахѣ⁴⁾, какая *futilité*⁵⁾, совсѣмъ не ты! — Кавелинъ мнѣ сказалъ, что тебѣ не позволили ѣхать на свадьбу въ Веймаръ. Милый Другъ, несравненный, какъ это меня огорчило. Въ полнотѣ слова могу тебѣ сказать: берегись ежели меня любишь. Прощай.

13.

Ц. Село, 10 июня 1827 г.

Милый Другъ, я къ тебѣ очень давно не писала, — но мнѣ такъ несносно писать все дурныя вѣсти, — что я откладываю сколько могу, но теперь уже больше нельзя откладывать, и прошу тебя не медля мнѣ отвѣчать *parcequ'il m'est essentiel d'avoir votre réponse. Voici de quoi il s'agit. Ma santé depuis votre départ ne s'est pas remise pour une semaine, et maintenant elle est plus mauvaise qu'il n'est permis de l'être. Arendt ne voit pas d'autre ressource que de me chasser du pays — et pas plus tard qu'au mois de Septembre. Vous sentez mon bon ami combien il m'est pénible de partir au moment où vous arrivez et au moins faut il que je vous voie quelque part si ce n'est en Russie, au moins à l'étranger*⁶⁾. Бога ради напиши мнѣ акуратно и навѣрно когда ты думаешь воротиться. Меня отправляютъ на два года въ Нищу — со всѣми дѣтьми — безъ нихъ я бы

1) Это бы воскресило мою душу.

2) Живописецъ, которому Ж. покровительствовалъ.

3) Въ честь и память васъ троихъ.

4) „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ изд. Бориса Федорова. Въ немъ помѣщено 10 отрывковъ изъ стихотв. Жуковского. Неизвѣстно, про которое изъ нихъ говоритъ А. А.

5) Ничтожность.

6) Т. к. мнѣ необходимо имѣть Вашъ отвѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло: мое здоровье послѣ Вашего отъѣзда оправилось только на недѣлю, и сейчасъ оно хуже, чѣмъ бы это можно было допустить. Арентъ не видитъ другого исхода, какъ гнать меня съ родины, и не позже какъ въ сентябрѣ. Вы чувствуете, мой добрый другъ, какъ мнѣ тяжело уѣзжать въ моментъ, когда Вы приѣзжаете и по меньшей мѣрѣ надо чтобы, я Васъ увидѣла гдѣ нибудь, если нельзя въ Россіи, то хотя за границей.

Видъ изъ комнаты Свѣтланы въ Гіерѣ. Рисунокъ перомъ самой Свѣтланы.

ни за что не поѣхала. У меня такъ сильно идетъ кровь горломъ, что по получасу не вздыхая кашляю *et je rends le sang par le nez et par la bouche* ¹⁾— и Букильонъ передо мной то, что Сухарева башня передъ Букильономъ ²⁾. Возьму съ собой Miss Parish ³⁾, чтобы ежели дорогой, или въ Нищѣ умру, дѣти не одни остались. Пожалуйста милый другъ отвѣчай скорѣй. Кончаю, потому что на силу пишу. Какая моя Мери безподобная. Завтра ей годъ, а ты еще ее не знаешь.

14.

(1827 г.) 25 июля, Цар. Село.

Другъ милый. Я возвратилась изъ Дерпта 22 ф. и получила твое безцѣнное письмо. Другъ добрый, тебя огорчило мое. Я этого и хотѣла избѣгнуть, не писавъ къ тебѣ. — Я не знала, какъ маменькѣ написать о двухъгодовой разлукѣ—и какъ къ ней приѣхать проѣздомъ, и противъ воли Штофрегена и Арендта ѣздила къ ней нарочно, пробыла у ней три недѣли—въ которыя она была при смерти больна. Двѣ ночи и два дня мы съ Мойеромъ ⁴⁾ были въ отчаяннн, и я была принуждена уѣхать когда маминька еще не встала съ постели, хотя болѣзнь уже совсѣмъ прошла но въ ея года *une convalescence est encore une maladie* ⁵⁾. — Мнѣ невозможно было остаться; Штофрегень настаиваетъ, чтобы я ѣхала въ самыхъ первыхъ числахъ августа; мнѣ надобно ночевать всякую ночь, больше 100 верстъ не возможно уѣхать въ день, слѣдовательно кромѣ дней отдыха 17 дней до одного Берлина, а еще это не половина дороги. Я ѣду въ французскомъ дилижансѣ, въ которомъ Княг. А. П. Голицына ѣздила въ Metz, я взяла всю карету. Перовскій, который какъ самый добрый отецъ печется о самой любимой дочери,—все это сладилъ съ Georges Perin, entrepreneur de la diligence ⁶⁾. Здоровье въ томъ же порядкѣ, или лучше, такъ какъ три недѣли ни разу кровь горломъ не шла. — Wildermuth во всю зиму показала мнѣ самое сильное участіе,—и теперь настояла, чтобы я ѣхала къ Государынѣ проститься и завтра по утру Царица назначила мнѣ 9^{1/2} часовъ для свиданія.

26 июля. Я была нонче у милой, прелестной Царицы. Она точно *Reine de l'air, du printemps et des roses* ⁷⁾. — Последнее время беременности, а она въ талии и *tournure* невѣроятно прелестна, идеальна, единственна. Что въ другихъ женщинахъ уродство, то въ ней красота. Она позволила пробытъ мнѣ у нея около часа; уходя я не могла рѣшиться, хотя до смерти этого хотѣлось, попросить у нея цвѣтокъ, милая Вильдермутъ это сдѣлала и Императрица дала мнѣ *une branche de fleur d'oranges et de jasmin* ⁸⁾, которыя сама сорвала. — Вчера видѣла Алексан. Никол. верхомъ — прелестное дитя, завтра постараюсь увидать княженъ. —

¹⁾ И я теряю кровь носомъ и ртомъ.

²⁾ Vouquillon—французъ управляющій у Плещеевыхъ, сосѣдей Протасовыхъ. Сравненіе должно указывать исхуданіе А. А.

³⁾ Miss Parish—англичанка, гувернантка дѣтей, сопровождала ихъ за границу и обратно въ Россію по смерти матери.

⁴⁾ Иванъ Ѳедовичъ, мужъ ея покойной сестры Маши.

⁵⁾ Выздоровленіе—та же болѣзнь.

⁶⁾ Содержатель дилижансовъ.

⁷⁾ Королева воздуха, весны и розъ.

⁸⁾ Вѣтки флеръ-д-оранжа и жасмина.

Прости другъ. Слишкомъ устала. Кажется по твоему маршруту, что увидимся въ Берлинѣ, но вѣрно гдѣ-нибудь уже съѣдемся.

Письмо адресовано въ двухъ экземплярахъ: одно въ Эмсъ другое въ Берлинъ.

Приписка рукой А. Ан. Воейковой.

26 іюля, Царское Село.

Я написала къ тебѣ по силамъ длинное, а по желанью короткое письмо въ Берлинъ, которому Пашинька сдѣлала дубликатъ для Эмса, но думаю, что тебя оно тамъ уже не застанетъ. Не пугайся, что не моей рукой будетъ писано, а ея; я только слаба, но лучше прежняго и берегусь больше прежняго; отъ того все, что можетъ меня утомлять, избѣгаю, лежу цѣлый день и развѣ гоняю мухъ, а то ничего не дѣлаю. Увидимся въ Берлинѣ; Боже мой, сколько разлуки. Прощай, устала; черезъ часъ Жиль придетъ за письмами.

б) А. А. Воейкова къ матери.

1826, le 10 Août. Царское Село.

Chère Amie, ma bonne Maman!

Voilà deux postes que je n'ai pas de vos lettres! Qu'est ce que cela veut dire? Cela m'afflige et m'inquiète! J'espère qu'aujourd'hui j'aurai le bonheur d'en avoir! Cela m'a gaté une journée bien heureuse celle de l'arrivée de mon cher Pérowsky. Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'étais heureuse! — Le 6 les enfants étaient chez la petite Grande Duchesse ¹⁾ à son jour de naissance, moi j'étais seule à la maison, car Sophie et Miss Parish les avaient accompagnées toutes deux et mon mari s'était en allé avec André. La tristesse m'assomait. Les enfants reviennent à 4 h., Sophie en descendant de voiture me dit: отгадайте я вамъ пріятную вѣсть привезла; я тотчасъ отгадала — et vraiment Pérowsky était déjà à Pétersbourg et avait écrit au Grand Duc le lendemain. Je l'attendais toute la journée — enfin à 7 h. du soir lui et Joukowsky arrivèrent. Il a beaucoup maigri, mais il dit que sa santé est bonne, qu'il ne souffre pas de la poitrine ²⁾. Добрый и милый по старинному. Очень у васъ цѣлуетъ ручки и любить васъ какъ сынъ, et chez lui ce n'est pas un façon de parler ³⁾. Онъ пріѣхалъ 3 или 4 мая въ Россію и пробылъ это время съ сестрой и братьями въ Малороссіи. Онъ канцелярію не возьметъ. Великому Князю ⁴⁾ хотѣлось, чтобы Адлер-

¹⁾ Вел. Кн. Марія Николаевна.

²⁾ Дорогой другъ, моя добрая маменька! Вотъ уже двѣ почты, какъ отъ Васъ нѣтъ писемъ. Что это значитъ? Это меня огорчаетъ и беспокоитъ! Я надѣюсь, что сегодня буду имѣть счастье получить письмо! Это мнѣ испортило очень счастливый день, день пріѣзда моего дорогого Перовскаго. Мнѣ не надо Вамъ говорить какъ я была счастлива! 6-го числа дѣти были у маленькой Великой Княжны на рожденьѣ, я была одна дома, т. к. Софія и Miss Parish обѣ ихъ сопровождали, а мужъ мой ушелъ съ Андреемъ. Мнѣ было невыносимо грустно. Дѣти вернулись въ 4 часа; Софія вылѣзая изъ экипажа мнѣ сказала...; и правда, Перовскій былъ уже въ Петербургѣ и писалъ Великому Князю на другой день. Я его ждала весь день — наконецъ въ 7 час. вечера онъ и Жуковскій пріѣхали. Онъ очень похудѣлъ, но говоритъ, что его здоровье хорошо, что у него не болитъ грудь.

³⁾ А у него это не только манера выражаться.

⁴⁾ Очевидно Михаилу Павловичу.

бергъ ее имѣлъ, и Перовскій отказался. Ce que fait qu'il quittera le service au mois de Septembre et s'en retournera dans son beau pays d'Italie! Cette perspective, chère Maman, me donne, un sentiment que vous pouvez concevoir parceque vous savez mon attachement pour lui ¹⁾). Но я на свѣтѣ не для радости и счастья!

Третьяго дня Варенька ²⁾ рано по утру, пришла ко мнѣ, Великая Княгиня была у Государыни и мы пошли съ Варенькой ждать ее на скамейку, противъ дворца. Сперва вышла Государыня и поѣхала кататься въ дрожкахъ, кланялась привѣтливо, но не остановилась съ нами; потомъ черезъ полчаса Царь ведетъ Великую Княгиню ³⁾). Они вмѣстѣ чудесны mais qu'ils sont imposants! ⁴⁾). Прямо ко мнѣ подвелъ сестру et sans la quitter ⁵⁾ взялъ мою руку поцѣловалъ: „paresseuse, dormeuse! je ne vous vois plus vous promener! Est ce que vous ma soeur voyez Madame aussi souvent que je le fais?“ La Grande Duchesse dit qu'elle ne m'avait pas vue depuis Péterhof et elle ajoute „Vous savez qu'elle a été à Péterhof?“ „Si je le sais“, — dit le frère, „j'ai dansé avec Madame“. La Gr-de D-sse me parla de Pérowsky, qu'il avait maigri, qu'elle était bien aise de l'avoir revu, enfin elle alla se mettre en calèche. L'Empereur revint à moi et causa encore un quart d'heure. On lui présenta deux supplique. Un soldat — dont il fit porter la supplique dans son cabinet et une pour une église, il fit donner 100 rbls. — Comme il avait l'air d'un génie bienfaisant, entouré comme il l'était de tous ceux à qui il avait fait du bien. — Voici une lettre que Joukowsky m'a apportée pour vous hier ⁶⁾). Вообразите бѣдная Мари Адлербергъ! elle a fait une fausse couche beux heures après l'arrivée de Pérowsky, je l'ai vue avant hier elle est très bien et très gaie ⁷⁾).

в) А. А. Воейкова къ мужу.

Дерптъ, безъ года и числа.

Языковъ ⁸⁾ посылаетъ тебѣ стихи и жалуется, что онъ ни Инвалида ни прибавлений не получаетъ тогда когда и Гречь и Булгаринъ свои журналы присылають. Еще стиховъ привезу, пожалуйста пришли ему Инва-

¹⁾ Ввиду этого, онъ покинетъ службу въ сентябрѣ и возвратится въ свою прекрасную Италию! Эта перспектива, дорогая маменька, заставляетъ меня испытывать чувство, которое Вы понимаете, т. к. Вы знаете мою привязанность къ нему

²⁾ Дочь Н. М. Карамзина.

³⁾ Вѣроятно Марию Павловну, Герцогиню Саксенъ-Веймарскую.

⁴⁾ Но какъ они представительны!

⁵⁾ И не оставляя ее.

⁶⁾ „Лѣнивица, соня! я не вижу Васъ больше гуляющей! А Вы, сестра, видите Madame также часто, какъ и я?“ Вел. Кн. сказала, что она меня не видѣла съ Петергофа и прибавила: „Вы знаете, что она была въ Петергофѣ?“ „Знаю ли я, сказалъ братъ, да я танцевалъ съ Madame“. Вел. Кн. говорила со мною о Перовскомъ, о томъ что онъ похудѣлъ, что она была очень рада его видѣть, наконецъ она пошла садиться въ коляску, Императоръ вернулся ко мнѣ и болталъ еще съ четверть часа. Ему подали два прошенія: одинъ солдатъ, прошеніе котораго онъ велѣлъ снести въ кабинетъ; другое прошеніе — на церковь; онъ велѣлъ дать 100 руб. Онъ имѣетъ видъ генія-благотворителя, окруженнаго, какъ онъ, всѣми тѣми, кому онъ дѣлалъ добро. Вотъ письмо которое Жуковскій принесъ мнѣ вчера для Васъ.

⁷⁾ Она прежде времени родила, два часа спустя послѣ приѣзда Перовскаго; я ее видѣла третьяго дня, она выглядѣла хорошо и была весела.

⁸⁾ Н. М. Языковъ, жившій въ Дерптѣ, и часто бывавшій у А. А.

лидъ, онъ далъ прекрасный отрывочекъ изъ Меченосца, но его еще у меня нѣтъ.

Слѣдуетъ: „Новгородская Пѣсня“, „Она меня очаровала“ безъ вариантовъ и „Элегія“ съ прибавленіемъ:

Счастливъ, кто съ юношескихъ дней	Всю бѣдность жизни подъ луною
Живыми чувствами убогой	И никому не довѣрять.
Идетъ проселочной дорогой.	Ему Киприда не отравить.
Къ мечтѣ таинственной своей.	Непобѣдимой головы,
Кто разсудительной душою	И ниже вѣка не поставитъ
Безъ горькихъ опытовъ узналъ,	Его надеждъ, его мольбы и т. д.

(Послѣднія четыре строки не напечатаны въ полномъ изданіи стихотвореній Языкова, стр. 39).

г) А. А. Воейкова — къ И. И. Козлову.

1.

20 Juillet. Réval. Schwarzenbek.

Voilà deux semaines que je me suis toujours proposé de vous écrire, et que j'en ai toujours été empêchée, aimable et trop bon Monsieur Kozloff. Enfin me voilà dans ma propre chambre, bien jolie, bien ombragée de châtaigne tout près de la mer et dans un beau jardin, jardin bien sauvage. Plus d'aimables Révalaises pour m'empêcher d'être exacte dans ma correspondance avec mes amis, et je vous écris. D'abord je recommencerai à vous parler de Millevoye, que je veux absolument mettre dans vos bonnes grâces¹⁾. N'aimez vous donc pas la fille étrangère qui refuse le bonheur auprès de Harald qu'elle aime avant de l'avoir connu, parceque son vieux père est déjà assez malheureux et parceque dans le palais on ne lui rendrait pas la tombe de sa mère; et la dame châtelaine, à la coupe dont le breuvage remords prévient — douleurs soulage! — Il y a tant de simplicité dans ces mots qui dépeignent sa vie: „foi fut promise, foi sera gardée“, que j'oublie que c'est du français. — Je ne sais comment j'oublie aussi que je m'avise de juger, la confiance que vous m'inspirez me fait dépasser les bornes et je deviens pédante, ce dont Dieu garde! Parlons plutôt de Revel. Mon séjour dans cette ville, ou plutôt dans cette province, y est fort agréable. Je demeure à présent à 4 verstes de la ville, dans un joli endroit au bord de la mer, appelé Schwarzenbeck, avec Madame Toutchkoff née Нарышкинъ, femme intéressante par son esprit, mais encore plus par son coeur, qui ne cesse de pleurer la perte de son mari, tué à Borodino, qui lui avait fait goûter pendant 7 ans le bonheur le plus parfait. — Encore une connaissance intéressante que j'ai fait ici, c'est celle de Mlle Rehbindер, elle me paraît être une de ces créatures bien aimées de Dieu, si fort au dessus du commun, qui font une impression si vive du premier moment qu'on les voit, et pourtant c'est une impression ineffaçable! C'est le seul souvenir que j'emporterai de Revel, car c'est une émotion. On me promet beaucoup de promenades sur l'eau et comme l'air de la mer m'a beaucoup été recommandé, j'espère aller jusqu'à Swéaborg, ce qui est un trajet de 24 heures; et même; si les cir-

¹⁾ Millevoye, Charles Hubert, 1782 — 1816, извѣстный франц. поэтъ, по преимуществу элегическій. (Собр. его сочиненій вышло въ Парижѣ въ 1814 — 16 г.г. въ 5 томахъ).

constances ne me permettront pas de passer par Dorpat à mon retour, je tâcherai de revenir par mer dans notre belle capitale, mais je n'en suis encore qu'au projet. — J'ai entendu aujourd'hui un beau sermon russe, qui m'a beaucoup plu et que j'ai envie de vous communiquer; il était question de ce que la vertu (comme l'homme) avait un corps et une âme, que l'intention d'une bonne action était l'âme et que la manière dont on la faisait était le corps et qu'il était essentiel de rendre ce corps aussi beau que possible. — Cette idée m'a plu et je trouve du plaisir à vous la soumettre. — La littérature allemande occupe une grande partie de mon temps; j'ai lu beaucoup: *Ansichten des Lebens* et beaucoup de descriptions du coeur humain, et Dieu sait si pour cela j'apprendrais à le connaître, quoique on me l'ai démontré de tous les côtés, et Dieu sait aussi si cette connaissance est aussi utile au bonheur qu'on le pense? Il faut toujours de l'illusion et de la foi pour le bonheur et bonheur c'est le seul cri du coeur tant pour cette vie que pour l'autre. — Adieu, Monsieur! Je vous recommande à Dieu et malgré que mon coeur saigne de vos souffrances, l'idée qu'une vie meilleure et durable sera heureuse pour vous, heureuse autant que celle ci fut pénible, me fait pleurer de douces larmes. — C'est fête pour moi quand j'ai de vos nouvelles et je ne vous fais pas d'excuses sur la longueur de ma lettre, Je vous recommande encore à Dieu, un homme dont la joie et les peines m'occupent sans cesse. Embrassez votre aimable femme et ma chère Aline¹⁾ de la part de sa tendre amie Alexandrine.

Переводъ.

20 июня, Ревель, Шварценбекъ.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ я все собираюсь писать къ вамъ, и какъ мнѣ всегда въ этомъ мѣшали, любезный и добрѣйшій Monsieur Козловъ. Наконецъ вотъ я въ своей комнатѣ, очень красивой, въ тѣни каштановъ. совсѣмъ близко къ морю и въ красивомъ, очень дикомъ саду. Нѣтъ болѣе любезныхъ Ревелянокъ (жительницъ Ревеля), мѣшавшихъ мнѣ быть аккуратною въ моей корреспонденци съ друзьями, и я вамъ пишу. Прежде всего снова начну говорить вамъ про Мильвуа, котораго я хочу непременно сдѣлать Вамъ любезнымъ. Развѣ вамъ не нравится чужеземная дѣвушка, отказывающаяся отъ счастья вблизи Гаральда, котораго она любитъ раньше чѣмъ сама это сознаетъ, потому только, что ея старый отецъ и безъ того довольно несчастливъ и потому еще, что во дворцѣ ей не возвратятъ могилу ея матери.: а кастелянша (dame Chatelaine) съ чашей, питье которой отвращаетъ угрызения, угѣшаетъ скорбь. Сколько простоты въ этихъ словахъ, изображающихъ ея жизнь: „foi fut promise, foi sera gardée“, что я даже забываю, что это по французски. Не знаю, какъ я забываю также, что я рѣшаюсь совѣтывать (вамъ); довѣріе, которое вы мнѣ внушаете, заставляетъ меня перейти границы и я дѣлаюсь педантична, отъ чего впрочемъ сохрани Боже! Поговоримъ лучше о Ревелѣ. Мое пребываніе въ этомъ городѣ, или лучше на этой дачѣ, очень пріятно. Я живу теперь въ 4 верстахъ отъ города, въ красивомъ мѣстѣ, на берегу моря, которое называется Швар-

¹⁾ Жена поэта Софья Андреевна † 1864 г. (рожденная Давыдова); дочь — Александра Ивановна (1812—1903).

ценбекъ, съ госпожей Тучковой, рожденной Нарышкиной, женщиной интересной по своему уму, но еще больше по своему сердцу, не перестающей оплакивать потерю мужа, убитаго подъ Бородинымъ, который въ теченіе семи лѣтъ далъ ей испытать самое полное счастье. Еще интересное знакомство, сдѣланное здѣсь, это Mlle Ребиндеръ, она мнѣ кажется однимъ изъ любимыхъ Богомъ созданій, выдающеюся (лично-стью), долга (одною изъ тѣхъ), которыя производятъ такое живое и вмѣстѣ съ тѣмъ неизгладимое впечатлѣніе съ перваго взгляда. Это единственное воспоминаніе, которое я сохранию о Ревелѣ, такъ какъ это — ощущеніе. Мнѣ обѣщаютъ много прогулокъ по водѣ, а такъ какъ морской воздухъ мнѣ очень рекомендовали, то я надѣюсь проѣхать до Свеаборга, что составляетъ переѣздъ въ 24 часа; и даже, если обстоятельства не позволятъ мнѣ, при моемъ возвращеніи проѣхать черезъ Дерптъ, я попробую возвратиться моремъ въ нашу прекрасную столицу; но, впрочемъ, это еще все только проекты.

Я слышала сегодня хорошую русскую проповѣдь, которая мнѣ очень понравилась и которую я хочу вамъ пересказать.

Вопросъ шель о томъ, что добродѣтель (какъ олицетвореніе) имѣетъ тѣло и душу, что намѣреніе хорошаго поступка — душа, а способъ его выполненія — тѣло, и что необходимо сдѣлать это тѣло какъ можно красивѣе. Эта мысль мнѣ понравилась и мнѣ пріятно ее вамъ сообщить. Нѣмецкая литература занимаетъ большую часть моего времени; я много узнала (вычитала) взглядовъ на жизнь и много описаній чловѣческаго сердца, но Богъ знаетъ, такъ ли полезно для нашего счастья это знаніе, какъ думаютъ? Для счастья необходимы всегда иллюзія и вѣра, а счастье — только потребность сердца, какъ въ этой жизни, такъ и въ другой.

Прощайте! Я васъ поручаю Богу, и не смотря на то, что мое сердце обливается кровью отъ вашихъ страданій, мысль, что лучшая и продолжительнѣйшая жизнь для васъ будетъ счастливой настоящею, насколько эта была тяжелой, заставляетъ меня плакать сладкими слезами. Для меня праздникъ, когда я имѣю о васъ новости и я не извиняюсь за длинноту моего письма. Еще разъ поручаю васъ Богу, какъ чловѣка, чьи радости и несчастья постоянно меня волнуютъ. Обнимите вашу любезную жену и мою дорогую Алину отъ имени ея нѣжнаго друга Александрины.

2.

Voila des stances de Göthe qui sans doute vous plairont, aimable et bon Monsieur Kozloff! „An Mignon“. Ueber Thal und Fluss getragen etc. — Le plaisir que m'ont fait les vôtres n'est pas à décrire, j'en ai pleuré, ah, qu'il me tarde de revenir à Pétersbourg. Et croyez que vous êtes l'un de ceux pour qui je le désire le plus. Nos projets de lecture! j'attends avec impatience le moment de les réaliser... Combien de fois j'ai relu vos stances et toujours votre écriture m'a fait pleurer. — Katiche les apprends par coeur pour vous les réciter. — Ma santé est très bonne, je vous le dis car je suis sûre que vous serez content de l'apprendre. Je vous apporterai un sermon sur la paix de l'âme qui m'a bien fait penser à vous Dimanche passé et surtout bien prier pour vous. Adieu, toujours votre amie Alexandrine Woyeikoff.

Переводъ.

Вотъ стихи Гете, которыя безъ сомнѣнія вамъ понравятся, любезный и добрый M-eur Козловъ ! Къ Миньонъ..... Удовольствіе, которое мнѣ доставили ваши (стихи) неописуемо, я плакала надъ ними, ахъ, я не могу дожидаться, когда вернусь въ Петербургъ, и вѣрьте, что вы одинъ изъ тѣхъ, ради которыхъ я этого больше всего хочу. Наши проэкта чтеній!.. я жду съ нетерпѣніемъ ихъ осуществленія... Сколько разъ я перечитывала ваши стихи, и всегда вашъ почеркъ заставлялъ меня плакать. Катя ихъ учитъ наизусть, чтобы прочитать вамъ. Мое здоровье очень хорошо, говорю вамъ это потому что увѣрена, что вамъ будетъ пріятно узнать это.

Я вамъ привезу одну проповѣдь на тему душевнаго мира, которая меня заставила много думать о васъ въ прошлое воскресеніе и особенно много молиться за васъ. Прошайте, всегда вашъ другъ Александрина Воейкова.

3.

Merci, cher Ami, pour la Ballade, elle m'a fait bien, bien plaisir. J'ai voulu passer chez vous hier pour vous en parler, mais je n'avais pas d'équipage. Je ferai remettre à Thémire ¹⁾ votre paquet. Comment voulez vous que je devine le futur de m-lle Zotoff, n'ayant pas idée de leur cercle à moins que cela ne soit le fameux Friedrichs chose qui prouvera de l'esprit à m-lle Zotoff. — Je vous annonce pour ce soir l'aimable Chouvaloff et je vous prie de lui dire de ma part que Joukowsky m'a donné des vers adressés à sa soeur ²⁾, qui sont charmants et que je ne vous envoie pas, espérant que cela picuera sa curiosité et le fera revenir chez moi, pour la satisfaire. Les connaissez vous? Si vous étiez un brave homme vous seriez venu passer la soirée d'aujourd'hui chez moi, pour faire la connaissance de m-lle Pouchkine, qui esi bien aimable, et vous auriez amené tout votre monde et nous aurions joué, pas aussi gaîment que chez vous, mais toujours agréablement. Pas plus de Tourguéneff ³⁾ que sur ma main, et pas de nouvelles d'eux! — Soyez bon venez ce soir, je vous préparerai Péroffsky ⁴⁾. Je vous embrasse en vous remerciant d'avance d'avoir consenti à venir ce soir. — Voici j'espère une lettre, au lieu d'un billet.

Переводъ.

Спасибо, дорогой другъ, за балладу, она доставила мнѣ много, много удовольствія. Я хотѣла заѣхать къ вамъ вчера, чтобы поговорить о ней, но у меня не было экипажа. Я передамъ Вашъ пакетъ Темирѣ. Какъ хотите, чтобы я угадала будущее M-lle Зотовой, не имѣя понятія о ея кругѣ (по крайней мѣрѣ если это не знаменитый Фридрихсъ, что доказало бы умъ M-lle Зотовой). Я вамъ обѣщаю (annonce) на сегодняшній вечеръ любезнаго Шувалова и прошу васъ сказать ему отъ меня,

¹⁾ Г-жа Вейдемейеръ, рожд. кн. Херксулидзева.

²⁾ Стихотвореніе „Къ графинѣ Шуваловой“ относится къ 1819 г., но напечатано впервые въ „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ 1827 г.

³⁾ Александръ и Сергѣй Ивановичи Тургеневы.

⁴⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

что Жуковский далъ мнѣ стихи, посвященные къ его сестрѣ, которые очаровательно прелестны, и которыхъ я не посылаю вамъ, надѣясь что это возбудитъ его любопытство и заставитъ его придти ко мнѣ, что бы его удовлетворить. Знаете ли вы ихъ? Если бы вы были молодцомъ, вы бы пришли провести сегодняшній вечеръ у меня, чтобы познакомиться съ М-ле Пушкиной, которая очень мила и взяли бы съ собой всѣхъ вашихъ гостей, и мы бы играли, хотя не такъ весело, какъ у васъ, но все таки пріятно. Нѣтъ болѣе Тургеневыхъ (que sur ma main) и никакихъ новостей про нихъ! Будьте добры, приходите сегодня вечеромъ, я вамъ приготовлю Перовскаго. Обнимаю васъ, благодаря заранѣе за согласіе притти сегодня вечеромъ. Вотъ вамъ цѣлое письмо, вмѣсто записки.

4.

Voila enfin le „легкій вѣтерокъ“ ¹⁾ cher ami! C'est à moi à vous remercier pour la soirée d'hier. Comme vos vers sont beaux! J'en jouis de toute mon âme! — Joukowsky vous envoie son Batuchkoff, et vous le recommande, car c'est un exemplaire ²⁾ reçu de l'auteur, et qui lui est très cher. Ni moi, ni mon mari nous n'avons pas Batuchkoff, et cela me désole.

Дальше идетъ копія стихотворенія Жуковскаго: „Весеннее чувство“.

Переводъ.

Вотъ наконецъ „легкій вѣтерокъ“ дорогой другъ! Это я должна васъ благодарить за вчерашній вечеръ. Какъ хороши ваши стихи! Я наслаждаюсь ими отъ всей души! Жуковский посылаетъ вамъ своего Батюшкова, и проситъ беречь его, такъ какъ это экземпляръ, полученный отъ автора, и очень ему дорогъ. Ни я, ни мой мужъ не имѣемъ Батюшкова и это меня огорчаетъ.

5.

Sans doute mon cher cousin, je ne m'enirai pas sans vous dire adieu; je vais me trimballer aujourd'hui à faire des visites et je passerai chez vous. Le soir je suis chez mad. Plechtéeff ³⁾, n'oubliez pas de me remettre son livre. — Жуковский отъ того не былъ у васъ вчера, что не здоровъ Невской водой!

Переводъ.

Безъ сомнѣнія, мой дорогой кузень, я не уѣду, не простившись съ вами; я буду бѣгать сегодня по визитамъ и заѣду къ вамъ. Вечеромъ буду у мадамъ Плещеевой, не забудьте передать мнѣ ея книгу. Жуковский оттого не былъ у васъ вчера, что нездоровъ Невской водой.

¹⁾ Стихотвореніе „Весеннее чувство“, Жуковскаго, начинается строкой: „Легкій, легкій вѣтерокъ“.

²⁾ Должно быть „Опыты въ стихахъ и прозѣ“, единственное изданіе, сдѣланное при жизни автора въ 1817 г.

³⁾ Очевидно Наталія Ѳеодоровна Плещеева.

Адъютантъ вел. кн. Михаила Павловича
Алекса. Павловича Гурькова

Рисунок карандашомъ изъ альбома А. А. Воейковой.

6.

Merci cher Cousin pour votre inquiétude sur ma santé. Elle va de mieux en mieux; comme je serais aise de vous voir, pourvu que vous me prometteiez de choisir un beau temps. Ce que vous me dites de Tailleyrand est très joli. — Mon mari est presque aussi heureux que vous d'avoir vu Alphonse, j'ai été touché de la joie. — Je vous félicite avec l'anniversaire de la fête de votre ami Byron, je vous envoie „le comte Egmont“ pour étrenne de ce beau jour, et j'ai marqué le quantième. Adieu, bien cher ami. Veille le Ciel sur vous et les vôtres. Votre amie Alexandrine.

Переводъ.

Спасибо, дорогой кузень, за ваше безпокойство о моемъ здоровьѣ. Оно все улучшается; какъ я буду рада васъ увидѣть, лишь бы вы мнѣ обѣщали выбрать хорошую погоду. То, что вы мнѣ говорите о Талейранѣ, очень хорошо. Мой мужъ почти также счастливъ какъ вы, что видалъ Альфонса, я была тронута его радостью. Я васъ поздравляю съ годовщиной праздника (юбилея), вашего друга Байрона, посылаю вамъ „графа Эгмонта“ на память объ этомъ прекрасномъ днѣ и я отмѣтила котормъ. Прощайте, мой дражайшій другъ. Да будетъ Небо надъ вами и надъ вашими. Вашъ другъ Александра.

7.

Je n'ai pas eu une heure de libre hier, de toute la journée et cela m'a privé du plaisir de vous voir et de vous dire adieu, car je ne sais si je pourrai le faire! Je vous envoie les ballades de Millevooy et quelques autres choses que vous avez désirées avoir. Faites moi le sacrifice de la lecture d'Egmont, jusqu'à mon retour, je me fais une fête de vous le lire. Adieu, promettez moi de ne pas être triste et de penser à moi quelque fois, à votre table à thé. Alexandrine.

Переводъ.

Вчера я не имѣла за весь день свободнаго часа и это отняло у меня удовольствіе видѣть васъ и попрощаться съ вами, такъ какъ я не знаю, смогу ли я это сдѣлать! Посылаю вамъ баллады поэта Millevooy и кое какія другія вещи, которыя вы хотѣли имѣть. Пожертвуйте мнѣ чтеніемъ Эгмонта до моего возвращенія, я предвкушаю удовольствіе прочитатъ его вамъ. Прощайте, обѣщайте мнѣ не грустить и думать обо мнѣ иногда, за вашимъ чайнымъ столомъ. Александра.

8.

Voisi la romance de Châteaubriand, comme je l'ai dans mon recueil; j'allais vous l'envoyer quand j'ai reçu les livres, mille grâces de ce que vous n'oubliez rien de ce qui peut me faire plaisir. Je désirerais bien continuer aujourd'hui la lecture d'Egmont, mais je ne sais si je le pourrais. —

Combien vos vers m'ont touché, et comme je suis désolée de ne pas pouvoir les lire dans l'originale. — Demain je vais peut-être à Zarskoe Sélo et aujourd'hui je suis rentrée à 1^{1/2} du matin de chez mad. Mouravieff, où j'ai beaucoup dansé, on dit que je suis fatiguée et cela me désole! Quel plaisir de voir Serge Tourguéneff! Je ne puis encore me faire à l'idée qu'il est à Pétersbourg sans éprouver beaucoup d'émotion. J'embrasse votre charmante famille. Bonjour cher Cousin. Alexandrine.

Слѣдуютъ стихи: Combien j'ai douce souvenance etc. etc.

Переводъ.

Вотъ романсъ Шатобриана, какъ онъ имѣется въ моемъ собраніи; я хотѣла вамъ послать, когда получила книги; тысяча благодарностей, что вы не забываете ничего, что можетъ мнѣ доставить удовольствіе. Я бы хотѣла очень продолжать сегодня чтеніе Эгмонта, но не знаю, смогу ли. Какъ ваши стихи меня тронули, и какъ я огорчена, что не могу прочесть ихъ въ оригиналѣ. Завтра я можетъ быть поѣду въ Царское Село, а сегодня я вернулась въ 1^{1/2} утра отъ г-жи Муравьевой, гдѣ я много танцевала; говорятъ, что я выгляжу усталой, и это меня огорчаетъ! Какое удовольствіе видѣть Сергѣя Тургенева! я еще не могу подумать о томъ, что онъ въ Петербургѣ, безъ того чтобы не почувствовать волненіе. Обнимаю вашу милую семью. Прощайте, дорогой кузень. Александрина.

9.

Cher Cousin! Vos souffrances me font souffrir plus que je ne puis vous le dire! Il m'est si pénible de ne pouvoir vous soigner, de ne pouvoir être auprès de votre lit de douleur aussi souvent, que je l'aurai désiré! J'espère être ce soir chez vous et je comptais y venir avec M-me Weyde-meier, dites moi franchement si cela ne vous fatiguera pas, alors je viendrai seule. — Je vous sacrifie le spectacle d'aujourd'hui; si, préférer une soirée agréable que je passerai chez vous, — à une ennuyeuse au théâtre, — s'appelle sacrifier! — J'ai aussi été extrêmement souffrante hier, ce qui ne m'a pas empêché de passer une soirée fort agréable, car le morale me fait toujours oublier le physique. Dites moi encore si vous n'aimez pas mieux me voir demain qu'aujourd'hui? Car Serge Tourguéneff se propose d'être chez vous ce soir et demain vous serez peut-être seul. Je puis disposer de moi ces jours-ci; grâce à ma maladie je fais ce que je veux! A quelque chose malheur est bon. — Dites moi sans vous gêner cher ami, ce qui vous est le plus opportun, il m'est si doux de penser que je vous suis de quelque utilité et croire que vous vous gênez me serait bien pénible. Votre amie de coeur et d'âme Alexandrine.

Переводъ.

Дорогой кузень! Ваши страданія заставляють меня страдать сильнѣе, чѣмъ я могу вамъ сказать! Мнѣ такъ тяжело не имѣть возможности ухаживать за вами, сидѣть около вашего одра болѣзни такъ часто, какъ я бы того желала! Надѣюсь быть сегодня вечеромъ у васъ и рассчитываю пріѣхать съ М-ме Вейдемейеръ, скажите мнѣ откровенно, не утомитъ ли это васъ, иначе я пріѣду одна. Я для васъ жертвую сегодняшнимъ спек-

таклемъ; если предпочесть пріятный вечеръ, который я проведу у васъ, скучному въ театрѣ, называется жертвой! Я была вчера сильно больна, что не помѣшало мнѣ провести очень пріятный вечеръ, такъ какъ я всегда физическое забываю ради моральнаго. Скажите мнѣ также, не хотите ли меня видѣть лучше завтра, чѣмъ сегодня, такъ какъ Сергѣй Тургеневъ предполагаетъ быть у васъ сегодня, а завтра вы можетъ быть будете одни. Я могу располагать собою эти дни; благодаря моей болѣзни, я дѣлаю что хочу! Иногда несчастье бываетъ полезно. Скажите мнѣ не стѣсняясь, дорогой другъ, что для васъ болѣе удобно, мнѣ такъ пріятно думать, что я для васъ сколько нибудь полезна, знать, что вы стѣсняетесь, было бы мнѣ очень тяжело. Вашъ другъ сердцемъ и душой Александра.

10.

Cher Cousin! Combien je suis sensible à ce que vous me dites dans vos vers! 1). Отъ всего сердца, полного дружбой и участіемъ, подаю вамъ руку на вѣчную дружбу! Vous et votre femme vous avez une soeur en moi. Croyez le excellent ami! — Comme je tiens à l'idée que vous exprimez si joliment dans vos vers — que votre вѣнецъ терновый будетъ дѣтямъ благословеніемъ 2). Ma mère en me parlant de vous me demande si je vois souvent Богомъ избраннаго мученика. — Pardon si mon billet est décousu, en deux langues. Mon coeur est plein et je ne sais jamais dire ce que j'éprouve. — Si je ne suis pas au spectacle ce soir, comme c'était projeté, je viendrai chez vous. A Dieu et qu'il veille sur vous, de coeur et d'âme votre soeur et amie Alexandrine.

Переводъ.

Дорогой кузень! Какъ я чувствую все то, что вы говорите мнѣ въ вашихъ стихахъ! Отъ всего сердца, полного дружбой и участіемъ, подаю вамъ руку на вѣрную дружбу! Вы и ваша жена имѣете во мнѣ сестру. Вѣрьте этому, превосходный, добрый другъ! Какъ мнѣ понравилась идея которую вы такъ красиво выражаете въ вашихъ стихахъ, что вашъ вѣнецъ терновый будетъ дѣтямъ благословеніемъ. Мать, моя говоря о васъ, спрашиваетъ меня, часто ли я вижу Богомъ избраннаго мученика. Простите за нескладную записку на двухъ языкахъ. Мое сердце полно и я не могу никогда сказать, что я чувствую. Если я не пойду сегодня вечеромъ на спектакль, какъ это предполагалось, я приду къ вамъ. Съ Богомъ, прощайте (a Dieu — adieu) и да будетъ Онъ надъ вами, сердцемъ и душой ваша сестра и другъ Александра.

11.

Sans être malade cher ami, je ne suis pas du tout bien. Ne то чтобы больна, не то чтобы здорова. Je me suis trouvé mal à l'Eglise et n'ai pas entendu la fin de la messe. Vous aurez demain le fragment du Martyrs 3), et

1) „Къ Свѣтланѣ“, Соч. Козлова, 1892 г., стр. 158.

2) „И за терновый мой вѣнецъ
Невиннымъ дать благословеніе“.

3) Вѣроятно, Les Martyrs Шатобриана. Между произведеніями Козлова имѣется нѣсколько подражаній этому автору.

si je me sens un peu mieux je viendrai entre 5 et 7 heures vous voir un instant car je n'aurai pas je crois la force d'aller chez Madame Mouravieff. Ce matin Perowsky a voulu aller chez vous. — Votre romance m'a fait bien plaisir, mais je persiste à vous prier de me l'écrire vous même dans mon album ainsi que tout le reste de vos poésies, ce que vous pourrez faire, потихонько, sans vous fatiguer. — Voici la délicieuse „Zuleika“¹⁾, pardon de ce qui je l'ai gardée si longtemps. St j'ai la force de venir chez vous tout de suite après diner, je Vous prierai de permettre à vos enfants de courir un peu avec les miens au boulevard de l'Amirauté où je les ferai conduire en voiture, il fait si beau. Votre amie. Alexandrine.

Переводъ.

Не будучи больной, дорогой другъ, я чувствую себя совсѣмъ нехорошо. Не то чтобы больна, не то чтобы здорова. Я почувствовала себя плохо въ церкви и не дослушала конца обѣдни. Вы получите завтра отрывки Les Martyrs и если я буду чувствовать себя немного лучше, я приѣду между 5 и 7 часами повидать васъ на минутку, такъ какъ я не буду въ силахъ пойти къ г-жѣ Муравьевой. Сегодня утромъ Перовскій хотѣлъ притти къ вамъ. Вашъ романсъ доставилъ мнѣ много удовольствія, но я настаиваю въ моей просьбѣ, что бы вы его написали сами въ мой альбомъ, также какъ и всѣ остальные ваши стихи, что вы можете сдѣлать потихоньку, не утомляя себя. Вотъ очаровательная „Зулейка“; простите, что я ее держала такъ долго. Если я буду имѣть силу притти къ вамъ сейчасъ послѣ обѣда, я васъ попрошу позволить вашимъ дѣтямъ побѣгать немного съ моими по Адмиралтейскому бульвару, куда я ихъ свезу въ экипажѣ, погода такъ хороша. Вашъ другъ Александрина.

12.

Je souffre réellement cher Cousin, d'avoir été tant de siècles sans vous voir, j'espère qu'aujourd'hui il n'y aura plus d'obstacle à ce que je vienne chez vous. Je manquais toujours d'équipage et j'avais toujours du monde ces jours-ci, c'est-à dire le soir, car le matin, je n'aime pas trop venir chez vous. — Serge Tourguénieff m'a dit hier que Nicolas²⁾ a été très contrarié Dimanche d'avoir des affaires qui l'ont retenu. —

J'étais contente de pouvoir vous envoyer les jolies stances que vous avez désirés. J'envoie à l'aimable Ichinka³⁾ les oeuvres de Joukowsky, qu'on m'a fait attendre pour les relier, — j'ai eu une lettre de mon cher Joukowsky qui me dit qu'il a été malade à Sruttgart⁴⁾, mais qu'il reviedra pour le 5 Décembre. Je compte les jours, les heures et les minutes, и нахожу, что сердце какъ то другимъ манеромъ бьется съ тѣхъ поръ какъ близко веселое вмѣстѣ, comme il le dit dans sa lettre. Je me fais une fête des soirées passées avec lui à votre table à thé. En vérité il a raison de dire: что въ жизни много прекраснаго и безъ счастья! Si ce n'est pas un petit bonheur pourtant! —

¹⁾ Зулейка, героиня поэмы Байрона, „Невѣста Абидосская“. Козловъ перевелъ эту поэму впоследствии.

²⁾ Николай Ивановичъ Тургеневъ.

³⁾ Иванъ Ивановичъ Козловъ, единственный сынъ поэта.

⁴⁾ Дневникъ Жуковскаго: „болень отъ 8 по 14 октября 1823 г.“.

Au revoir cher Cousin, je m'aperçois un peu tard que je suis trop bavarde, J'ai voulu engager hier ma chère Cousine à aller chez la P-sse Alexis, mais je n'ai pu être qu'à 11 heures et c'était trop tard. Adieu pour de bon.

С.-Петербургъ.

Переводъ.

Я на самомъ дѣлѣ страдаю, дорогой Кузень, оттого что цѣлую вѣчность не видала васъ, надѣюсь, что сегодня болѣе не будетъ препятствій къ тому, чтобы я приѣхала къ вамъ. У меня все не было экипажа и все время были гости эти дни, т. е. по вечерамъ, такъ какъ по утрамъ я не очень люблю приѣзжать къ вамъ. Сергѣй Тургеневъ говорилъ мнѣ вчера, что Николай былъ очень раздосадованъ въ воскресенье изъ за дѣла, которыя его задержали. Я очень была довольна, что могла послать вамъ красивые стихи, которые вы желали имѣть. Посылаю любезному Ишинькѣ сочиненія Жуковскаго, которыя пришлось ждать изъ за переплета. Я имѣю письмо отъ моего дорогого Жуковскаго, который сообщаетъ, что онъ былъ боленъ въ Штуттгартѣ, но что онъ вернется къ 15 декабря. Считаю дни, часы и минуты и нахожу, что сердце какъ то другимъ манеромъ бьется съ тѣхъ поръ, какъ близко веселое вѣстѣ, какъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ. Радуюсь впередъ, думая о вечерахъ, которые мы проведемъ съ нимъ у вашего чайнаго стола. На самомъ дѣлѣ, онъ правъ, говоря: что въ жизни много прекраснаго и безъ счастья! Однакожъ, развѣ это не маленькое счастье! До свиданья, дорогой Кузень, замѣчаю немного поздно, что слишкомъ заболталась. Я хотѣла вчера пригласить дорогую кузину пойти къ княгинѣ Alexis ¹⁾ но не могла попасть раньше 11 час., а это слишкомъ поздно. Adieu pour de bon.

13.

J'avais compté passer la soirée d'hier chez vous cher Ami, avec Плещеевъ, mais comme il devait être au concert des Laval, je lui ai donné rendez-vous pour demain et j'avais la plume en main pour vous demander si cela ne vous dérange pas. Si non, ne répondez pas, ci oui faites moi savoir, c'est à dire si vous avez disposé autrement de votre soirée de demain. — J'ai passé celle d'hier avec mes enfants chez les petites Grandes Duchesses. Il n'y a pas d'enfants je crois plus délicieux. — Je suis bien aise que vous ayez fait la connaissance de Souvoroff, je suis curieuse de le voir. Adieu mon bon frère.

На оборотной сторонѣ отвѣтъ И. И. Козлова, писанный карандашемъ.

Beau et calme j'irai entendre l'Iliade. — Il le faut — je voudrais mieux rester tranquille. Je vous embrasse. —

Переводъ.

Я рассчитывала провести вчерашній вечеръ у васъ, дорогой другъ, съ Плещеевымъ, но такъ какъ онъ долженъ былъ быть на концертѣ у Лавалей, то я назначила ему свиданіе на завтра, и держала перо

¹⁾ Кн. Голицына.

въ рукахъ, что бы спросить, не беспокоить ли это васъ. Если нѣтъ, не отвѣчайте, если да, дайте мнѣ знать, т. е. если вы располагали завтрашнимъ вечеромъ по другому. Я провела вчерашній (вечеръ) съ дѣтьми у маленькихъ Великихъ Княженъ. Нѣтъ, я думаю, болѣе прелестныхъ дѣтей. Очень рада, что вы познакомились съ Суворовымъ, мнѣ любопытно его видѣть. До свиданья, мой добрый братъ.

Приписка Козлова.

Нарядный и кроткій я пойду слушать Илиаду. — Такъ надо — я бы хотѣлъ лучше остаться въ покоѣ. Обнимаю васъ.

14.

Nous vous avons attendu hier, cher Cousin, voilà pourquoi Joukowsky n'est pas venu chez vous. Vous rappelez vous que vous aviez promis de venir, je vous avais préparé fontaine et son porteur (?) et tant d'autres personnes qui voulaient vous voir. Voici les fables de Kriloff, à revoir, j'ai du monde!

Переводъ.

Мы ждали васъ вчера вечеромъ, дорогой Кузень; вотъ почему Жуковскій не пришелъ къ вамъ. Вспомните, что вы обѣщали притти, я вамъ приготовила фонтанъ и его носителя (?) и столько другихъ особъ, которыя хотѣли васъ видѣть. Вотъ басни Крылова, до свиданья, у меня гости.

15.

Je ferai ce que Vous désirez, mais je vous en donne d'avance la permission au nom de Madame de Krüdener ¹⁾. Si nous n'allons pas trop tard chez elle (car Vous savez que je dine chez Madame Ouvaroff) je crois que nous passerons chez vous. Bonjour cher Ami — Joukowsky garde vos vers, и при свиданіи будетъ съ вами толковать — и привезетъ вамъ завтра или послѣ завтра ихъ и Иоанну ²⁾.

Переводъ.

Я сдѣлаю, что вы желаете, но впередъ даю въ этомъ разрѣшеніе отъ имени М-ме Крюденеръ. Если мы пойдѣмъ къ ней не слишкомъ поздно (т. к. вы знаете, что я обѣдаю у г-жи Уваровой), я думаю, что мы зайдемъ къ вамъ. Прощайте, дорогой другъ. Жуковскій хранитъ ваши стихи и при свиданіи будетъ съ вами толковать и привезетъ вамъ завтра или послѣзавтра ихъ и Иоанну.

16.

Cher cousin! Comment vous va? Ma santé est assez bonne, puis je compter sur le plaisir de vous (voir) le soir? Si pourtant cela ne vous fatigue. Ayez la complaisance de m'envoyer Faust pour quelques jours, je vous le rendrai, cher ami! Sachant combien vous y tenez, et je vous lirai de

¹⁾ Вѣроятно, эта записка писана въ 1822 г., т. к. г-жа Крюденеръ извѣстная ясновидящая въ это время пріѣзжала въ Петербургъ.

²⁾ Орлеанская Дѣва.

nouveau, la prière et la prophétion de foi, et la Romance que vous n'avez pas pourtant oublié j'espère. Votre soeur et amie Alexandrine.

Переводъ.

Дорогой кузень! Какъ поживаете? Мое здоровье довольно хорошо; могу ли я разсчитывать на удовольствіе видѣть васъ сегодня вечеромъ? Если, впрочемъ, это васъ не утомитъ. Будьте любезны, пришлите мнѣ Фауста на нѣсколько дней, я вамъ его верну, дорогой другъ! зная какъ вы ими дорожите; и я прочту вамъ снова молитву, исповѣданіе вѣры и романсъ, который вы, впрочемъ, надѣюсь не забыли. Ваша сестра и другъ Александра.

17.

(С.-Петербургъ).

Tourguénéff m'a montré votre billet, cher et bien bon cousin, qui est presque tout rempli de moi — malgré toutes les preuves de votre amitié, cela m'a fait un nouveau plaisir! Que ne donnerai je pas pour pouvoir encore passer mes journées ou mes soirées chez vous! En vérité cher Ami, je souffre de vos souffrances bien plus que des miennes, ce n'est pas une phrase, car mon existence n'est que dans mon coeur. — Votre ballade ¹⁾ m'a fait un plaisir infini et je l'ai relue à toutes les personnes qui sont venues me voir, M. et M-me Karamzine en ont fait un éloge que je voudrais bien que vous ayez entendu. — M. Karamzine a répété plusieurs fois le couplet: „Гдѣ насъ ужъ буря не страшитъ“. Mon bon Joukowsky vient chez moi tous les Lundis et les Vendredis, nous lisons les allemands, en attendant l'arrivée de ma bonne Maman, car alors nous proposons de lire Walter Scott, et je vous avoue que je fais un sacrifice en ne lisant pas sur le champ, la Dame du lac. — Vous avez encore deux Princesses Golitzine, à ce que m'a dit Tourguénéff; dites moi, je vous prie, laquelle préférez vous, de la toute intéressante C-sse Souvoroff ²⁾ ou de la Solotnizky? ³⁾ Car entre Авдотья Ивановна ⁴⁾ et Александра Петровна, je suis sûr que vous êtes fidèle à la dernière. Parlez lui, je vous prie, de l'attachement que je lui porte. — Cher Cousin avec quelle impatience je vous attends, comme je me fais une fête de vous voir chez moi; quand sera-ce? Les jours que notre Joukowsky vient chez moi sont si agréables, que je n'en ai pas passé un seul sans vous regretter et vous désirer. Vous savez, je crois, qu'il ne va plus aux soirées de l'impératrice et qu'il passe ce temps à traduire l'Énéide dont il à déjà fait 400 vers et dont il m'a lu le fragment du Laocoon qui est de toute beauté. Venez donc l'entendre cher Cousin. Le vent qui siffle à outrance me désole, je crains pour votre santé sa mauvaise influence. Adieu mon cher Ami, je prie bien Dieu pour vous, oh que ne suis je digne d'être entendue! Alexandrine. — Dites moi si vous vous occupez de quelques nouvelles poésies et ce que vous faites? —

¹⁾ Баллада „Два челнока“, стр. 286, изд. 1882 г.

²⁾ Марія Аркадіевна, супруга Кн. Михаила Михайловича Голицына, рожд. гр. Суворова-Рымникская. Ей посвятилъ Козловъ свои стихи. 1802 — 1870 г.

³⁾ Елизавета Антоновна, супруга кн. Петра Алексѣевича Голицына, рожд. Злотницкая.

⁴⁾ Кн. Голицына извѣстная Princesse nocturne, писательница, рожд. Измайлова. 1780 — 1856.

Переводъ.

С.-Петербургъ.

Тургеневъ мнѣ показывалъ вашу записку, дорогой и добрый Кузень, которая почти цѣликомъ наполнена мною — не смотря на всѣ доказательства вашей дружбы это мнѣ доставило новое удовольствіе! Чего бы я не дала, чтобы имѣть возможность снова проводить у васъ свои дни, или вечера! Дѣйствительно, дорогой другъ, я страдаю отъ вашихъ страданій гораздо больше, чѣмъ отъ моихъ собственныхъ, это не фраза, такъ какъ моя жизнь только у меня въ сердцѣ. Ваша баллада дала мнѣ безграничное удовольствіе и я ее перечитала всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ меня. Г. и Г-жа Карамзины хвалили ее такъ, что я бы хотѣла, чтобы вы слышали. Г. Карамзинъ повторилъ нѣсколько разъ куплетъ „Гдѣ насъ ужъ буря не страшитъ“. — Мой добрый Жуковскій пріѣзжаетъ ко мнѣ каждые понедѣльникъ и пятницу, мы читаемъ нѣмцевъ, ожидая пріѣзда моей доброй маменьки, т. к. тогда мы предполагаемъ читать Вальтеръ-Скотта, и я васъ увѣряю, что я приношу жертву не начавши читать сразу (*Dame du lac*). У васъ еще двѣ княжны Голицыны, какъ мнѣ сказалъ Тургеневъ: скажите мнѣ, прошу васъ, которую вы предпочитаете, весьма интересную гр. Суворову, или Золотницкую? Такъ какъ, выбирая между Авдотьей Ивановной и Александрой Петровной, я увѣрена, вы останетесь вѣрнымъ послѣдней. Скажите ей, пожалуйста, о привязанности, которую я къ ней питаю. Дорогой кузень, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидаю какъ я предвкушаю удовольствіе видѣть васъ у себя. Когда это будетъ? Дни, въ которые нашъ Жуковскій приходитъ ко мнѣ, такъ пріятны, что ни одинъ изъ нихъ не прошелъ безъ сожалѣнія о васъ и желанія васъ видѣть. Вы знаете, я думаю, что онъ не посѣщаетъ болѣе вечеровъ Императрицы, и что онъ проводитъ время за переводомъ Энеиды, которой онъ уже написалъ 400 стиховъ и изъ которой онъ мнѣ читалъ отрывокъ о Лаокоонѣ — полный красоты. Придите же послушать, дорогой кузень. Вѣтеръ, который непрерывно дуетъ, меня огорчаетъ, я боюсь его вреднаго вліянія на ваше здоровье. До свиданья, мой дорогой другъ, я много молю Бога за васъ, о зачѣмъ я недостойна быть услышанной? Александрина. Скажите, занимаетесь ли вы новыми стихами и что вы дѣлаете?

18.

La St. - Jean. Camby (1823 г.).

Je ne sais pas au juste, si c'est aujourd'hui votre jour de nom, cher et excellent Ami, mais j'ai pensé à vous et prié pour vous plus que de coutume et je veux aussi vous écrire. Que faites vous cher Ami! le beau printemps vous a-t-il fait quelque bien? Avez vous entrepris quelque chose pour votre santé? Comme je crains que vous laisserez encore passer cette année sans rien faire. Tous les vôtres sont dispersés, je ne sais si vous voyez au moins de temps en temps vos habitués d'autres fois. — Pérowsky m'a beaucoup parlé de vous, mais ne m'a rien dit de consolant! — Combien j'en veux au sort qui ne vous a pas fait gagner Воротынцы, en vérité cela devait être! — Themire m'a donné de vos nouvelles et m'a priée de vous remercier pour la réception amicale qu'elle reçoit toujours de vous, elle en est bien touchée, bien reconnaissante. — Mon mari me dit que vous ne recevez pas mes lettres — tout le monde se plaint de mon inexactitude et je me tue à écrire. Depuis

Акварель А. А. Воейковой изъ ея альбома.

que je suis à la campagne la poste me désole, je suis souvent sans lettre et je reçois tout à coup deux ou trois de la même personne. — Ayant reçu votre lettre et vos vers „Леандрова ночь“ et l'épître à „la P — sse Galitzine“¹⁾, je n'ai pu vous répondre tout de suite car nous sommes allés à la campagne, mais la poste d'ensuite je vous ai répondu. Huit jours après je vous ai encore écrit et dans le paquet de mon mari ne pouvant le faire par Varette que je sais à Pavlovsk. — Quoique ces deux lettres ne contenaient rien de particulier, je suis fâchée qu'elles se soient perdues.

30 Juin.

N'ayant pas en occasion d'envoyer en ville jusqu'à aujourd'hui — je viens de recevoir votre lettre, où vous attribuez si cruellement mon silence à l'oubli! Cher Ami, j'espère que vous ne l'avez dit, que pour me faire écrire plus sûrement; que vous êtes sûr qu'il m'est impossible de changer pour vous; que je serai toujours votre soeur, votre amie, et que votre amitié fera toujours une grande partie du peu de bonheur qui me reste dans ce monde! — Il m'est impossible de comprendre pourquoi mes deux lettres ne vous soient pas parvenues; il ne s'y trouvait absolument rien que la description de notre manière de vivre et de notre campagne. — Je vous reparlerai encore de vos vers qui m'ont extrêmement plu et je vous remercie encore une fois de me les avoir envoyés. J'ai pensé à vous cher Cousin, en voyant dans les gazettes l'annonce d'un nouveau poème de Lord Byron. Dites moi si vous en avez déjà une idée? j'ai écrit à Riga où on peut se le procurer. Vous sentez bien que c'est pour vous l'envoyer cher Cousin. — Je n'ai rien de nouveau à vous dire de nous. La campagne où nous sommes est fort agréable, je monte à cheval et cela me fait plaisir. Nous sommes dans une solitude absolue, ce qui me fait encore plus de plaisir. — Mes enfants grandissent, ma bonne pauvre Maman est toujours de même; toujours bien portante quoique triste et je ne puis assez remercier Dieu pour sa santé! — Mon beau frère²⁾ est à Moscou depuis plus d'un mois. — Nous demeurons dans la terre d'un M. de Knorring, le plus intéressant et le plus respectable vieillard qu'on puisse voir. Sa société est une fort agréable distraction, car il a une mémoire comme Vous cher ami, et malgré ses 84 ans, il est tout à fait aimable par la quantité de choses qu'il a vues et qu'il raconte fort bien. Il a été autrefois aide de camp du comte Захаръ Чернышевъ et par là en relation avec tout ce qu'il y avait de distingué et d'intéressant alors. Sa conversation intéresse Maman et par là m'est bien précieuse, et ses bontés pour mes enfants me le rende bien cher! Il a une bonté paternelle pour ma chère Catinka la cadette³⁾ et c'est bien touchant de voir cette respectable tête toute blanche à côté de la jolie figure brillante de santé et de couleur de ce petit ange.

Mes enfants me rendent bien heureuse, cher ami! Tous les quatres sont bons et gentils. — Les deux cadets sont inséparables et extrêmement amis et les deux ainées font de grands progrès dans les études. Parlez moi des Votres! J'espère qu'ils continuent à être aussi bons et intéressants qu'autres fois. Dites moi quelques mots des princesses Galitzine. Que fait la santé de

1) Последнее стихотворение посвящено кн. М. А. Голицыной, рожд. гр. Суворовой.

2) И. Ф. Мойеръ.

3) Рѣчь идетъ о Катенькѣ Младшей, т. е. о племянницѣ А. А., дочери покойной Маши; старшую дочь А. А. звали также Катей.

la belle princesse — et la bonne c. à. d. la princesse Alexis comment va-t-elle? Dites lui, lorsque vous la verrez, que je lui suis bien sincèrement attachée. Voyez vous aussi la princesse Marie? ¹⁾ j'espère qu'elle vient vous voir. Adieu cher et bon cousin, très cher Ami. Je suis comme toujours et à jamais votre toute effectonnée.

Alexandrine.

Переводъ.

(1823) Камби.

Не знаю навѣрное, сегодня ли ваши именины, дорогой и прекрасный другъ, но я думала о васъ и молилась за васъ больше чѣмъ обыкновенно и хочу также вамъ написать. Что дѣлаете вы, дорогой другъ! принесла ли вамъ пользу прекрасная весна? Предприняли ли вы что нибудь для вашего здоровья? Какъ я боюсь, что вы пропустите и этотъ годъ, ничего не дѣлая. Всѣ ваши исчезли, разсѣялись; я не знаю, видите ли вы по крайней мѣрѣ время отъ времени обычныхъ вашихъ прежнихъ посѣтителей. Перовскій мнѣ много говорилъ про васъ, но не сказалъ ничего утѣшительнаго!

Какъ бы я хотѣла (утѣшенія) отъ судьбы, которая не дала вамъ получить Воротынцы, по правдѣ это бы должно случиться! Темира сообщила мнѣ о васъ новости и просила меня поблагодарить васъ за дружескій пріемъ, который она получаетъ всегда у васъ, она имъ очень тронута и признательна за него. Мой мужъ говоритъ мнѣ, что вы не получаете моихъ писемъ — всѣ жалуются на мою неаккуратность, а я себя убиваю за писаньемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я на дачѣ, почта меня приводитъ въ отчаяніе, часто я сижу безъ писемъ, или получаю сразу два или три отъ одного лица. Получивши ваше письмо и ваши стихи „Леандрова ночь“, и посланіе „Къ княгинѣ Голицыной“, я не отвѣчала вамъ сразу, потому что мы уѣхали на дачу, но со слѣдующей почтой я вамъ отвѣтила. Восемь дней спустя я вамъ писала еще и въ пакетѣ мужа, не имѣя возможности сдѣлать это черезъ Варетту ²⁾, которая, я знаю, въ Павловскѣ. Хотя эти два письма не заключали ничего особеннаго, мнѣ досадно, что они пропали.

30 іюня.

Не имѣя случая послать въ городъ до сегодняшняго дня, я получила только сейчасъ ваше письмо, въ которомъ вы такъ жестоко приписываете мое молчаніе — забвенію! Дорогой другъ, я надѣюсь, что вы это сказали только для того, что бы заставить меня навѣрное написать; что вы увѣрены въ томъ, что для меня невозможно перемѣниться къ вамъ; что я буду всегда вашей сестрой, вашимъ другомъ, и что ваша дружба будетъ всегда составлять большую часть того малаго счастья, которое мнѣ остается на этомъ свѣтѣ! Для меня непонятно, почему мои два письма не дошли до васъ; въ нихъ не заключалось ровно ничего, кромѣ описанія нашего образа жизни и нашей дачи. Я писала снова про ваши стихи, которые мнѣ чрезвычайно понравились и поблагодарила васъ

¹⁾ Рѣчь идетъ здѣсь и ниже о тѣхъ же княгиняхъ Голицыныхъ, рожден. Золотницкой и Суворовой.

²⁾ Дочь Н. М. Карамзина.

еще разъ за то, что вы ихъ мнѣ прислали. Я думала о васъ, дорогой кузень, когда прочла въ газетахъ сообщеніе о новой поэмѣ лорда Байрона. Скажите мнѣ, имѣете ли вы о ней уже понятіе? Я написала въ Ригу, гдѣ ее могутъ добыть. Вы хорошо понимаете (чувствуете) что это для того, чтобы ее вамъ послать, дорогой кузень. Я не имѣю ничего новаго сказать вамъ о себѣ. Деревня, гдѣ мы живемъ, очень пріятна, я ѣзжу верхомъ и это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Мы находимся въ совершенномъ уединеніи, что мнѣ нравится еще больше. Дѣти мои растутъ, моя бѣдная мама все такая же, всегда здоровая, хотя и печальная и я не могу достаточно благодарить Бога за ея здоровье! Мой зять въ Москвѣ, уже болѣе мѣсяца. Мы живемъ въ имѣніи нѣкоего господина Кнорринга, самага интереснаго и почтеннаго старца, какого можно встрѣтить. Его общество — очень пріятное развлеченіе, такъ какъ у него память какъ у васъ, дорогой другъ, и не смотря на свои 84 года онъ очень интересенъ количествомъ вещей, которыя онъ видѣлъ и о которыхъ онъ очень хорошо рассказываетъ. Онъ былъ прежде адъютантомъ графа Захара Чернышева и поэтому былъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что тогда было замѣчательнаго и интереснаго. Его разговоръ интересуется маменьку и поэтому для меня является очень цѣннымъ, а его доброта къ моимъ дѣтямъ дѣлаетъ его мнѣ дорогимъ! У него отцовская доброта къ моей дорогой Катенькѣ, младшей, и очень трогательно видѣть эту почтенную, совершенно бѣлую голову, рядомъ съ красивой, блещущей здоровьемъ и цвѣтомъ лица фигуркой этого маленькаго ангела.

Мои дѣти дѣлаютъ меня очень счастливой, дорогой другъ! Всѣ четверо очень добры и прелестны. Двое младшихъ неразлучны и большіе друзья, а обѣ старшія дѣлаютъ большіе успѣхи въ занятіяхъ. Расскажите мнѣ про вашихъ! Я надѣюсь, что они продолжаютъ быть такими же добрыми и интересными какъ прежде. Расскажите мнѣ нѣсколько словъ о княгиняхъ Голицыныхъ. Какъ здоровье красивой княгини, а добрая, т. е. княгиня Alexis, какъ она поживаетъ? Скажите ей, когда увидите, что я къ ней очень серьезно привязана. Видаете ли вы также княгиню Марію? надѣюсь, она посѣщаетъ васъ. До свиданья, милый и добрый кузень, дорогой другъ. Остаюсь какъ всегда и навѣки привязанная къ вамъ Александрина.

19.

Je pensais et je tâcherai de venir ce soir chez vous, cher Cousin; ma tristesse ne vous sera pas à charge! La comtesse Lieven ¹⁾ n'est plus. Priez pour elle cher Cousin. J'ai le coeur navré. — Mon excellente cousine Galitzine me dit de vous demander la permission de vous l'amener la semaine prochaine. Je me fais une fête des moments que vous passerez dans sa société, c'est un être angélique. — Adieu bon Cousin, il faut beaucoup compter sur votre amitié, pour vouloir aller chez vous ce soir et vous porter mon chagrin. Alexandrine.

Переводъ.

Я думала и постараюсь притти сегодня вечеромъ къ вамъ, дорогой кузень; моя печаль вамъ не будетъ въ тягость! Гр. Ливень болѣе не

¹⁾ Ш. И. Ливень, воспитательница дочерей имп.

существуетъ. Молитесь за нее, дорогой кузень! Мое сердце надрывается. Прелестная кузина Голицына велитъ мнѣ попросить у васъ позволеніе взять ее къ вамъ на будущей недѣлѣ. Я предвкушаю удовольствіе отъ минутъ, которыя вы проведете въ ея обществѣ, это — ангельское существо. Прощайте, добрый кузень, надо сильно вѣрить въ вашу дружбу, чтобы хотѣть притти къ вамъ сегодня вечеромъ, и принести вамъ свое горе. Александра.

20.

Mon cher Cousin! Il n'y a pas de pouvoir dans le Ciel ni sur la terre qui puisse diminuer mon amitié pour Vous. Je crois que l'impossibilité de Vous voir aussi souvent qu'autrefois, ne fait, au contraire, que l'augmenter, потому что мнѣ еще грустнѣе объ Васъ, et pour moi aimer et pleurer est presque synonyme! — Merci, merci, pour „Morgana“ ¹⁾ elle est délicieuse! surtout le couplet: „Весны и розъ царевною воздушною“ — c'est tout à fait de la y féerie. — La pauvre Свѣтлана était affreuse hier! Il y avait de petits cadres de nuages tout à fait ridicules, qui rélevaient du plancher pour un instant avec Swetlana à travers la gaze — mais c'était si laid et si petit, qu'en vérité c'était désolent! ²⁾ Ensuite la Sémenoff a lu d'une manière si tragique, que cela avait tout l'air d'être une parodie. Il était impossible de ne pas rire! — L'éclouge du pauvre Glinka était joué tout aussi ridiculement et après le spectacle on voyait Joukowsky auprès de Glinka, comme Marius près de Carthage — et ces deux grandes mines se consolait entre elles. — Au revoir cher Ami, j'espère le faire chez vous.

Переводъ.

Нѣтъ, дорогой кузень! Никакія силы неба не могутъ уменьшить мою дружбу къ вамъ. Мнѣ кажется, что невозможность видѣть васъ такъ часто какъ прежде, наоборотъ, только увеличиваетъ ее, потому что мнѣ еще грустнѣе объ васъ, а для меня любить и жалѣть, почти синонимы! Спасибо, спасибо, за Моргану, она восхитительна! Особенно куплетъ: „Весны и розъ царевною воздушною“ это совершенно феерично. Бѣдная Свѣтлана была ужасна вчера! Были пресмѣшныя облака, которыя поднимались съ полу одновременно съ Свѣтланой въ газовомъ занавѣсѣ и это было такъ безобразно и мало, что могло привести въ отчаяніе.

Потомъ Семенова читала съ такой трагической манерой, что это имѣло видъ совершенной пародіи. Невозможно было не смѣяться! — Эклоги бѣднаго Глинки были сыграны также смѣшно и послѣ спектакля можно было видѣть Жуковского около Глинки, какъ Марія предъ Карфагеномъ, и эти двѣ важныя персоны утѣшали другъ друга. До свиданья, дорогой другъ, надѣюсь имѣть его (т. е. свиданіе) завтра у васъ.

21.

(С.-Петербургъ).

J'ai eu beaucoup de plaisir à reconnaître cher Ami, dans vos charmantes strophes les délicieux vers: „Quando si mostra mené tanto e più bella!“.

¹⁾ „Фея Моргана къ Оливьеру“, изъ Мильвуа; переводъ Козлова, стр. 190.

²⁾ Очевидно балладу Свѣтлана читали въ костюмахъ и при обстановкѣ.

N'oubliez pas de me faire connaître toutes les stances italiennes lorsque je serai chez vous. — Il m'a été impossible de vous voir jusqu'à présent ayant été très souffrante, mais surtout ayant mes pauvres enfants souffrants, André m'a donné infiniment de chagrin. Il fait des dents et je ne sais vous dire la peur que j'ai. — Joukowsky est sorti, je lui parlerai de „Farewell“ et lui lirai vos stances sitôt qu'il sera de retour. Que Dieu veuille pour Vous avec sa sainte protection. —

Переводъ.

Я была очень рада, дорогой другъ, узнать въ вашихъ стихахъ очаровательныя строфы: Quando si mostra mené tanto e più bella!“. Не забудьте ознакомить меня со всѣми итальянскими стансами, когда я буду у васъ. Я не могла видѣть васъ до настоящаго времени, т. к. я, а главное мои дѣти были очень больны, Андрей доставилъ мнѣ безконечное горе. У него прорѣзаются зубы и я не могу вамъ сказать, какъ я боюсь. Жуковскій ушелъ, я ему скажу о Farewell, и прочту вамъ стансы, какъ только онъ вернется. Да будетъ надъ вами Богъ съ его святымъ покровительствомъ.

22.

(С.-Петербургъ). 1824.

Je souffre toujours de spasmes dans le dos, cher Cousin, c'est ce qui m'a empêché d'être chez Vous. — Joukowsky n'est pas venu chez vous, parcequ'il y avait soirée chez l'Impératrice et hier à cause de l'arrivée de M. Batuchkoff ¹⁾. — Avant hier j'ai été au concert de Hummel ²⁾, avec Mad. Ouvaroff, et j'ai bien pensé à vous à cause du plaisir que cela m'a fait. Si ce soir après diner je n'ai pas mes spasmes, je passerai chez vous, les soirs je suis comme criblée de coups, hier je n'ai presque pas pu me tenir sur ma chaise. Perowsky m'a prié de vous dire qu'il ne venais pas chez vous ces jours-ci parcequ'il faisait ses dévotions. — La somnambule veut que vous vous magnétisiez. — Adieu cher Cousin.

Переводъ.

Я мучаюсь все время спазмами въ спинѣ, дорогой кузень, что и помѣшало мнѣ быть у васъ. Жуковскій не пришелъ къ вамъ потому что у императрицы былъ вечеръ, а вчера — по случаю приѣзда Батюшкова. Позавчера я была въ концертѣ Гуммеля съ м-мъ Уваровой, и много думала о васъ по случаю удовольствія, которое мнѣ это доставило. Если сегодня послѣ обѣда у меня не будетъ спазмъ, то я приду къ вамъ; по вечерамъ я какъ бы вся разбита, вчера почти не могла держаться на моемъ стулѣ. Перовскій просилъ меня сказать вамъ, что онъ не придетъ къ вамъ эти дни, т. к. говѣеть. La somnambule хочетъ, чтобы вы себя магнетизировали. Прощайте, дорогой Кузень.

¹⁾ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, поэтъ (1787 — 1855). Душевно больной. Жуковскій повезъ его въ 1824 г. въ Дерптъ, а потомъ за границу.

²⁾ Знаменитый нѣмецкій пианистъ и композиторъ (1778 — 1837).

23.

Безъ даты (С.-Петербургъ).

Vous êtes père et vous savez ce que j'ai dû éprouver en lisant vos vers pour Catiche! Merci mille fois pour cette attention, votre excellent coeur qui vous l'a inspirée vous en récompensera. Priez Dieu pour l'heureux avenir de cet excellent enfant qui pleure de joie en lisant vos vers faits pour elle. Que Dieu vous bénisse, bonne nuit à vous et les vôtres.

Переводъ.

Вы отецъ, и вы знаете, что я должна была испытать, читая ваши стихи къ Катенькѣ! Спасибо тысячу разъ за это вниманіе, ваше прекрасное сердце, которое вамъ его внушило, вознаградитъ васъ за это. Молите Бога за счастливое будущее этого прекраснаго ребенка, который плачетъ отъ радости, читая ваши стихи, написанные для него. Богъ да благословитъ васъ, доброй ночи вамъ и вашимъ.

24.

Lundi Царское Село (1824).

Monsieur Sabouroff m'a dit vous avoir laissé souffrant cher frère, cela m'afflige et m'inquiète beaucoup! Quel temps! dois je dire adieu à la douce idée de vous voir établi dans mon cabinet ici? J'espère au moins que ma santé ni les arrangements de la maison de Pétersbourg, ne nous empêcheront pas de revenir bientôt en ville. Mais vous voir ici me ferait tant plaisir! Catiche est toute fière de votre lettre, elle est à la promenade, c'est pourquoi elle n'écrit pas elle même. Adieu cher et bon frère! Si je pouvais vous voir ici!

Et vous, charmante cousine, mille et mille baisers pour avoir rempli mes commissions. J'ai bien envie de Vous voir et si Vous vouliez tenir votre promesse et venir ce serait vraiment charmant, car lorsque on revient de l'autre monde¹⁾, l'envie de revoir ses amis est bien grande, je vous assure, — il faut au moins que la peine d'être revenue soit récompensée.

Cher frère — Karamzine m'a beaucoup demandé de vos nouvelles et des nouvelles de vos poésies, du Чернецъ et m'a chargé de vous dire много дружескаго — son expression.

Переводъ.

Понедѣльникъ. Царское Село. (1824).

Г. Сабуровъ сказалъ мнѣ, что оставилъ васъ больнымъ, дорогой братъ, это меня огорчаетъ и сильно беспокоитъ! Какое время! должна ли я сказать прощай сладкой мечтѣ видѣть васъ поселившимся въ моемъ кабинетѣ здѣсь? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что мое здоровье и устройства дома въ Петербургѣ, не помѣшаютъ намъ скоро возвратиться въ

¹⁾ А. А. была передъ этимъ сильно больна.

городъ. Повидать васъ здѣсь мнѣ было бы такъ пріятно. Катишь чрезвычайно горда вашимъ письмомъ, она гуляетъ, и поэтому не пишетъ сама. Прощайте, дорогой и добрый братъ! Если бы я могла васъ видѣть здѣсь.

А вы, прелестная кузина, тысяча и тысяча поцѣлуевъ за исполненіе моихъ порученій. Я бы очень хотѣла васъ видѣть и если бы вы захотѣли сдержать ваше обѣщаніе и пріѣхали, это было бы прелестно, т. к. когда возвращаешься съ того свѣта, желаніе видѣть своихъ друзей очень велико, я васъ увѣряю, — надо по крайней мѣрѣ, чтобы трудъ возвращенія былъ вознагражденъ. Дорогой братъ, Карамзинъ меня много спрашивалъ о васъ новостей и новостей о вашихъ стихахъ, о Чернецѣ и поручилъ мнѣ сказать — много дружескаго (его выраженіе).

25.

Царское Село, 7 іюня.

Votre lettre m'aurait peinée, si elle ne m'avait tant touchée, cher et bon ami. Je comptais être un de ces jours à Pétersbourg, et voilà pourquoi je ne vous ai pas écrit. Pouvez vous demander si je serais contente de vous voir? Venez me voir quand vous voudrez, venez avant la fête d'André — car c'est encore loin — et puis savoir que vous vous êtes rappelé de sa fête m'a déjà fait plaisir, ainsi l'effet est déjà produit par votre bonne amitié. Je ne vous ai pas répondu hier, car je croyais aller en ville, mon mari y est allé seul. Je serai bien contente de vous entendre parler de cette délicieuse M-lle Narischkine ¹⁾, de cet ange qui est resté si peu de temps sur la terre, vous ne pourrez pas me donner assez de détails sur elle. — Dites à vous même et à tous les autres membres de votre famille, que je suis bien sincèrement et bien tendrement votre amie, que je ne puis pas vous écrire, car je n'ai absolument rien d'intéressant à Vous dire, mais que je ne puis cesser de vous aimer tous. Votre Alexandrine.

Pouvez vous charger un des Tourguéneff de remettre cette lettre à Thémire. Je vous serai bien reconnaissant!

Переводъ.

Царское Село, 7 іюня.

Ваше письмо огорчило бы меня, если бы оно меня такъ не тронуло, дорогой и добрый другъ. Я рассчитывала быть въ одинъ изъ этихъ дней въ Петербургѣ, и вотъ почему вамъ не писала. Можете ли вы спрашивать, буду ли я довольна васъ видѣть? Приходите ко мнѣ, когда хотите, приходите ранѣ именинъ Андрея — такъ какъ это еще далеко — и потомъ зная, что вы вспомнили о его праздникѣ доставило мнѣ уже удовольствіе, такимъ образомъ эффектъ уже произведенъ вашей доброй дружбой. Не отвѣчала вамъ вчера, такъ какъ думала поѣхать въ городъ, мой мужъ туда поѣхалъ одинъ. Я была бы очень рада услышать отъ васъ объ этой очаровательной M-lle Нарышкиной, объ этомъ ангелѣ,

¹⁾ Софія Нарышкина, дочь имп. Александра I и Маріи Антоновны, скончалась 23 іюня 1824 г., см. о ней ч. I.

который остался такъ мало на землѣ, вы не можете мнѣ сообщить о ней достаточно подробностей, скажите себѣ самому и всѣмъ членамъ вашей семьи, что я очень серьезно и очень нѣжно привязана къ вамъ, что я могу не писать вамъ, такъ какъ ничего не имѣю интереснаго сказать, но я не могу перестать васъ всѣхъ любить. Ваша Александрина.

Можете ли вы поручить одному изъ Тургеневыхъ передать это письмо Темирѣ. Я буду вамъ очень благодарна.

26.

Царское Село, 1824 г.

J'étais un peu souffrante et très fatiguée tous ces jours-ci, mon cher ami, et bien aimable cousin, et ne voulant pas vous donner de mauvaises nouvelles, je ne vous ai pas écrit du tout. Je suis sûre que vous ne m'en voudrez pas, lorsque vous saurez que je ne pouvais le faire sans souffrir. A présent que tout va bien, je m'empresse de vous donner de mes nouvelles. D'abord je vous dirai que j'ai été désolée d'apprendre par mon mari que vous avez été souffrant au point de ne pouvoir vous lever pour le thé. Croyez mon cher ami que cela m'a fait plus de mal que ma plus violente douleur au côté. — C'est aujourd'hui un grand jour de fête, vous avez vos deux anges auprès de vous; Ischinka ¹⁾ vous fera une lecture, je pense avec joie que vous aurez une journée agréable. Quand part ma bien aimée cousine? Je voudrais le savoir au juste, car comme malheureusement ce n'est pas à Царское que la diligence change de chevaux, je tâcherai de me trouver sur son passage pour lui dire adieu. Ne pourriez vous pas la reconduire jusque chez moi? et si c'est un samedi avec les chers enfants? Il y a une chambre qui est la votre, et qui s'appelle Козлова комната, l'air de Царское est superbe et vous ferait sans doute du bien. Saluez je vous prie de ma part notre angélique Princesse Galitzine ainsi que ma chère princesse Lise ²⁾. Toute à vous de coeur et d'âme. Alexandrine.

Переводъ.

Царское Село, 1824 г.

Я была немного больна, и очень устала всѣ эти дни, мой милый другъ, и любезнѣйшій кузень, и не желая давать плохихъ новостей, не писала вамъ совсѣмъ. Я увѣрена, что вы этого и не захотѣли бы отъ меня, если бы знали, что я не могу писать безъ страданія. Теперь, когда все идетъ хорошо, спѣшу дать вамъ о себѣ извѣстiя. Прежде всего я вамъ скажу, что была такъ разстроена, узнавъ отъ моего мужа про вашу болѣзнь, что не могли встать къ чаю. Вѣрьте, мой дорогой другъ, что это меня огорчило болѣе, чѣмъ самая ужасная боль въ боку.

Сегодня большой праздникъ, оба ваши ангела около васъ; Ишенька вамъ будетъ читать; я думаю, съ радостью, что у васъ будетъ прiятный день. Когда уѣзжаетъ моя любимая кузина? Я хочу это знать навѣрное, такъ какъ, къ несчастью, дилижансъ мѣняетъ лошадей не въ Царскомъ,

¹⁾ Сынъ поэта, также Иванъ Ивановичъ (1810 — 1883).

²⁾ Рѣчь идетъ очевидно о кн. М. А. Голицыной, которой Козловъ посвятилъ стихи „Ты видѣла“, и о кн. Елизаветѣ Антоновнѣ Голицыной (рожд. Золотницкой).

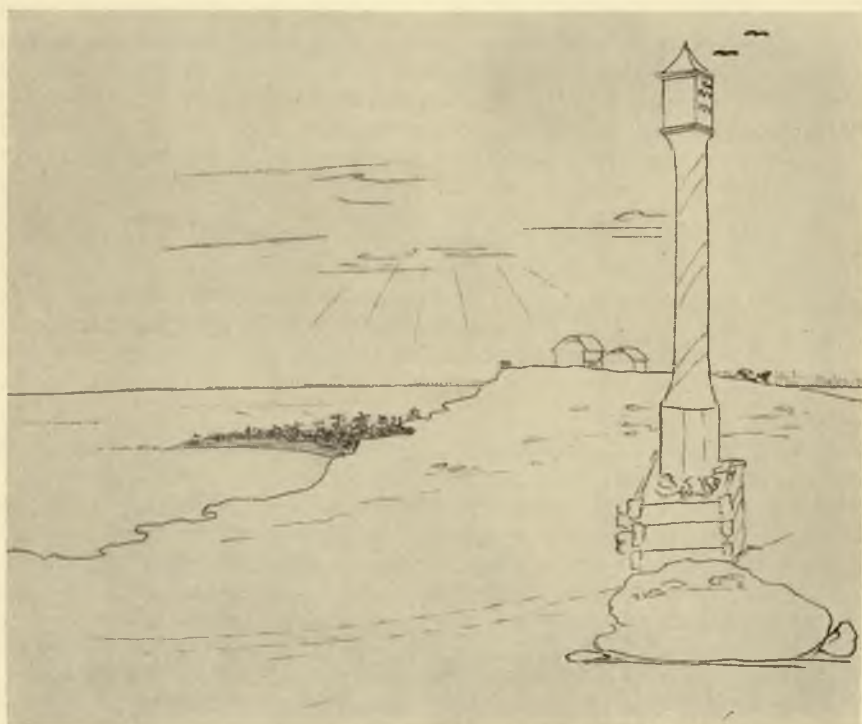

Рисунок перомъ изъ альбома А. А. Воейковой.

и я постараюсь быть при ея проѣздѣ, чтобы съ ней попрощаться. Не можете ли вы ее проводить до меня? И если это будетъ суббота, то съ милыми дѣтьми? Имѣется (спеціально) ваша комната, которая называется Козлова комната, воздухъ Царскаго безподобенъ и принесетъ вамъ, несомнѣнно, пользу. Кланяйтесь пожалуйста отъ меня нашей ангельской кн. Голицыной, такъ же какъ моей дорогой кн. Лизѣ. Ваша сердцемъ и душой Александрина.

27.

Царское Село, 1824.

Mon bien cher ami je ne Vous fais pas du tout d'excuses de ce que sans Vous en demander la permission d'avance je Vous envoie mes enfants. Nous avons eu le malheur de perdre notre excellente Авдотья Михайловна¹⁾. Un malheur bien cruellement senti par nous tous! elle était comme une amie; ma pauvre Catiche était extrêmement affectée, au point que je craignais pour sa santé. Grâce à ses neuf ans elle joue gaiement à présent, mais je voudrais cependant que ses idées prennent une autre direction et comme je sais que moi et mes enfants ne pouvons avoir des amis plus sensibles, plus bons que vous, je vous les envoie mes chers et bon amis! De grâce si elles font trop de folies, mettez y le hola! Je ne vais pas en ville car je ne me sens pas bien et je crains le voyage. — Mon bon frère, la maison que j'occupe à présent est grande et commode, il y a surtout une chambre tout justement pour vous, avec une cheminée si confortable, si jolie. Quand Vous y verrais-je? Joukowsky me charge de mille choses tendres de sa part.

Переводъ.

Царское Село, 1824 г.

Мой дражайшій другъ, я у васъ совершенно не прошу прошенія въ томъ, что не спросивъ впередъ позволенія, посылаю вамъ дѣтей. Мы имѣли несчастье потерять нашу прекрасную Авдотью Михайловну. Несчастье, очень жестоко почувствованное всѣми нами! Она была какъ бы другомъ; моя бѣдная Катишъ была въ высшей степени опечалена, до того, что я боялась за ея здоровье. Благодаря ея девяти годамъ, она теперь весело играетъ, но я бы желала тѣмъ не менѣе, чтобы ея мысли приняли другое направленіе и, такъ какъ я знаю, что и я, и мои дѣти не имѣютъ друзей болѣе сочувствующихъ, болѣе добрыхъ чѣмъ вы, я ихъ вамъ посылаю, мои дорогіе и добрые друзья! Ради Бога, если они будутъ дѣлать слишкомъ много глупостей, уймите ихъ.

Я не ѣду въ городъ, потому что чувствую себя плохо и боюсь путешествія. Мой добрый братъ, домъ, который я занимаю теперь, большой и удобный, къ тому же есть комната какъ разъ для васъ, съ такимъ уютнымъ каминомъ, такая красивая. Когда я васъ тамъ увижу? Жуковскій проситъ передать тысячу нѣжныхъ вещей съ его стороны.

28.

(С.-Петербургъ).

Cher Cousin. Est ce vous n'aimeriez pas venir dîner cher moi aujourd'hui? Je ne Vous offrirai que mon dîner de malade et des glaces de chez l'italien,

¹⁾ Няня.

délicieuses, qu'on m'ordonne de manger ainsi que des fraises ананасныя. Vous pourrez faire un peu le marodeur auprès d'un bon pâté aux champignons, qui ne vous fera pas de mal. Et il me semble que c'est moins fatigant de sortir pour dîner que le soir, où je suis aussi plus fatiguée tandis que je fais la fièvre sur une chaise-longue pendant la journée. Il faut avouer qu'à nous deux nous rappelons le ci-devant jeune homme en parlant de glaces et de pâtés.

Переводъ.

Дорогой кузень. Не пожелали бы вы притти сегодня ко мнѣ обѣдать? Я предложу вамъ только свой обѣдъ больной и прелестное мороженое, какъ у „итальянца“, которое мнѣ совѣтуютъ ѣсть, какъ и ананасную землянику. Вы сможете немного поживиться и около хорошаго пирога съ грибами, который вамъ не будетъ вреденъ. И мнѣ кажется, что менѣе утомительно выйти къ обѣду, чѣмъ вечеромъ, когда и я болѣе утомлена, тогда какъ днемъ меня лихорадитъ даже на chaise longue. Надо признаться, что оба мы напоминаемъ бывшихъ молодыхъ людей, когда говоримъ о мороженомъ и пирогахъ.

29.

(Дерптъ, 1825) ¹⁾.

Cher et bon Cousin! Je ne vous écris ceci que pour vous annoncer une grande lettre avec la poste. Merci pour les très jolis vers, les deux derniers sont charmants, quelle délicieuse comparaison. — J'ai vis-à-vis de moi un petit être tout-à-fait intéressant Mr. Языковъ ²⁾, que je vous annonce pour le mois de Décembre, car il veut absolument vous connaître et vous voir souvent. Il est enchanté de vos vers et me fait actuellement l'éloge de votre посланье къ Жуковскому qu'il tient en main. — Vous ne me dites rien de vos furnigations et de vos bains de souffre; quel effet en ressentez vous? — Adieu mon cher Ami, je ne puis que prier Dieu pour vous et vous aimer beaucoup. Mon mari vous contera que j'ai été bien souffrante et que je ne le suis plus maintenant. — Vite de grâce la continuation du bois de Hongrie ³⁾, je brule d'impatience, mais, de grâce, d'autres noms aux héros! Adieu. Alexandrine.

Переводъ.

Дорогой и добрый кузень! Пишу вамъ это для того, чтобы только предупредить о большомъ письмѣ, посланномъ по почтѣ. Спасибо за очень красивые стихи, два послѣдніе очаровательны, какое прелестное сравненіе. Передо мною маленькое существо, совсѣмъ интересное, М-г Языковъ, котораго я вамъ возвѣщаю на декабрь мѣсяць, такъ какъ онъ непременно хочетъ съ вами познакомиться и видать васъ часто. Онъ восхищенъ вашими стихами и въ настоящее время восхваляетъ по-

¹⁾ Письмо писано изъ Дерпта въ 1825 г., гдѣ Языковъ находился въ это время. Въ альбомѣ Ал. Андр. Воейковой его стихи всѣ почти помѣчены 1825 г.

²⁾ Поэтъ Н. М. Языковъ. См. ч. I и далѣе, его стихи изъ альбомовъ.

³⁾ „Венгерскій лѣсъ“, поэма Козлова. Имена героев: Останъ, Изведъ, Велледа.

сланіе къ Жуковскому, которое держитъ въ рукахъ. Вы ничего мнѣ не говорите о вашихъ припаркахъ и сѣрныхъ ваннахъ; какое дѣйствіе вы ощущаете отъ нихъ? Прошайте, мой дорогой другъ, я могу только молиться Богу за васъ и много васъ любить. Мой мужъ вамъ разскажетъ, что я была очень больна, но что теперь уже здорова. Скорѣе, пожалуйста, продолженіе „Венгерскихъ лѣсовъ“, я сгораю отъ нетерпѣнія, но ради Бога другія имена для героевъ! Прошайте. Александрина.

30.

Merci mon bon Ami, pour votre aimable billet. Soyez de grâce persuadez (?) que je sens la valeur du cher (depot) que vous m'avez confié, et n'ayez par peur pour votre chère Aline ¹⁾. Tous les soires que j'aurai pour mes enfants je les aurai au fin pour Elle. Si André peut être sans dangé avec le chien, soyez sûre qu'Aline pourrait l'être aussi — mais encore ne la laisserai je venir dans la même chambre avec lui, que lorsque j'y serai moi même. Elle prendra très régulièrement ses leçons d'Anglais, de musique et de Français et le peu que je sais, je me ferai un plaisir de le lui montrer. Hélas! j'ai fait l'impossible pour avoir M-lle Belloi, jusqu'à present cela ne m'a pas réussi mais j'espère encore. Ne croyez pas, de grace que j'aie oublié cela. Aline vous ecrira pour sur, dans ce moment elle fait ses boucles et va se coucher. Dites à votre femme, que son indisposition m'a bien fait de la peine, et m'a bien contrariée, que je l'embrasse tendrement, et lui tire les oreilles, pour le charmant fichu. Adieu mon bon et cher Ami.

Переводъ.

Спасибо, мой добрый другъ за вашу любезную записку. Будьте ради Бога увѣрены, что я чувствую цѣнность дорогого вклада который вы мнѣ довѣрили, и не бойтесь за вашу дорогую Алину. Всѣ вечера, которые я посвящу своимъ дѣтямъ, будутъ принадлежать и ей. Если Андрей безъ опасности можетъ быть съ собакой, будьте увѣрены, что Алина можетъ быть также, да кромѣ того я не пушу ее въ одну комнату съ нею, какъ только въ своемъ присутствіи. Она очень регулярно будетъ брать уроки англійскаго, музыки и французскаго и то малое, что я знаю, я съ удовольствіемъ ей покажу. Увы! Я сдѣлала невозможное чтобы имѣть M-lle Belloi, но до сихъ поръ это не удалось, хотя я надѣюсь еще. Не думайте, ради Бога, что я это забыла. Алина вамъ навѣрное напишетъ, теперь она причесываетъ свои локоны и идетъ спать. Скажите вашей женѣ, что ее нездоровье очень меня огорчило и разстроило, что я ее обнимаю нѣжно, и треплю ее за уши за прелестное fichu. Прошайте мой добрый и дорогой другъ.

31.

Августъ 1825 г., Царское Село.

Je suis tentée de m'offenser cher Ami, de ce que vous me remerciez pour mon amitié pour votre chère Aline. On dirait que c'est nouveau. Une

¹⁾ Дочь поэта, Александра. Она временно гостила на дачѣ у Воейковыхъ осенью 1825 г.

fois pour toutes cher frère, j'aime ce charmant enfant de tout mon coeur et toute personne qui serait à même de la connaître autant que moi, l'aimerait autant que je le fais, aussi je changerai de ton pour vous quereller un peu de ce que vous me l'avez enlevée si tôt. Le 6, jour de nom de la petite Grande Duchesse Marie, Aline a reçu une invitation d'aller chez elle à un bal d'enfants, je vous avoue que j'ai été sérieusement peinée de ce qu'elle n'était plus chez moi et ne pouvait pas être au bal, — et cela par vanité, elle danse si joliment que ce serait un véritable succès pour notre chère enfant.

Merci pour les détails que vous me donnez sur vous, je suis bien aise d'apprendre que la fiancée ¹⁾ aille si bon train, et très impatiente de la lire.

Savez vous déjà le retour du cher Perowsky? ²⁾. Vous jugez combien j'étais contente de le revoir. Il est assez satisfait de sa santé quant à présent. Dieu veuille que cela dure! — La Cour va très décidément à Taganrogue, l'Empereur part le 1-er et l'Impératrice Elisabeth le 3 de Septembre — tout le reste de la famille ne bouge pas. — Joukowsky est très rarement ici; vous concevez que maintenant il est dans la joie de son coeur du retour de Perowsky.

Adieu cher Amil Que Dieu veuille sur vous et les vôtres. Embrassez les de ma part et portez vous bien. Tous les miens vous disent mille choses.

Приписка рукой Жуковского.

Я, то есть Жуковский, обнимаю тебя и прошу немедленно отдать, или отослать мое письмо къ Александру Пушкину, для отправленія ко Льву Пушкину, или къ Плетневу. Только поскорѣе.

Переводъ.

Я пытаюсь обидѣться на васъ, дорогой другъ, за то что вы благодарите меня за дружбу къ вашей дорогой Алинѣ. Какъ будто это новость. Разъ навсегда, дорогой братъ, я люблю это прелестное дитя всѣмъ моимъ сердцемъ и каждый, кто узнаетъ ее такъ близко какъ я, полюбитъ ее одинаково; также я перемѣню тонъ, чтобы немного поссориться съ вами за то, что вы ее такъ рано увели. 6-го, въ день именинъ маленькой великой княжны Маріи [Николаевны], Алина получила приглашеніе притти къ ней на дѣтскій балъ, я васъ увѣряю, что мнѣ было серьезно досадно оттого, что ея не было болѣе у меня и она не могла быть на балу, — и это изъ тщеславія; она танцуетъ такъ красиво, что это былъ бы настоящій успѣхъ для нашего дорогого ребенка.

Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете о себѣ, я очень рада узнать, что „невѣста“ идетъ такъ успѣшно и съ нетерпѣніемъ хочу ее прочесть. Знаете ли вы уже о возвращеніи дорогого Перовскаго? Вы понимаете, какъ я была рада его вновь увидѣть. Онъ доволенъ своимъ здоровьемъ въ настоящее время. Дай Богъ, чтобы это продолжалось! Дворъ навѣрное уѣзжаетъ въ Таганрогъ, императоръ ѣдетъ 1-го, а императрица Елизавета 3-го сентября — остальное семейство не

¹⁾ „Невѣста Абидосская“, поэма, которую Козловъ въ это время писалъ.

²⁾ Гр. Вас. Ал. Перовскій ѣздилъ лечиться въ Италію.

трогается съ мѣста. Жуковскій очень рѣдко бываетъ здѣсь; вы понимаете, что его сердце радуется по случаю возвращенія Перовскаго.

Прощайте, дорогой другъ! Богъ да хранить васъ и вашихъ. Обнимите ихъ за меня и будьте здоровы. Всѣ мои шлютъ вамъ тысячу (пожеланій).

Приписка Жуковскаго (по русски).

Я, то есть Жуковскій обнимаю тебя и прошу немедленно отдать, или отослать мое письмо къ Александру Пушкину для отправленія ко Льву Пушкину или къ Плетневу. Только поскорѣе.

32.

(1826).

Mon cher ami, mon pauvre André continue à souffrir et à être d'une douceur charmante. Nous verrons nous ce soir pour entendre Saur? Je tâcherai de voir Wellington ¹⁾ lorsque je serai tranquille sur le compte de mon petit bijou, à présent je sorts seulement pour que l'air me remette mes nuits blanches.

Переводъ.

Мой дорогой другъ, бѣдный Андрей продолжаетъ страдать и отличаться прелестной нѣжностью. Увидимся ли мы сегодня вечеромъ, чтобы послушать Сора? Постараюсь увидѣть Веллингтона, когда успокоюсь насчетъ моего маленькаго сокровища; пока я выхожу только для того чтобы воздухъ мнѣ возмѣстилъ мои безсонныя ночи.

33.

(Петербургъ, 1826 г.).

Merci cher Cousin de vos bontés pour André, il est mieux grâce au Ciel. — Vous savez, que le vilain Sor ²⁾ ne viendra pas jusqu'à Lundi, j'en suis furieuse. Quel temps et quel sort!!

Переводъ.

Спасибо, дорогой кузень за вашу доброту къ Андрею, ему лучше, благодаря Небу. Вы знаете, что гадкій Соръ не приѣдетъ ранѣ понедѣльника, я въ ярости отъ этого. Каково время и какова судьба!! (Игра словъ: Sor — sort).

34.

Sans être sorcière, j'ai déchiffré votre lettre, et elle m'a fait grand plaisir cher et bon cousin. Croyez que mon ame est contente de l'idée seulement de vous être une consolation ou au moins une distraction, et quand j'ai été quelque tems, sans pouvoir venir chez vous, je suis plus triste que vous. Hier, vous m'avez fait plus de bien que je ne pourrai jamais vous en faire, en me parlant de nos amies — je tacherai de passer un instant chez vous cet après diné, pour demander des nouvelles de votre femme. Je prie Dieu pour vous cher ami de toute mon ame. Alexandrine.

¹⁾ Англійскій фельдмаршалъ, приѣзжалъ на коронацію имп. Николая I.

²⁾ Sor, извѣстный скрипачъ.

Переводъ.

Не будучи волшебницей, я расшифровала ваше письмо и оно доставило большое удовольствіе, дорогой и добрый кузень. Вѣрьте, что моя душа радуется одной мысли быть вашимъ утѣшеніемъ, или по крайней мѣрѣ разсѣяніемъ, и когда, въ теченіе нѣкотораго времени, я не могу притти къ вамъ, я болѣе грустна, чѣмъ вы. Вчера вы мнѣ сдѣлали болѣе добра, чѣмъ я могла сдѣлать когда либо вамъ, говоря про нашихъ друзей — я попытаюсь провести у васъ минутку сегодня послѣ обѣда, чтобы узнать новости про вашу жену. Молю Бога за васъ, дорогой другъ отъ всей души. Александрина.

35.

(1826).

Votre billet m'a désolée cher ami. Quel besoin avait on de vous parler de ma maladie? Elle est passée et n'était presque rien qu'un spasme à la poitrine. Prions cher ami! C'est la seule source où nous puissions puiser de la consolation, et songeons bien que nous souffrons pour épargner notre sort à nos enfants — c'est une si grande consolation! Et l'amitié ne l'est elle pas aussi? De grâce ne vous affligez pas de mes souffrances physiques, je les remarque à peine. N'en ayez pas plus d'attention je vous prie! J'ai feuilleté mon vieux journal aujourd'hui. — Comme les journées qui paraissaient alors si longues et si pesantes — sont vite passées et comme elles ne m'ont pas même laissé d'impression; sans le secours du journal, je ne m'en serais jamais rappelée! Cela m'a donné du courage pour l'avenir, ce sera le cas avec les peines actuelles et comme je m'en moquerai dans l'autre monde! — De grâce ne vous affligez pas de mes peines. Mais je vous prêche et ne me sens pas de courage pour les vôtres. Embrassez vos enfants — c'est mon remède quand le coeur se brise. — Si j'ai une voiture aujourd'hui, je viendrai passer la soirée chez vous. — Si vous pouvez me renvoyer le 17 volume de Mad. Staël, faites le, si non, ne vous gênez pas, ce n'est pas pour moi. — Adieu, que Dieu vous consola. Je prie pour vous, votre femme et vos enfants du fond de mon coeur. Je voudrais avoir assez de vertues pour oser croire à l'effet de mes prières. — Donnez ce portrait ¹⁾ d'André à ma Cousine, je lui ai fait des yeux noirs.

Переводъ.

Ваша записка меня огорчила, дорогой другъ. Какая кому надобность была говорить вамъ о моей болѣзни? Она прошла, и выражалась только въ спазмахъ въ груди. Будемъ молиться, дорогой другъ! Это единственный источникъ, въ которомъ мы можемъ черпать утѣшеніе, и подумаемъ хорошенько, что мы страдаемъ, чтобы отклонить эту долю отъ нашихъ дѣтей! это такое большое утѣшеніе! А дружба, развѣ это также не утѣшеніе? Ради Бога, не огорчайтесь моими физическими страданіями, я ихъ почти не замѣчаю. Не обращайтесь на нихъ больше вниманія, прошу васъ! Я перелистывала мой старый дневникъ сегодня. Какъ скоро прошли дни, которые прежде казались такими долгими и такими тяжелыми, и

¹⁾ А. А. Воейкова сама писала этотъ портретъ акварелью, см. снимокъ въ ч. I.

какъ они во мнѣ не оставили даже впечатлѣнія; безъ помощи дневника я бы о нихъ никогда не вспомнила! Это мнѣ даетъ храбрости для будущаго, такъ будетъ и съ теперешними огорченіями, и какъ я посмѣюсь на томъ свѣтѣ! Ради Бога, не сокрушайтесь моими непріятностями. Но я васъ поучаю, а сама не чувствую храбрости по отношенію къ вашимъ (непріятностямъ). Обнимите вашихъ дѣтей, это мое лекарство, когда сердце разбивается. Если у меня будетъ экипажъ сегодня, я приѣду провести у васъ вечеръ. Если вы можете мнѣ вернуть 17 томъ сочиненій М-те Сталь, сдѣлайте это, если нѣтъ, не стѣсняйтесь, это не для меня. Прощайте, да утѣшитъ васъ Богъ. Я молюсь за васъ, вашу жену и вашихъ дѣтей—отъ глубины моего сердца. Я бы хотѣла имѣть достаточно добродѣтелей, чтобы осмѣлиться вѣрить въ дѣйствіе моихъ молитвъ. Дайте этотъ портретъ Андрея моей кузинѣ, я ему сдѣлала черные глаза.

36.

Le 28 mai 1826. Царское Село.

Donnez moi de vos nouvelles, mon cher et bon Ami. J'espère qu'elles seront bonnes et que le beau printemps agit d'une manière bienfaisante sur votre santé. Je suis bien coupable de ne pas vous écrire depuis si longtemps, — mais je vous assure que cela m'était impossible, j'avais le coeur navré en revoyant ce beau Tzarskoé Selol et bien peu de temps après, à peine avais je commencé à m'habituer ici, que ce nouveau malheur la perte de cet être parfait, de Karamzine, est venue retomber avec le poids de tous les autres chagrins sur mon coeur. A peine ma pauvre tête peut elle résister à tout cela. Ma santé est excellente, je ne souffre pas du tout — mais je suis tellement faible, que je dois me lever de ma chaise avec précaution car je risque de tomber. Je fais cependant beaucoup d'exercice mais en droжки. — Donnez moi de grâce des nouvelles de la chère famille des Karamzine, que devient-elle? Est-ce qu'ils passeront l'été à la Tauride? De grâce apprenez quelque chose sur leur compte et faites moi part, je n'ose penser à cette pauvre Madame Karamzine, ni lui écrire, имъ не до меня et j'ai si besoin de savoir quelque-chose sur leur compte. — Non, vous ne pouvez vous figurer cher ami, l'effet que fait le jardin de Царское! Je crois toujours voir ces trois ombres ¹⁾! A peine si j'ose parler haut dans allées où j'étais si habituée à voir un de ces trois êtres — auxquels le cocur était si tendrement, si saintement attaché. C'est comme si je marchais dans un cimetière où tous les trois étaient enterrés — et ce beau printemps qui a ranimé toute la nature; jamais le jardin n'a été aussi beau, si rempli d'oiseaux, de fleurs, — jamais d'un éclat si beau, si jeune que maintenant — et c'est à mes yeux un corps sans âme. Il y a souvent beaucoup de monde de la ville, on voudrait leur reprocher d'y être. Ils ont comme usurpé le droit de s'y promener, ils devraient le faire en priant! — Adieu cher Ami, je deviens bavarde, me fatigue et vous fatigue.

Почтовый штампель: Софія, 29 мая 1826 г.
Адресъ: Его Высокородію Ив. Ив. Козлову въ С.-Петербургѣ.
Въ Садовой, въ домѣ Глазуновой.

¹⁾ Александръ I, Елисавета Алексѣевна и Карамзинъ.

Переводъ.

28 мая 1826 года. Царское Село.

Сообщите мнѣ о себѣ новости, мой дорогой и добрый другъ. Надеюсь, что онѣ будутъ хорошими и что прекрасная весна дѣйствуетъ благопріятнымъ образомъ на ваше здоровье. Я очень виновата, что такъ долго вамъ не писала, но увѣряю васъ, что это было для меня невозможно; мое сердце разрывалось при видѣ вновь этого прекраснаго Царскаго Села, а немного послѣ, только что я начала привыкать здѣсь, какъ новое несчастье, потеря этого совершеннаго существа, Карамзина, упала на мое сердце вмѣстѣ съ тяжестью другихъ несчастій. Моя бѣдная голова съ трудомъ можетъ выдерживать все это. Здоровье мое прекрасно, я совершенно не страдаю, но такъ слаба, что должна подниматься съ моего кресла съ осторожностью, рискуя упасть. Тѣмъ не менѣе я дѣлаю много прогулокъ, но въ дрожкахъ. Сообщите мнѣ, умоляю, новости про дорогую семью Карамзиныхъ, что съ нею? Проведутъ ли они лѣто въ Крыму? Ради Бога, узнайте что-нибудь на ихъ счетъ и сообщите мнѣ, я не смѣю ни думать о бѣдной Г-жѣ Карамзиной, ни писать ей, имъ не до меня, а мнѣ такъ надо узнать кое что на ихъ счетъ. Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, дорогой другъ эффекта, который производитъ Царскосельскій садъ! Мнѣ постоянно кажутся его три тѣни! Я едва смѣю громко говорить въ аллеяхъ, гдѣ я привыкла видѣть одно изъ этихъ трехъ существъ, къ которымъ сердце было такъ нѣжно и свято привязано. Точно какъ бы я гуляла по кладбищу, гдѣ похоронены всѣ трое; — и эта прекрасная весна, которая оживила всю природу: никогда садъ не былъ такъ красивъ, такъ полонъ птицами, цвѣтами, никогда они не имѣли такого красиваго блеска, не были такъ молоды, какъ теперъ — а это все въ моихъ глазахъ, — тѣло безъ души. Здѣсь бываетъ часто много народу изъ города, и хочется ихъ упрекнуть, зачѣмъ они тутъ. Они какъ бы узурпировали право гулять здѣсь, они должны бы дѣлать это съ благоговѣніемъ (молясь)! Прошайте, дорогой другъ, я стану болтливой, утомляю себя и васъ.

37.

(Петербургъ, 1827 г.).

Merci cher Ami pour votre Lara ¹⁾; je suis extrêmement sensible à cette nouvelle preuve de votre amitié. Je suis très souffrante, depuis que j'ai sevré ma petite Machka — je ne cesse d'avoir des maux de tête. Tout mon petit monde est bien et vous remercie pour votre bon souvenir. — Joukowsky fait le paresseux, je le crois à Berlin maintenant. Bonsoir et bonne nuit cher Ami.

Переводъ.

Спасибо, дорогой другъ, за вашу „Лара“; я чрезвычайно тронута этимъ новымъ доказательствомъ вашей дружбы. Я очень нездорова, съ тѣхъ поръ какъ отняла отъ груди мою маленькую Машку — у меня не переставая болитъ голова. Всѣ мои маленькіе люди здоровы и благодарятъ васъ за добрую память. Жуковскій лѣнитса, я думаю — онъ теперъ въ Берлинѣ. Добрый вечеръ и добрая ночь, дорогой другъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Стихотвореніе Козлова „Ночь въ замкѣ Лары“ изъ Байрона.

3-
Сонъ.

Намъ снится въ у Пампуши Писоцкова 20
всё это — какъ вѣдь, я думаю, въ томъ
Всё этой сладкой обаятели
Варенье гурака и ма —
За чѣмъ дума, мнѣ не расклетъ,
За чѣмъ превратится она?

Я самъ себѣ не понимаю:
Темъ-то гадю, что-то съ тѣмъ
Въ землѣ сѣдѣ и развѣрну
Того ему не расклетъ.

Вдѣлъ моськ, вѣдѣтъ бо-краса!
Надѣлю вояр съ ога?
Заренъ насъ саабрабелъ.
И погасили со средѣ маи
Къ мѣстамъ давнишнимъ прѣстѣмъ.

Морфеи! слѣтѣ на Трѣбадуга
Тамъ мнѣ спасительнаго погѣ

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ВАРАКИНЪ, ПОЭТЪ-КРѢПОСТНОЙ КОНЦА
XVIII И НАЧАЛА XIX ВѢКА.

(Род. въ 1759 или 1760 г.г., † не ранѣе конца 1817).

Въ журналѣ Анастасевича ¹⁾: „Улей“ (1811-1812 г.г.) обращаетъ на себя вниманіе стихотвореніе: „Гласъ истины къ гордецамъ“ ²⁾, подписанное инициалами: „И. В.“.

Стихотвореніе это является необычайно яркимъ для того времени выраженіемъ непримиримой ненависти къ носителю крѣпостной власти—помѣщику: только слова: „помѣщикъ“, „крестьяне“ замѣнены прозрачными синонимами: „гордецъ“ и „бѣдные“. Текстъ стихотворенія слѣдующій:

„Полно гордиться,
О человѣкъ,
Время смириться,
Кратокъ твой вѣкъ.
Взгляни на гробы,
Кинь взоръ одинъ;
Земной утробы
Ты бранный сынъ.
Все исчезаетъ
На свѣтѣ семъ,
Что ни прельщаетъ
Живущихъ въ немъ.
Царскіе троны
Съ шумомъ падуть,
Скиптры, короны
Въ прахъ гнѣютъ.
Вчера съ друзьями
Аммонъ игралъ,

Нынѣ червями
Наполненъ сталъ.
Одна минута—
И онъ ужъ прахъ,
Гдѣ-жъ гордость люта?
Въ адскихъ огняхъ.
Гдѣ его сила,
Гдѣ власть, краса?
Все подкосила
Смерти коса.
Гдѣ его золото,
Гдѣ блескъ камней?
Пламяемъ объята
Стало землей.
Гордецъ ничтожный!
Время престать
Жить столь безбожно,
Бѣдныхъ терзать.

¹⁾ Вас. Гр. Анастасевичъ (1775 — 1845) — ученый и библиографъ. Кромѣ библиографич. работъ, напечатанныхъ въ журналахъ того времени, составилъ „Роспись“ Смирдина и первый въ Россіи положилъ начало теоріи библиографіи въ своемъ „Ульѣ“, содержаніе котораго на $\frac{3}{4}$ принадлежитъ ему. Участвовалъ почти во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ; оставилъ много стихотворн. и прозаич. переводовъ съ разныхъ языковъ, преимущественно съ польскаго. Умѣренный старовѣръ въ литературномъ отношеніи, — Анастасевичъ во многихъ вопросахъ, — напр., въ вопросахъ воспитанія, въ женскомъ вопросѣ и др., — былъ передовымъ человѣкомъ своего времени. Состоя цензоромъ (1826 — 28), онъ отличался терпимостью и гуманностью.

²⁾ „Улей“ — 1812 г., IV т. — 305 стр.

Слышишь ли стоны,
Кои несутъ
Всѣ безъ препоны
Бѣдны на судъ?...
Ты ихъ тираниль,
Ты ихъ зориль,
Ты ихъ израниль,
Ты кровь ихъ пилъ!
Вотъ тотъ несчастный,
Коего ты,
Злодѣй ужасный,
Ввергнулъ въ бѣды.
Злобною властью
Гналъ его родъ,

Алчною пастью
Пожралъ животь.
Ты пресыщался;
Онъ гладенъ былъ;
Ты забавлялся,
Онъ слезы лилъ.
Сниди же, злобный
И лютый вепрь,
Подъ камень гробный
И въ адску дебрь,
Мучая вѣчно
Тамъ ты пребудь
И безконечно
Бей свою грудь“.

Предшествующее этому — другое стихотворение: „Несчастный во узахъ“¹⁾ подписано: „И. Вркн.“ и представляетъ мольбу этого „несчастнаго“ къ Богу о дарованіи ему силъ перенести свое несчастье до тѣхъ поръ, пока „смирится всякъ злодѣй, — смирится онъ и вострепешетъ“...

Еще одно стихотворение „Улья“ имѣетъ подпись: „И. В.“, — именно: „Другу людей В. С.“²⁾, — и оно опять-таки обращаетъ на себя вниманіе; авторъ обращается къ „другу людей“ и говоритъ:

„...Подвигнуть жалостью къ несчастнымъ,
Ты внялъ ихъ стомамъ повсечаснымъ,
Которыми полнъ полумірь...
...Ты гласъ природы повторяя,
Правъ чадъ ея открылъ чреду, —
Вѣщая истинну неложну,
Ты алчность обличилъ безбожну,
Какъ мудрый въ древности Солонъ:

Но ошутятъ ли спящи крезы,
Что перлы ихъ — народовъ слезы,
Ихъ нектаръ — потъ, забавы — стонъ;
Такъ жить трудомъ другихъ напрасно
И убивать полезны дни
Алкали только повсечасно
Нимвроды, Нероны одни“...

Указавъ затѣмъ на гибельныя послѣдствія всякихъ притѣсненій вообще, авторъ рисуетъ идиллическую картину жизни свободныхъ поселянъ, „гдѣ лишь любовь связуетъ руки, — не вѣдая иной разлуки, — пока чету разлучить Богъ“... и гдѣ пахарь „предъ Творцомъ благоговѣетъ, — что видитъ собственность труда“...

Уже прозрачная подпись: „И. Вркн.“ подъ однимъ изъ этихъ стихотвореній заставила предположить, что авторомъ всѣхъ ихъ является Варакинъ, — тотъ же фактъ, что имя Ив. Ив. Варакина значитъ въ спискѣ подписчиковъ на „Улей“, придавъ увѣренность этому предположенію.

Ив. Ив. Варакинъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ только, какъ сотрудникъ журнала И. А. Крылова: „Зритель“ (1792 г.), гдѣ онъ помѣстилъ два стихотворенія: „Любезному сыну моего истиннаго благодѣтеля (съ книжкой)“³⁾ и „Долина“⁴⁾ — да какъ авторъ книги: „Пустынная лира забвеннаго сына природы“⁵⁾.

¹⁾ Ibid — IV т. — 304 стр.

²⁾ Ibid — III т., 276 — 279 стр. — „В. С.“, какъ увидимъ далѣе, — гр. Валеріанъ Стройновскій, авт. книги (на польск. яз.): „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, гдѣ онъ требовалъ освобожденія крестьянъ.

³⁾ „Зритель“ — I т. — 183 стр.

⁴⁾ Ibid. — II т. — 117 стр.

⁵⁾ СПб. 1807 г., — въ тип. Глазунова: VI нум. + 93 стр. На обложкѣ — И. В.

Книга эта представляет сборникъ стиховъ,¹⁾ посвященный „Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу — великому князю Константину Павловичу“, къ которому обращено и предисловіе книги. Въ предисловіи этомъ Варакинъ говоритъ, что, „пустынная лира—въ дни царствованія Августѣйшаго Императора Павла—бряцала благоденствіе и славу Россіи, но не была никѣмъ слышима... Звуки ея погибли въ дебряхъ“...— и заканчиваетъ словами: „Здѣсь нѣтъ лицемѣрія; пустыни не рождаютъ сирень; пустыни даютъ вѣрныхъ сыновъ отечеству, храбрыхъ воиновъ, трудолюбивыхъ гражданъ, крѣпкихъ подданныхъ своимъ Государямъ!— И такъ—удостой воззрѣніемъ подносимый плодъ деревенскаго воспитанія, пріими жертву памяти и любви преданныхъ тебѣ сердець. Всепреданнѣйшій Иванъ Варакинъ“.

Содержаніе „Пустынной лиры“ слѣдующее: 1) Пѣснь торжественная отдаленныхъ Сѣверныхъ странъ; при возшествіи на престолъ Государя Императора Павла Петровича.— Посвященная Митрополиту Платону²⁾, 2) Письмо къ Митрополиту Платону³⁾; 3) Ода Его Императорскому Величеству Государю Павлу Петровичу—1796 г; 4) Письмо къ Митрополиту Платону—1796 г. (проз.); 5) Русская Правда въ Царствованіе Императора Павла—1797 г.; 6) Ученый даръ юной дѣвицы; 7) Холмъ; 8) Совѣтъ юному сыну, при подареніи книжки; 9 и 10) Пѣсни на срѣтеніе Преосвященнаго Іоанна—Епископа Пермскаго и Екатеринбургскаго,— мужа—великими талантами и добродѣтелию исполненнаго; 11) Письмо къ издателю „Вѣстника Европы“—1803 г.—Правдолюбовъ (проз.)⁵⁾; 12) Чувствование веселящихся мирныхъ поселянъ—въ вотчинахъ Его Сіятельства гр. Александра Серг. Строганова⁶⁾; 13) Надписи: 1) къ трудящимся, 2) къ судьямъ и 3) къ отчаяннымъ; 14) Охотникъ и ружье; 15) Искренность къ супругѣ; 16) Письмо къ разлученному другу; 17) Прощаніе съ мызою Мурино; 18) Стихи на бурлеско⁷⁾—сѣвернаго неученаго мужика; 19) Письмо къ Россійскому Мecenату; 20) Гласъ несчастнаго къ шастливому другу—Ст. С. А. А. М.; 21) Жребій людей добрыхъ; 22) Посланіе къ новобранцамъ—Правдининъ—1815 г. Пермь (проз.); 23) Отвѣтъ ново-

1) Прозой написаны только два препроводительныхъ письма къ Митрополиту Платону, письмо къ издателю „Вѣстника Европы“, „Посланіе къ новобранцамъ—Правдинина“ и „Отвѣтъ новобранцевъ къ Правдинину“.

2) Митр. Платонъ (Левшинъ)—(1737—1812), сынъ причетника, знаменитый проповѣдникъ и духовный писатель; во время процесса Н. И. Новикова говорилъ, что желалъ бы побольше видѣть такихъ христіанъ, какъ онъ.

Въ примѣчаніи къ „пѣснѣ“ Варакинъ говоритъ: „Какъ сія пѣснь, такъ и слѣдующая за симъ ода, при двухъ письмахъ въ генварѣ мѣсяцѣ 1797 г., хотя и были отправлены отъ забвеннаго издателя къ Великому Архипастырю; но по причинѣ ли отдаленія мѣстъ, или по неблаговоленію небесъ не дошли онѣ до рукъ Архипастырскихъ, и потому всеподданнѣйшее усердіе сочинителево, упованіе и надежда—обратились ему въ горесть“.

3) Препроводительное письмо со стихотворнымъ отрывкомъ въ концѣ, гдѣ есть строки „Бушевали тучи рьяны—надъ Ураломъ здѣсь у насъ“...

4) Перепечатка стихотворенія: „Любезному сыну“, помѣщеннаго въ „Зрителѣ“ 1792 г.

5) Письмо заключаетъ просьбу напечатать нижеслѣдующее стихотвореніе: „Чувствование поселянъ“...; въ „Вѣстникѣ Европы“ за то время нѣтъ этого стихотворенія.

6) Ал-дръ Серг. Строгановъ (1733—1811), сенаторъ, президентъ Академіи Художествъ и директоръ Публичной Библиотеки.

7) „Бурлеско“—музыкальный терминъ; означаетъ: „странно, уродливо, комично“.

бранцевъ къ Правдину (проз.); 24) а) Къ орлу, б) Солдатское чувство и в) Козаки къ Бунапарту за Вислу; 25) Стрѣльна — прости! 26) Торжествующій Петроградъ въ день рожденія великой княжны Елисаветы Александровны — 3 ноября 1806 г. и 27) Побѣда Россовъ надъ Бунапартомъ при Вислѣ 12, 13 и 15 числа декабря 1806 г.“.

Изъ стихотвореній этого сборника наиболѣ примѣчательно: — „Русская Правда въ Царствованіе Императора Павла — 1797 г.“¹⁾, гдѣ авторъ, рисуя идиллическую картину жизни россиянь, опять-таки не можетъ удержаться отъ проскальзывающихъ нотокъ ненависти къ крѣпостникамъ:

„...Усмирѣли хлѣбоѣды,
Перестали насъ зорить:
И на пышные обѣды
Душъ по тысячѣ валитъ.

Не до зайцовъ, не до баловъ,
Не до карточной игры;
Гонятъ нашихъ обѣдаловъ
Подъ военные шатры“...

Ярко-автобіографическій характеръ имѣетъ стихотвореніе: „Гласъ несчастнаго къ шастливому другу“²⁾, гдѣ Варакинъ восклицаетъ:

„...Тебѣ мое страданье вѣстно,
Въ которомъ тридцать уже лѣтъ:
Крушусь, стоною повсемѣстно,
Ищу отрады, ее нѣтъ!
Гдѣ несъ труды, усердые въ жертву,

И тамъ я зрѣлъ надежду мертву,
Растерзанну, гониму зрѣлъ.
Тронися, нѣжный благодѣтель!
Будь счастья моего содѣтель,
Устрой, чтобъ лучши дни имѣлъ!“

Нѣсколькими же строками раньше — онъ замѣчаетъ:

„...Тотъ равенъ солнцу! кто несчастнымъ
Явить лучи своихъ добротъ;
Утѣшить взоромъ ихъ пріятнымъ,
И слезы горестны отретъ.

Тотъ равенъ солнцу животворну,
Простретъ кто руку благотворну
На помощь страждущимъ въ бѣдахъ!“

Очевидно, что стихотвореніе это — несомнѣнный отзвукъ крѣпостного состоянія автора.

Сборникъ Варакина вызвалъ стихотворное посланіе Анастасевича: „И. И. В.....у, сочинителю Пустынной Лиры (Напеч. въ СПБ. 1807)“³⁾. Въ посланіи этомъ Анастасевичъ говоритъ о томъ, что для природы всѣ равны и что, — если „друзья тшеты“ и кричатъ: „Мы-то созданья превосходны!“ то „пускай кричатъ лишь межъ собою; — пусть храмы ставятъ имъ рабы“.., — это будетъ только „здѣсь“, а „тамъ“ — „сажень земли ихъ прахъ вмѣщаетъ, — коль лягутъ по своимъ мѣстамъ“...

Указавъ далѣе на нѣкоторые мотивы „Пустынной Лиры“, — Анастасевичъ восклицаетъ:

„В.....нъ въ мысляхъ благородный!
Вотъ лучший въ свѣтѣ твой дипломъ...
...Ты не несчастенъ: духъ свободный!..
Въ ярмѣ не можетъ быть воломъ!..

...Твой гласъ пустынный, — гласъ природы,
Настроенный по шуму волнъ,
По свисту вѣтровъ — чадъ свободы, —
И сельской простоты онъ полнъ“...

¹⁾ Ibid., 77 — 79 стр.

²⁾ „Пустынная лира“, 24 — 31 стр.

³⁾ „Улей“ 1812 г. — III т., 70 — 73 стр. — Черновикъ стихотворенія находится среди автографовъ Анастасевича въ Публичной Библиотекѣ.

Въ концѣ же Анастасевичъ замѣчаетъ:

„...Что можетъ съ честью той сравняться,
Коль сельской лирѣ Царь внималъ;
Твой долженъ рокъ перемѣниться, —
Въ немъ часть Бардъ Россовъ принималъ“... 1)

Среди хранящихся въ Публичной библиотекѣ записокъ Варакина къ Анастасевичу (1812—1817 г. г.) имѣется и автобіографическая замѣтка его, посланная къ Анастасевичу при запискѣ отъ 2 февр. 1812 г. Написана она въ третьемъ лицѣ и гласитъ слѣдующее:

„Сей Варакинъ — 52 лѣтъ, 2) семейство его состоитъ въ одной женѣ и одной пятилѣтней дочери. Онъ провелъ жизнь свою при дѣлахъ многообразныхъ, — доставлялъ большіе соляные караваны по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ къ запаснымъ магазейнамъ въ городъ Нижній въ совершенной сохранности, занимался письмоводствомъ и юриспруденціею, былъ уполномоченъ отъ многихъ знатныхъ лицъ въ Правительствующій Сенатъ; одобряется въ знаніи законовъ и способностяхъ и въ добромъ поведеніи. Управлялъ вотчинами и заводами, желѣзными и соляными, имѣетъ Аттестатъ отъ Уѣзднаго Начальника, что при соляныхъ заводахъ, ему ввѣренныхъ, въ два года увеличилъ выварку соли до такой степени, до какой она и въ цѣлыя два столѣтія не достигала, изыскалъ способы умножать ее ежегодно, устроилъ нѣкоторыя заведенія, посредствомъ коихъ облегченъ народъ при тягостныхъ операціяхъ солосваренія, и во всемъ томъ свидѣтельствуется мѣстнымъ правительствомъ, духовенствомъ и практикою“.

„Между тѣмъ по природной склонности занималъ себя исторіею и сочиненіями, кои съ дозволенія цензуры и напечатаны“.

„О дарованіи ему свободы на остатокъ жизни многіе господа упрашивали его князей — Александра и Сергія Михайловичевъ Голицыныхъ, какъ-то: Державинъ, Уваровъ, покойной Тутолминъ, Губернаторъ Ланской, Новосильцевъ и прочіе, но господа его непреклонны, хотя уже семь лѣтъ онъ странствуетъ по плакатнымъ пашпортамъ; нѣкоторые изъ добродушныхъ давали за него выкупъ до 12000 рублей, только бы, доставя ему свободу, доставить и Государству полезнаго гражданина; господа его и на то не согласились“.

„А что всего важнѣе, отецъ сего Варакина, управлявшій болѣе 50 лѣтъ обширнымъ имѣніемъ г. Голицыныхъ въ Пермской губерніи, во время ужаснаго бунта Пугачева, когда весь край Сибири и Перми трепеталъ отъ лютой взбунтовавшихся татарскихъ ордъ, чинившихъ набѣги и разоренія русскимъ селеніямъ: онъ первѣе другихъ ободрялъ не только подвластной ему народъ, но и прочихъ владѣльцевъ, — къ единодушному ополченію и къ воспріятію оружія противу враговъ отечества, въ чемъ и успѣлъ совершенно; онъ мужественно и многократно сражался со злодѣями, вооружа своихъ подвластныхъ земледѣльцевъ, имѣлъ цѣлодневныя битвы и вездѣ одерживалъ побѣду; освободилъ изъ обла-

1) „Бардъ Россовъ“ — очевидно Державинъ, который, какъ увидимъ далѣе, принималъ участіе въ судьбѣ Варакина и могъ представить его книгу Государю.

2) Такъ какъ записка эта написана въ 1812 г., то, слѣдов., Варакинъ род. въ 1759, или 1760 г. г.; время смерти его неизвѣстно, но сохранившаяся переписка его съ Анастасевичемъ доходитъ до ноября 1817 г.

данія ихъ два села — Бѣляевское и Крыловское — и споспѣшествовалъ избавить отъ тогожъ городъ Осу, бывъ вездѣ самъ лично съ сельскимъ своимъ воинствомъ, — словомъ, онъ спасъ Пермскую область отъ разграбленія, и его подвиги, подобные подвигамъ Минина и Пожарскаго, могутъ быть доказаны дѣлами Государственныхъ Архивъ, особенно по Пермской и Казанской губерніямъ¹⁾. Сей старецъ живъ еще и по днесъ, имѣеть одного вышеупомянутаго сына, и оба томятся подъ игомъ рабства; такъ погибають у насъ въ безвѣстности полезные сыны отечества“!

„Въ прочемъ, родъ сихъ Варакиныхъ никогда не былъ кабальнымъ и крѣпостнымъ, — происходитъ изъ стариннаго города Колмогоръ, что въ Архангельской губ., изъ одного мѣста съ родомъ Ломоносова и тогожъ сословія. Гдѣ въ 1705 году и домъ ихъ еще существовалъ“.

„Переселясь отъ туда въ уѣздъ Соликамской, на соляные заводы Строгоновыхъ, около 1720 г. по способностямъ былъ приглашенъ въ классъ церковниковъ. А около 1750 г. малолѣтнія сироты сего рода подверглись присвоенію въ крѣпостные люди Строгоновыхъ и записаны въ ревизію. По приданству жъ за баронессой Анной Александровной, бывшей въ замужествѣ за княземъ Голицынымъ, подпали они во власть сихъ князей“

Что касается цитированныхъ стиховъ Варакина: „Другу людей В. С.“²⁾, то оказывается, что оно было весьма сильно передѣлано Анастасевичемъ³⁾, — сначала же носило названіе: „Стихи на случай изданія книги мудрымъ графомъ Стройновскимъ: О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“⁴⁾.

Книга эта — гр. Валеріана Стройновскаго — была напечатана въ Вильно (1808 г.) на польскомъ языкѣ и требовала освобожденія крестьянъ, — правда, безземельнаго. На слѣдующій годъ вышелъ переводъ ея на русскій языкъ, сдѣланный Анастасевичемъ⁵⁾. Переводъ этотъ сталъ доступенъ публикѣ въ 1811 г. и вызвалъ сильные непріязненные толки среди крѣпостниковъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія — гр. А. К. Разумовскій⁶⁾ приказалъ даже запретить эту книгу, но приближенные Государя отстояли ее, а попечитель московскаго учебнаго округа П. И. Голенищевъ-Кутузовъ⁷⁾, поспѣшившій исполнить приказаніе министра, полу-

¹⁾ Дѣянія отца Варакина подробно описаны въ „Письмѣ къ издателю (о Пугачевѣ)“ — въ „Ульѣ“ 1812 г. — III т., 218 — 244 стр.

²⁾ „Улей“ 1812 г. — III т., 276 — 279 стр.

³⁾ Черновикъ передѣлки находится въ бумагахъ Анастасевича въ Публичной библиотекѣ.

⁴⁾ Рукопись этого стихотворенія находится среди автографовъ Варакина въ Публичной Библиотекѣ.

⁵⁾ „О условіяхъ пом. съ крестьян.“ — Вал. Стройновскаго, съ польск. — въ Вильнѣ, въ тип. Юс. Завадскаго. 1809 г. VI + 266 стр. Переводъ снабженъ сочувственнымъ предисловіемъ Анастасевича и выписью изъ „Древней Россійской Вивліюфики“, о русскихъ крестьянахъ.

⁶⁾ Гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (1748 — 1822) — сынъ гетмана, государств. дѣятель и дипломатъ; министромъ Нар. Просв. былъ въ 1810 — 16 г. г.; раньше же (съ 1807 г.) былъ попечителемъ Моск. Унив.

⁷⁾ Пав. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ (1767 — 1829) — былъ попечителемъ Моск. Унив. въ 1810 — 17 г. г.; въ 1804 — 1806 г. г. — ближайшій сотрудникъ „Друга Просвѣщенія“, переводчикъ Грея, Пиндара, Сафо, Гесіода и др.; ярый шишковистъ и врагъ Карамзина: писалъ на него доносы.

чилъ выговоръ. Въ письмѣ по этому поводу къ гр. А. К. Разумовскому онъ утверждаетъ, что „книга эта набатъ, зловредная и терпима быть не могушая... И автора, и переводчика надо бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества“¹⁾).

Самъ В. Г. Анастасевичъ пишетъ въ своихъ неопубликованныхъ замѣткахъ²⁾ 4 сент. 1811 г.: „Былъ Ишимовъ, сказывалъ, что по городу слухи, якобы „Условія“ конфискованы и переводчикъ взятъ.—Нѣкоторые крѣпостники сочли даже нужнымъ написать опроверженія этой книги, оставшіяся, правда, ненапечатанными“³⁾).

Конечно, вслѣдствіе этого-то шума Анастасевичъ и передѣлалъ старательно стихи Варакина, выкинувъ вездѣ имя Стройновскаго. Привожу цѣликомъ первоначальный текстъ ихъ:

„Стихи на случай изданія книги мудрымъ графомъ Стройновскимъ: О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“.

„Къ тебѣ, другъ правды, безпримѣрный
Гласять признательны сердца:
Стройновскій! Свыше влохновенный
Любовью самого Творца;
Любовью къ племенамъ злосчастнымъ,
Которыхъ стономъ повсечаснымъ
Исполненъ весь пространный міръ;
Внемли—се чувства благодарны
За круги звѣздны, лучезарны
Несутся громче всякихъ лиръ.
Твое въ нихъ имя воспаряетъ
И съ мудрыми да станетъ въ рядъ!
Превзойдетъ многихъ, возсіяетъ,
Среди блаженства и отрадъ.
Изрекъ ты истинну неложну!
Гордыню обличилъ безбожну:
Какъ мудрый нѣкогда Солонъ;
Почувствуютъ ли спящи Крезы,
Что злато ихъ — народа слезы,
Кровавый потъ, болѣзнь, стонъ!

Что иго рабства ненавистно
Мрачить ихъ собственныя дни;
Что имъ алкали ненасытно
Нимвроды, Нероны одни.
Почувствуютъ ли тѣ уроки:
Сколь бѣдства были тамъ жестоки,
Гдѣ сильный бѣднаго тѣснилъ;
Въ гробахъ не ущѣлѣли кости,
Гдѣ скрыто было имя злости!
Всеобщій вихрь ихъ поглотилъ.
Но да не узреть, О Россія!
Ужасныхъ толь и грозныхъ дней;
Законы озарятъ благіе
Твоихъ возлюбленныхъ дѣтей.
Внимай — желанію Цареву!!!
Уже нѣтъ мѣста злобѣ, гнѣву,
Подъ сильнымъ скипетромъ Его!
Деспоты! — стали мудры музы

И рабства тягостные узы
Съ народа снемлютъ твоего. —

Какой восторгъ неизъяснимый
Тамъ движетъ души, мысли, умъ!
Гдѣ лучъ свободы уже зримый
Расторгнулъ прахъ унылыхъ думъ;
Какая радость тамъ сияетъ!
Се другъ подругу поздравляетъ
Съ премѣной щастливой, драгой!
„Не бойсь, речеть, скончались муки
Возлюбленна! и хищны руки
Не разлучать меня съ тобой“.
Отецъ семейства идетъ въ поле,
Природа въ кругъ его поетъ;
Одной своей онъ внемлетъ волѣ,
Одна она его ведетъ.
Созрѣлъ ли плодъ, иль еще спѣетъ,
Онъ предъ Творцомъ благоговѣетъ,
Что видитъ собственность труда;
Онъ съ поля въ домъ: тутъ сердца други
Стеклись у вратъ и стали въ круги,
Бѣгутъ и дѣти ихъ туда.

А тамъ чьи гласы раздаются,
Въ концѣ селенія всего?
Съ холма, гдѣ чисты воды льются
Изъ нѣдра мягкаго его
И корни дуба омывають,
На коемъ горлицы витають,
Гдѣ всѣхъ пріятностей соборъ!
Я вижу кругъ дѣвицъ прекрасныхъ,
Невинныхъ, милыхъ и согласныхъ,
Составившихъ прелестный хоръ.
Поютъ, — сердца объемлетъ сладость!
Поютъ свободу своихъ дней;
Играють, — взоръ тутъ видитъ радость
И торжество природы всей;
Среди восторговъ ихъ чистѣйшихъ

1) Семевскій: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, I т. — 300 стр.

2) Рукопись Публичной Библиотеки, — на переплетѣ 1796 г.

3) Разборъ главнѣйшихъ опроверженій данъ въ книгѣ Семевского: „Крестьянскій вопросъ“.

Несется имя Августѣйшихъ!
Несется — къ самымъ небесамъ:
„О, Александръ! Елисавета!
Державные монархи свѣта:
Вы дали жизнь и благо намъ“.

Но вотъ на игры ихъ пріятны
Стеклися братія, отцы,
Всѣ бодры, мужественны, статны
(Хотя подъ лавровы вѣнцы).
Стеклись — объемяются, взирають,
Златую вольность прославляютъ
И тѣхъ, кто ону даровалъ:
„Чего желать, друзья, намъ болѣ?
Сказали всѣ: мы въ сладкой долѣ!
Уже намъ Богъ ее послалъ.
Умремъ за честь и за свободу;
Одинъ надъ нами властенъ царь!
Велить — пройдемъ сквозь огонь и воду,

Изъ лавръ Ему сплетемъ алтары!
Смотри на насъ теперь вселенна!
Что можетъ мышца освобожденна!
Что могутъ русскіе штыки!
Какой народъ противу станетъ?
Мы всѣ пойдемъ и громъ нашъ грянетъ,
Разсыплемъ вражески полки!“

Ликуй, Стройновскій! плодъ твой спѣеть;
Монархъ къ тебѣ благоволить! ¹⁾
Народъ за правду благъ радѣеть
И имя всѣмъ твое твердить.
На небо гласы простираемъ:
Да узримъ вскорѣ и познаемъ
Всѣ славу, шастіе свое!
„О ты, Зиждитель царствъ всесильный!
Вонми нашъ стонъ къ тебѣ умильный
И дай намъ ново бытіе!“

1811-го года.

Стихотвореніе это было прислано Варакинымъ къ Анастасевичу 2 февр. 1812 г. вмѣстѣ съ автобіографической запиской и со слѣдующимъ письмомъ къ гр. Стройновскому ²⁾:

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь! удостойте принятіемъ приложенные у сего стихи, какъ жертву чистѣйшей благодарности, Вамъ принадлежащую отъ нѣсколькихъ милліоновъ народа, ободреннаго среди тяжкаго своего унынія книгою вашего изданія, — съ которою совокупно имя Вашего Сіятельства и имя почтеннаго переводчика въ сердцахъ потомства нашего пребудутъ увѣковѣчены! Простите при томъ, что забвенный и несчастный сочинитель сихъ стиховъ, будучи страдальцемъ подъ насильнымъ игомъ рабства, не могъ осмѣлиться ни предстать къ Вамъ лично, ни означить здѣсь и тамъ (т. е. подъ стихами) своего имени, — и всенижайше просить пощадить его рвеніе, ибо убитое напастями сердце можетъ оживить его и извлечь изъ юдоли плача. Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя преданнѣйшій В. Генварь 1812 г.“ ³⁾.

Въ Публичной Библіотекѣ хранятся также рукописи двухъ напечатанныхъ въ „Ульѣ“ стихотвореній Варакина: „Гласъ истины къ гордецамъ“ и „Несчастный во узахъ“; изъ нихъ видно, что и въ этихъ стихотвореніяхъ Анастасевичъ замѣнялъ по своему усмотрѣнію слова и выраженія: такъ, напр., въ первомъ изъ нихъ — вмѣсто напечатанныхъ словъ: „скиптры, короны — въ прахѣ гніють“, — въ рукописи стояло: „цари, короны — суть прахъ, гніють“... и т. п.

Записки Варакина къ Анастасевичу даютъ мало біографическаго матеріала; изъ нихъ можно только заключить, что Варакинъ былъ довольно состоятельный человѣкъ, выписывалъ газеты и журналы и, дѣй-

¹⁾ Очевидно, намекъ на отмѣну запрещенія гр. Разумовскаго.

²⁾ Письмо это было написано еще раньше, и Варакинъ хотѣлъ, очевидно, послать съ нимъ свои „Стихи“ непосредственно графу; хранится оно среди автографовъ Варакина въ Публичной Библіотекѣ.

³⁾ Переписка Варакина съ Анастасевичемъ началась также съ выраженія первымъ глубокой благодарности за переводъ и изданіе книги Стройновскаго: благодарность эта была высказана въ запискѣ отъ 14 янв. 1812 г.

ствительно, занимался юриспруденціей¹⁾; очевидно также, что онъ много хлопоталъ о своемъ освобожденіи, но оно такъ, кажется, и не состоялось. Въ одной изъ недатированныхъ записокъ, относящейся, вѣроятно, къ 1812 г., Варакинъ пишетъ Анастасевичу о своемъ намѣреніи подать прошеніе объ освобожденіи на имя Государя, указавъ въ немъ на подвиги своего отца: „въ удостовѣреніе, пишетъ онъ, стоитъ только вытребовать столпъ бумагъ изъ Перми — 1773 — 74 г.г., изъ бывшей Кунгурской провинціальной канцеляріи, о Пугачевскомъ бунтѣ... Надѣюсь, сама владѣтельница спасенныхъ вотчинъ и заводовъ, княгиня Варвара Александровна Шаховская, урожденная баронесса Строганова, пребывающая здѣсь²⁾, подтвердить это“...

Мысль эта очевидно не осуществилась, такъ какъ Варакинъ опять принимается хлопотать уже о своемъ выкупѣ, пуская въ ходъ разныя связи; результаты были прежніе и 29 мая 1812 г. онъ пишетъ Анастасевичу: „Гордый и несговорчивый князекъ уѣхалъ въ Москву полакомиться, не сдѣлавъ о моей участи никакой рѣшимости и по просьбѣ своей тетки“... Записки послѣдующаго времени не затрагиваютъ уже этой темы.

Таковы обрывки свѣдѣній о жизни поэта-крѣпостного, который въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка смѣло и рѣзко порицалъ крѣпостниковъ и любовно рисовалъ картины будущей свободной жизни крестьянъ.

Николай Замковъ.

¹⁾ Онъ постоянно обмѣнивался съ Анастасевичемъ газетами, журналами и книгами, — въ частности — печатными экземплярами законовъ.

²⁾ Въ Петербургѣ.

ЗАПИСКИ КН. И. М. ДОЛГОРУКОВА.

(Продолженіе).

Перемѣна Генераль-прокурора подѣйствовала и на Соляную контору, но не къ пользѣ моей отнюдь; по какимъ то причинамъ, которыя для меня остались столько же неизвѣстны, какъ и Египетскія гіероглифы, вдругъ безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ оставили нашего Директора Нелидова. Это такъ скоро случилось, что въ пятницу, прощаясь съ нимъ передъ Николинымъ днемъ въ Декабрѣ, и ни мало того не ожидая чтобъ случилась какая въ Конторѣ внезапная перемѣна, въ Понедѣльникъ уже мы съѣжжались въ нее подъ новымъ начальствомъ. Главнымъ Директоромъ на мѣсто Нелидова. опредѣленъ былъ Сенаторъ Мясоѣдовъ, и хотя я не имѣлъ причинъ любить Нелидова, однако по справедливости скажу, что онъ несравненно былъ разсудительнѣе, умнѣе, и къ дѣлу способнѣе, чѣмъ его наслѣдникъ. — Къ тому же онъ и часть Соляную зналъ какъ человѣкъ въ ней опытный, а тотъ никакого объ ней понятія не имѣлъ и ежели просилъ этаго мѣста, то конечно для того, единственно, чтобы получить даромъ ленты, подарки и жаловать въ маіоры по сту человѣкъ на день, чего въ Сенатѣ дѣлать ему обстоятельства не позволяли, да и случаевъ къ тому не было; и такъ засѣлъ Мясоѣдовъ съ нами, но я остался признателенъ къ достоинствамъ Нелидова и продолжалъ съ нимъ мое знакомство. Поступокъ его со мной происходилъ не столько отъ худыхъ свойствъ, не столько отъ желанія мнѣ вредить закоренившася въ сердцѣ ко злу наклонномъ, какъ рождался отъ случайной страсти въ немъ подѣйствовавшей: самолюбіе его разыгралось; онъ былъ въ самой нѣжной части своего характера раздраженъ и дѣйствовалъ по внушеніямъ обольщеннаго духа. Ежели сердится на людей за то, и сердится продолжительно, что они подстрекаемы будучи какой либо страстью, не такъ поступаютъ съ нами какъ бы здравый разсудокъ того требовалъ, въ такомъ случаѣ надобно досадовать и на пьянаго, который стекла бьетъ въ домѣ. Все равно; человѣкъ страстный въ первомъ движеніи уже безъ ума, отъ него должно уклонится буде можно; буде нельзя и сдѣлаешся его жертвой, конечно дашь мѣсто на ту минуту досадѣ, но послѣ снизойдешь и увидишь, что злобой за это платить не должно. Я простилъ нѣкогда Ступишину въ Пензѣ, простилъ и теперь

охотно Нелидову. Много разъ въ жизни моей я такимъ образомъ прощалъ и право это не рѣшило еще меня впредь отстать отъ такой, по мнѣнію моему хорошей привычки. Буде вѣрить слухамъ, то Нелидовъ къ отставкѣ своей подалъ самъ поводъ и наказанъ былъ за сокровенной помысль честолюбія своего. Онъ ѣздивши въ Петербургъ, подавалъ Генералъ прокурору Беклешову бумагу, въ которой требуя себѣ тѣхъ же преимуществъ, какія имѣлъ бывший прежней Главной Соляной Конторы Директоръ Сенаторъ Масловъ, изъяснилъ между прочимъ: что для усцѣпнѣйшаго ходу въ дѣлахъ, нужно, чтобы человѣкъ, носящій его званіе, имѣлъ титло Сенатора. Мысль его какъ видно была та, чтобы дали ему чинъ Тайнаго Совѣтника и посадили въ Сенатъ, но въ отсутствіе его, ибо онъ долженъ былъ не дождавшись успѣха ѣхать къ своему мѣсту, а тогда нельзя было просрочивать по шести мѣсяцевъ и болѣе какъ при Екатеринѣ; въ отсутствіе его, говорю, бумаги получили совсѣмъ другой оборотъ; мысли его найдены правильными, и во исполненіе оныхъ, добрыя люди сработали тамъ такъ, что на мѣсто его опредѣлили Сенатора Мясоѣдова. Дѣлать съ этимъ было нѣчего; надлежало покорится. Нелидовъ уступилъ креслы свои Мясоѣдову и сей началъ сперва подчивать насъ привѣтствіями. Около того же времени наряжены были по всей Россіи изъ Сената ревизоры для осмотра судилищъ частныхъ по мѣстамъ, и общихъ по всему Государству. Соляную Контору собирались осматривать Сенаторы Заборовской и кн. Вяземской. Первой изъ нихъ былъ Генералъ-Губернаторомъ въ Володимирѣ, а другой въ Пензѣ. О семъ послѣднемъ много говорено было мною въ свое время; и такъ мы оканчивали годъ въ большихъ хлопотахъ, приготовлялись къ отчету, не только передъ ревизорами, но и передъ собственнымъ своимъ новымъ начальникомъ.

Какъ объ немъ, такъ и о сей ревизіи положилъ я пространно говорить въ слѣдующемъ годѣ, дабы не прерывать связи въ моихъ произшествіяхъ, а теперь въ заключеніе года скажу только, что все это не мѣшало мнѣ дѣлать времени между друзьями моими и пользоваться ими столько, сколько смертному въ свѣтѣ позволено. Увидѣвши слово друзей здѣсь, кто нибудь можетъ быть подстережетъ меня, найдя невозможнымъ имѣть ихъ во множествѣ, тогда, какъ и одного говорить настоящаго сыскать трудно. Такъ конечно: буде мы вообразимъ друга, и захотимъ его съ римскими нравами, то и ни одного не сыщемъ, но я не гоняюсь за невозможнымъ, и ежели слѣпо вѣрять исторіи, которая передала намъ тьму примѣровъ такого дружества, для котораго одинъ за другого, люди часто въ огонь и въ воду на перерывъ кидались, по крайней мѣрѣ въ наши времена за такими дивами я не гоняюсь; а доволенъ и называю друзьями тѣхъ, кои безъ излишества въ чувствахъ, безъ чрезвычайности въ поступкахъ любятъ меня сколько по естеству возможно и желаютъ мнѣ добра; а въ етомъ родѣ друзей надобно имѣть много, по тому что всякой желаетъ другу своему счастья по своему свойству, и такъ, имѣя одного, никогда благополученъ не будешь. Онъ, будучи на примѣръ скупаго характера, пожелаетъ тебѣ быть богатымъ, тогда какъ ты вмѣсто богатства желаешь почести; а онъ, не будучи честолюбивъ, не понимаетъ твоей прихоти и желаетъ тебѣ противнаго. Напротивъ, когда друзей много и они всѣ какъ и естественно то заключать должно, различныхъ свойствъ и нравовъ, то всякой желая тебѣ того же, чего бы самъ хотѣлъ

соединяютъ во многихъ разныхъ своихъ желаніяхъ цѣлое твое блаженство, и въ немъ никакого нѣтъ недостатка. Смотри на общество и сожитіе людей между собой, я часто сравниваю ихъ съ библіотеками. Охотникъ до книгъ не можетъ одной быть доволенъ. Послѣ Попа, Кондильяка и Лагорпа, которой такую всѣмъ имъ даль розиѣнку, захочетъ онъ и Кребильоновы басни прочесть, заглянуть въ Флоріана, поумствовать съ Мерсье, поѣздить съ Лангсемъ, волочится съ Вольтеромъ, плакать съ Стерномъ и подурачится съ Скаррономъ, и такъ далѣе. Все это требуетъ многихъ книгъ. Общество, въ которомъ среди извѣстнаго числа людей нельзя найти для всякаго чувства пищи, для всякаго желанія предмета, есть недостаточно, точно такъ какъ сочиненіе, въ которомъ потерянь одинъ томъ. Душа ищетъ связи откровенной и честныхъ нравовъ, сердце трогательныхъ вздоховъ и слезъ умиленныхъ, текущихъ отъ горячей и восхитительной любви; разумъ хочетъ глубокомыслія и бѣгаетъ за ученостью; за людьми безстрастными, посѣдѣвшими въ испытаніяхъ. Какъ скоро нѣтъ всего того въ обществѣ, оно бѣдно и наводитъ скуку. Надобно, чтобы человѣкъ среди людей былъ доволенъ; надобно ему соединить въ нихъ всѣ оттѣнки разныхъ свойствъ его и чувствованій; иначе онъ будетъ все читать одну книгу. Она скоро ему надоѣстъ; другой онъ не сыщеть, и самое чтеніе ему такъ опротивитъ, что онъ въ кабинетъ свой никогда войти не захочетъ. Сравненіе сіе можетъ быть мной уже повторялося; естьли такъ, то виновать, но я пишу уже двадцать лѣтъ мою исторію и весьма не мудрено, естьли черезъ такое долгое время, я одно и то же повторилъ даже болѣе двухъ разъ. Во первыхъ я пишу для себя и для дѣтей моихъ, и пишу съ тѣмъ, что ежели мои записки увидятъ въ свѣтѣ, то въ немъ тогда меня не будетъ, а потому мнѣ и нужды не встрѣтится сѣтовать о томъ, такъ ли обо мнѣ думаютъ по моей исторіи какъ я желаю или иначе. Сверхъ того я совсѣмъ не писатель публичной; я мараю бумагу для своего занятія, для моихъ забавъ; Это наполняетъ мои досуги, сокращаетъ время, котораго такую значную часть долженъ бы я былъ безъ того отдавать праздности. Я писатель или марачка совсѣмъ не систематической; начала съ концемъ несвязываю, пишу погодно что со мной случилось; разсуждаю о дѣйствіи всякаго случившагося со мной происшествія на мой умъ и сердце; такъ, какъ то и другое настроены бывають. И такъ, не войду въ досаду ежели никто и читать меня не станетъ. Какъ кому угодно. Я себя ни за Тита Ливія, ни за Саллюстія не выдаю, слѣдовательно и критиковать меня мало находки; да я же еще разъ твержу, критики не услышу, не провѣдаю, потому что гробъ очень крѣпко затыкаетъ человѣческія уши. Худо только то, что я все сулю басни, а безпрестанно толкую чего у меня никто не просить. Я бы долженъ былъ разсказывать мое приключеніе, какъ сказку, какъ Газетчикъ Европейскія сшиваетъ новости одну за другою, и, кажется, даже твердо рѣшился такъ поступать въ началѣ года, но къ концу онаго измѣнилъ. Трудно я вижу преодолѣть природу. Со мной сбывается во всѣхъ смыслахъ французская пословица: *chassez la naturel, il revient au galop*. Театръ, женщины, все тому служить примѣромъ и доказательствомъ, и такъ, ежели человѣка передѣлать нельзя, ежели подлинно согласиться и по неволѣ должно въ томъ, что каковы мы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилкѣ, то да простятъ мнѣ мои расказни, и позволять продолжать также ихъ въ наступающемъ годѣ, въ загла-

ви котораго будетъ и у меня сіять Мясоѣдовъ, какъ ясной мѣсяцъ на небѣ, которой еще не успѣлъ въ полнотѣ своей озарить Соляную Контору, какъ уже она и ушербъ его примѣчать стала. Увы! не все то золото что свѣтится. Приготовляясь говорить объ немъ, нельзя не вспомнить славныхъ Державиныхъ стиховъ, которыми онъ столь достойно увѣнчалъ на всѣ грядущія вѣки память одного современника своего:

Осель пребудеть вѣкъ осломъ
Хотя осыпанъ онъ звѣздами,
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Вотъ и мои вамъ поминки всѣ Господа почетные дураки, а за тѣмъ прости годъ любезной, прекрасной въ моей жизни. И ты хотя имѣешь свои пятна, но кто безъ нихъ на свѣтѣ; по крайней мѣрѣ ты не замазанъ. Есть мѣста въ тебѣ, на которыя можно взглянуть съ пріятной улыбкой, съ благосклоннымъ чувствомъ удовольствія. Чего же больше? все несовершенно. 365 дней не могутъ быть одинаковы; гдѣ можно между ими отыскать по больше дней радостныхъ тотъ годъ хорошъ, милъ, счастливъ, словомъ тотъ годъ есть таковъ, каковъ былъ для меня истекшій, подъ сей послѣдней чертой моего пера, которое къ нему уже не возвратится.

1800.

Стань и ты послѣдній годъ осмнадцатаго столѣтія на судъ мой; возобновись въ памяти моей, дабы я обличилъ предъ потомствомъ моимъ твои благія и злыя приключенія. Многіе теперь сидя въ своихъ кабинетахъ также какъ я, передаютъ тебя временамъ грядущимъ, но съ большею пользою для рода человѣческаго, ибо многіе пишутъ для міра, а я только для моего семейства. Многіе я чаю, назначили тебя въ жизни своей черными буквами, иные намарали кровью, а я еще спасаюсь рукой Всевышняго отъ сильныхъ злоключеній, могу когда и свѣтлыя краски вмѣшать въ мой рисунокъ.

Я началъ годъ сей съ стороны домашнихъ обстоятельствъ въ такомъ же расположеніи, въ какомъ прошедшій кончилъ, но съ стороны службы, совсѣмъ въ новомъ нашелся состояніи. Г. Мясоѣдовъ обворожилъ насъ своей привѣтливостью, но обольщеніи наши скоро исчезли. Скоро увидѣли что онъ изъ тѣхъ людей, кои мягко стелятъ, а жоско спятъ. Вотъ что въ свѣтѣ бѣдственно, что мы должны опытомъ собственно своимъ на счетъ нашего спокойства и тишины узнавать характеры тѣхъ людей, съ коими жить осуждаемся. Для чего нельзя при каждомъ новомъ знакомствѣ узнать человѣка совершенно. Ахъ! для чего нѣтъ у людей слухового окошка, которое открывши, можно было бы проникнуть въ ихъ сердце и никогда не быть жертвой ихъ коварства! Мясоѣдовъ принявъ контору началъ тѣмъ, что далъ предложеніе пунктахъ на сорока, въ которомъ онъ порочилъ все то, что сдѣлано было его предѣстникомъ, дабы тѣмъ умножить славу свою и показать тонкую прозорливость. Выслушавъ ето произведеніе въ конторѣ и выпивъ такъ сказать весь ядъ подлаго шиканства, мы въ конторѣ не разсудили оговаривать неосновательность многихъ его заключеній, потому что они относились большею частію къ правамъ и собственнымъ обязанностямъ Директор-

скаго мѣста, котораго защитить контора и не должна была, а только бы противъ себя самой раздражила своего начальника. Благоразуміе требовало отъ насъ, чтобы мы приняли его поученіе съ кротостью, однако я не меньше при выслушаніи предложенія, осмѣлился Г. Мясоѣдова спросить: на какой конецъ онъ его даетъ? съ тѣмъ ли только, чтобъ показанныя погрѣшности были исправлены въ самой конторѣ безъ огласки ихъ, или онъ намѣренъ сдѣлать ихъ извѣстными далѣе? но онъ мнѣ отвѣчалъ, давъ залогомъ въ томъ Бога и честь свою; обыкновенныя сокровища тѣхъ, кои внутренно ни перьваго не чтутъ, ни послѣдняго не имѣютъ, что бумага имъ подписанная останется въ конторѣ. Успокоясь въ семъ удостовѣреніи клятвенно произнесенномъ въ цѣломъ присутствіи, мы оставались покойны и приписывали сочиненіе Г. Мясоѣдова общей Русской пословицѣ: Всякій молодець на свой образецъ. Многіе почитаютъ за какую то славу войдя въ новое званіе, порочить все то, что предмѣстниками ихъ было сдѣлано; однако Мясоѣдовъ не долго насъ выдержалъ въ такомъ пріятномъ заблужденіи на свой счетъ. Скоро узнали въ Москвѣ всѣ мнимыя нами безпорядки, потому что онъ самъ видно почитая предложеніе свое сочиненіемъ превосходнымъ, давалъ съ него копію товарищамъ своимъ въ Сенатъ и хвасталъ имъ въ своихъ обществахъ. Г. Г. Сенаторы Заборовскій и кн. Вяземской знали его отъ слова до слова, и когда они приходили ревизовать контору, то руководствовались его замѣчаніями, слѣдовательно при семъ осмотрѣ контора одна должна была пострадать за вины бывшаго своего Начальника, ежели и подлинно они были; Сенаторы однако пройдя весь нашъ канцелярскій обрядъ табели и вѣдомости, и не понявъ ничего въ нашей бухгалтеріи, которую признаться часто и мы не понимали, оставили насъ благонадежными въ томъ, что нѣтъ ничего къ погибели насъ ведущаго и что они осуждать насъ не могутъ. Но сіи изустныя только выраженія, ничѣмъ на письмѣ не подкрѣпленныя не давали мѣста совершенному спокойствію; оно скоро было совсѣмъ встрѣвожено, когда вдругъ получили мы въ контору Указъ Сенатской, въ которомъ всѣ пункты Мясоѣдова бывъ прописаны, требовался съ конторы отвѣтъ. Тутъ мы увидѣли въ полномъ ея сіяніи благородную душу Г. Мясоѣдова, который никакими новыми опытами не старался направить мыслей нашихъ въ лучшую о себѣ сторону. Получа такой Указъ, я напомнилъ ему о Богѣ и о чести, но онъ самымъ лицемѣрнымъ образомъ увѣрялъ меня, что писалъ о семъ партикулярно только въ свою очистку къ Генералъ прокурору; отнюдь не съ тѣмъ, чтобы заводить изъ того слѣдствіи, напротивъ, будто бы даже онъ просилъ его, ету бумагу сохранить для его только вѣденія. Странная выдумка! Какъ будто Г. Мясоѣдовъ не зналъ, что предложеніе на сорока пунктахъ посланное къ Генералъ прокурору не можетъ быть партикулярнымъ отношеніемъ, и что кромѣ дѣловой переписки, никто я думаю не занимается между пріятельскими и знакомыми письмами, чтеніемъ коллежскихъ бумагъ и предложеній. Какъ будто съ другой стороны слово очистка, которую Мясоѣдовъ въ извиненіе себя передъ нами помѣщалъ, не значило что онъ намѣренъ былъ дать настоящей судебной ходъ своей бумагѣ, ибо принимая ее партикулярнымъ только письмомъ, въ какую очистку могла она ему обратиться? И такъ неудачный отзывъ его сдѣлался вѣвѣской его свойства и опредѣлил между имъ и конторой съ самага начала управленія его, обшій и

постоянный раздоръ. Въ такомъ положеніи себя видя, онъ почелъ не обходимою оградить себя людьми ему подобными, или по крайней мѣрѣ имѣть на сторонѣ своей хоть одного преданнаго себѣ человѣка, и сдѣлавъ себѣ планъ мысленной, никому о томъ не объявляя, отпросился въ Питеръ, для сношенія съ правительствомъ по новой части ему ввѣренной, и скоро поѣхалъ, оставя мнѣ по формѣ какъ старшему члену надзоръ надъ всѣми текущими дѣлами, о которыхъ обязаны были мы посылать ему каждую недѣлю меморію.

Отправя его на сѣверъ, ловить рыбу въ лужѣ, скажу здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ въ чемъ состояла вся его служба. Онъ происходилъ чинами какъ и всѣ дворяне, сперва по гвардіи, изъ которой получилъ при отставкѣ къ статскимъ дѣламъ по обряду тогдашняго времени чинъ бригадира; потомъ попавши въ Вицъ Губернаторы въ Калугу, гдѣ Генераль Губернаторомъ былъ Кречетниковъ подбилъ къ нему въ милость, навѣщалъ вседневно его переднею, а у Вельможъ его большія заслуги, и наконецъ выучась у него ходатайствовать о чинахъ для всѣхъ подчиненныхъ своихъ безъ разбора, и тѣмъ основывать вѣсь свой въ людяхъ и собирать вокругъ себя толпу тварей безъ ума, нравственности и достоинствъ, переходилъ отъ должности къ другой постепенно. Сперва въ Вицъ губернаторы въ Москву, потомъ въ оберъ-прокуроры въ Сенатъ; наконецъ пожалованъ былъ въ Сенаторы и получилъ анненскую ленту при Владимірской на шеѣ. Вотъ о его службѣ; о характерѣ довольно сказано изъясненіемъ его прекраснаго поступка съ нами; впрочемъ, время и совокупныя труды около общаго дѣла показали намъ ясно и въ недолгое время, что онъ человѣкъ неспособной къ службѣ; безъ дальновидности въ средствахъ, безъ соображеній, безъ всякихъ основательныхъ правилъ; весь блескъ свой и мнимыя достоинства получающій отъ случайныхъ господъ, у коихъ онъ имѣлъ особливой навѣкъ и искусство содержать себя въ милости. Вотъ все, что его поддерживало у Двора и въ службѣ; а безъ протекціи онъ бы весь свой вѣкъ былъ пустой человѣкъ. Тщетно бы мы надѣяты стали на отношеніи г.г. Сенаторовъ ревизовавшихъ контору; они не сильны были ничего въ нашу пользу сдѣлать; Мясоѣдовъ имѣлъ предъ ними большой перевѣсъ, и конечно, дабы не войтить съ замѣчаніями его въ гласное противорѣчіе, они ежели и похвалили насъ, то вѣрно съ легка, впрочемъ всѣ ихъ представленіи остались суетны, — исчезли какъ дымъ. Приводя себѣ на мысль его время службы моей въ конторѣ, не могу безъ смѣха вспомнить чудесной ихъ ревизіи. Конечно, Небо, чтобы нѣсколько разсмѣшить насъ посреди тѣхъ драматическихъ явленій, кои приготавливалъ намъ Мясоѣдовъ, хотѣло намъ доставить такую коммическую сцену. Г. Заборовской, такой смирной отъ природы человѣкъ, что онъ бы могъ кажется донести дюжину стакановъ стеклянныхъ отъ Питера до Астрахани пѣшкомъ не только ни одного не разбивши, но даже и не пошевели ихъ на подносѣ; а кн. Вяземской такой пламенной и быстрой напротивъ, что въ его рукахъ и чашка воды не удержалась бы на двухъ шагахъ, безъ того, чтобы до дна не пролится. Оба, каждой въ своемъ родѣ дѣлали мнѣ и Поляркову свои вопросы: одинъ съ большою разстановкою, такъ что между двумя вопросами можно было бы допросить всѣхъ Московскихъ колодниковъ; — другой по десяти на одной минутѣ, и ни тотъ ни другой ничего явственно въ отвѣтахъ нашихъ не понимая, довольствовались за-

путанными табелями, которыхъ ни тотъ кто ихъ сочинялъ, ни крѣпилъ, ни подписывалъ, никто ничего не понимали. Они были нарочно такъ составлены, чтобы неудобность въ изъясненіи, отнимала способы рассуждать о ихъ содержаніи обстоятельно. Во первыхъ они написаны были на превеликихъ листахъ кортонной бумаги, какой больше въ продажѣ не бываетъ. Раздѣленіи статей Соляныхъ на нѣсколько сотъ графъ, и мѣлкая пропись въ нихъ миллионныхъ цифровъ, все это такую представляло картину, отъ которой не только два Сенатора, подобныя тѣмъ, коихъ я имѣлъ честь описать, но право думаю весь сенатъ бы разбѣжался; а сочинялъ такія славныя документы г. Поярковъ, который держался старинныхъ правилъ, и думалъ что чѣмъ болѣе дробей въ разсчетахъ, тѣмъ они для несмысленныхъ замысловатѣе должны казаться. Коротинкой счетъ и ясной никого не удивить, а для сенаторовъ какъ меньше нашего можно было заготовить? Я тогда очень много внутренно смѣялся и радовался заранѣе пользамъ, которыя правительство отъ подобныхъ ревизій ожидать можетъ. Но обратимся къ сѣверу, тамъ со всѣмъ не до смѣха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННЫЯ АНТРЕПРИЗЫ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Екатерининская эпоха едва ли не самая интересная и значительная въ русской жизни. Этимъ и объясняется то огромное вниманіе, которое удѣляли и удѣляютъ ей историки и бытописатели.

Однако, несмотря на вызываемый интересъ и на сравнительное обиліе документальныхъ данныхъ, вслѣдствіе развитія канцелярскаго строя эпохи, исторія Екатерининскаго времени еще не написана. Не написана еще и исторія театра этой эпохи.

Дѣятельность Императорскихъ театровъ освѣщена сравнительно подробно начиная съ 1783 года, когда былъ учрежденъ Комитетъ для управленія зрѣлищами и музыкой, но о предшествующемъ двадцатилѣтїи мы не знаемъ почти ничего; трудами Лонгинова освѣщены послѣдніе годы жизни Сумарокова и исторія московскаго театра при Титовѣ, Бельмонти и Чинти; довольно много мы знаемъ о театрѣ при Воспитательномъ домѣ и о роли Медокса и Книпера въ исторїи русской сцены, но уже дѣятельность этихъ же лицъ до ихъ сближенія съ Воспитательнымъ домомъ покрыта неизвѣстностью. Что же касается ряда частныхъ антрепризъ, особенно иностранныхъ, о нихъ историки до сихъ поръ умалчивали. Это объясняется, главнымъ образомъ, пренебреженіемъ къ такому богатому источнику, какъ С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости.

Между тѣмъ оказывается, что упрочивавшееся сближеніе Россїи съ Западомъ влекло за собой не только учрежденіе иностранныхъ придвор-

ныхъ театровъ, но и развитіе частой инициативы. Екатерининское время считается временемъ расцвѣта русскаго театра; оказывается, оно было порою расцвѣта театра въ Россіи вообще. Вереница иностранныхъ частныхъ труппъ, цѣлый рядъ проектовъ организациі русскихъ и иностранныхъ театровъ проходятъ передъ взоромъ историка. И знаменательно то, что неудачи первыхъ опытовъ не умудряли и не слерживали послѣдователей. Иностранныя предпріятія разбивались о неподготовленность русской публики, о чуждость ей иноземныхъ вкусовъ, о малочисленность иностранцевъ въ Россіи и тѣмъ не менѣе эпидемически, стихійно смѣняли одно другое, сосуществуя подчасъ въ огромномъ количествѣ,—особенно если принять во вниманіе казенные театры, концерты, цирковыя зрѣлища и т. д.

1. Нѣмецкій театръ.

Первымъ, по времени, при Екатеринѣ Великой частнымъ иностраннымъ театромъ былъ нѣмецкій.

Еще въ самомъ концѣ царствованія Елисаветы Петровны въ труппу Гильфердинга — Сколари въ Ригѣ поступилъ актеръ Іоганнъ Фридрихъ Нейгофъ. Въ 1761 году онъ сталъ компаніономъ ихъ (*Rigaer Tageblatt*, № 53 и слѣд.; *Moritz Rudolf, Lexicon*) и, наконецъ, 22 марта 1762 года онъ вмѣстѣ со своей женой Іоганной Элеонорой получилъ привилегію на содержаніе „вольной комедіи своимъ коштомъ“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и Ревелѣ. (Полн. Собр. Законовъ. XV, 11483). Дѣятельность его, повидимому, относится цѣликомъ къ прибалтійскому краю, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы говорить о его спектакляхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Нейгофъ умеръ въ 1764 г.

Преемникомъ его былъ также одинъ изъ актеровъ труппы Сколари, нѣкто Іоганнъ (или Іоакимъ) Фридрихъ Менде, разорившійся и ликвидировавшій свои дѣла въ Петербургѣ въ 1773 г., гдѣ и умеръ въ 1775 или въ самомъ началѣ 1776 г. (СПБ. Вѣдомости, 1773, №№ 56, 57, 58, 59; 1776, № 8).

Послѣ этого въ Петербургѣ не было нѣмецкой труппы вплоть до вторника 26 декабря 1777 г. когда въ театрѣ на Царицыномъ лугу, что возлѣ бывшаго Театральнаго, нынѣ Конюшеннаго, моста открылись спектакли „петербургскаго нѣмецкой націи купца и заводчика“ Карла Книпера. (См. нашу работу „Исторія театр. образованія“, гл. VI). Имя его, какъ антрепренера русскаго театра, составленнаго изъ питомцевъ Воспитательнаго дома, извѣстно очень хорошо; но дѣятельность его, какъ нѣмецкаго антрепренера, до сихъ поръ оставалась въ тѣни. Между тѣмъ, если въ роли содержателя русскаго театра онъ стяжалъ скандальную

репутацію, то именно, въ качествѣ нѣмецкаго антрепренера, онъ считался человѣкомъ, „имѣющимъ знаніе и охоту и по привязанности своей къ тому умѣющимъ изъ малаго представить видное съ наблюдаемою пристойностью сего заведенія“. Это-то и толкнуло Бецкаго отдать ему питомцевъ Воспитательнаго дома.

Составъ Книперовской труппы извѣстенъ довольно подробно. Въ него входили: Аккерманъ, вѣроятно, сынъ того, который былъ въ труппѣ Гильфердинга; изъ извѣстныхъ его ролей мы можемъ назвать роль Дезертира въ оперѣ того же названія; повидимому въ этой роли онъ дебютировалъ въ Петербургѣ 20 января 1781 г. Актеръ и авторъ Карлъ Фіала, былъ повидимому, премьеромъ труппы; изъ его піесъ особенно часто шли: трагедія „Лаура“, драма „So geht es in der Welt — Таково-то въ свѣтѣ“ и др.; послѣ перехода нѣмецкаго театра въ казну, онъ былъ назначенъ инспекторомъ нѣмецкой труппы; умеръ 4 апрѣля 1794 г.; послѣ него остались вдова Софія Ивановна и двѣ дочери, Софія и Каролина, воспитанницы Театральнаго училища (Арх. Дир. Имп. театровъ. III, 63.) Извѣстный композиторъ, пѣвецъ и актеръ Феликсъ Сартори, имѣвшій огромный успѣхъ въ роляхъ того же Дезертира и Роберта въ піесѣ „Robert und Calliste“, часто украшалъ спектакли своими концертами; дебютировалъ онъ у Книпера въ комич. оперѣ „Das Gute Mädchen“ 24 сентября 1778 г. На первыхъ роляхъ были также супруги Теллеръ; въ одномъ изъ спектаклей они играли въ піесѣ „Robert und Calliste“, заглавныя роли. Извѣстны были также актеръ Барзанти, актрисы Гевельке, Линднеръ, Христъ и др. Кромѣ того, среди отъѣзжающихъ въ періодъ Книперовской антрепризы мы находимъ имена слѣдующихъ нѣмецкихъ вольныхъ комедіантовъ: Іоганна Христофа Мейрера, Георга Алена, Іоганна Шределя, Ф. Кронштейна, Христіана Клаузеніуса и Осипа Христа. (СПБ. Вѣдомости 1780—1784 гг.) Вѣроятно, это были также Книперовскіе актеры.

Что касается репертуара Книпера, то онъ извѣстенъ полностью. Всѣ роды театральныхъ представленій нашли себѣ здѣсь мѣсто: трагедіи, драмы, комедіи, комическіе оперы, балеты и концерты. Репертуаръ этотъ, конечно, ничѣмъ не отличался отъ репертуаровъ всѣхъ нѣмецкихъ труппъ того времени и въ общемъ мало интересенъ. Въ числѣ піесъ мы находимъ рядъ комедій Мольера — какъ напримѣръ „Тартюфъ“, „Школа женъ“ и др., „Эмилию Галотти“ Лессинга, подражаніе французскимъ авторамъ — Сенъ-Фуа и др., сочиненія Гиллерта, Гольберга и многихъ другихъ, какъ напримѣръ Гросмана, Вейсе, Раутенштаута, Готтера, Фіалы и др. Характерно, что нѣтъ ни одной піесы Шекспира. Многія піесы, особенно комическія оперы, шли позднѣе на русской сценѣ; напримѣръ: „Тунисскій Паша“, „Земира и Азоръ“, „Солдатское счастье“ и др.

Съ января 1780 г. нѣмецкія представленія стали чередоваться съ русскими; великимъ постомъ 1781 г., благодаря начавшемуся ремонту театра, спектакли были перенесены на театръ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, гдѣ и начались 5 апрѣля (СПБ. Вѣд., № 27); вновь отремонтированный театръ былъ открытъ 10 октября 1781 г. и съ этого момента количество недѣльныхъ спектаклей было увеличено до четырехъ. „Такое количество этихъ представленій причиняетъ имъ обоюдный вредъ“, писалъ современникъ. И въ результатѣ „нѣмецкій театръ, не имѣвшій возможности покрывать необходимыя издержки по причинѣ незначитель-

ности сбора, долженъ былъ бы прекратить свои представленія, если бы не великодушное участіе Ея Величества, которая удостоила принять его подъ свое покровительство. Въ силу этого она назначила генерала Баура директоромъ этого театра съ приказаніемъ пополнять деньгами изъ ея собственной шкатулки тѣ убытки, которые могутъ произойти отъ недостаточности сбора“. (Рус. Стар. 1878, XXII, 41—42).

1 января 1783 у Книпера были отняты и русскіе спектакли, послѣ чего, въ концѣ столѣтія, бывший антрепренеръ поступилъ бухгалтеромъ въ Государственный Земельный банкъ.

Столица очень долгое время жила безъ вольнаго нѣмецкаго театра благодаря тому, что публика имѣла доступъ на казенные спектакли. Только при Павлѣ Петровичѣ вновь появилась частная труппа нѣкоего Рундталера. Въ силу Высочайшаго указа, въ январѣ 1798 г. ей былъ предоставленъ театръ въ зданіи Академіи Художествъ. (Арх. Ак. Худ. 1798, № 5). Труппа эта функционировала недолго, и 20 февраля 1799 года уже открылись спектакли частной труппы Юсифа Мире, въ которую Рундталеръ съ семьей входили только актерами. Дѣятельность этой послѣдней труппы наша свое отраженіе въ заботливо изданной Мире брошюрѣ „Verzeichniss der hier in St. P. auf dem mit allerhöchster Erlaubniss eröffneten deutschen Theater von 20 Februar 1799 bis inclusione den 11 Decem-ber gegebenen Vorstellungen. St. P.“ (Имп. Пуб. Библ. 13. IX. 2. 924).

Имя Мире впервые встрѣчается намъ въ 1793 г., когда въ Петербургѣ, въ Нарышкинскомъ домѣ на Мойкѣ во время воксаловъ давалось пантомимное представленіе „Путешествіе капитана Кука въ неизвѣстные острова и празднество тамошнихъ Индіанцовъ или Куково прибытіе въ островъ Овайсъ“, сочиненія Мире (СПБ. Вѣд. 1793 №№ 46, 51, 53); онъ именуется „Императорскимъ австрійскимъ капитаномъ и фехтмейстеромъ отъ Кавалеріи ла Мире“.

Давъ рядъ спектаклей въ Петроградѣ, Мире переѣхалъ въ Москву, гдѣ игралъ ту же пантомиму, начиная съ 28 октября. „Что сей спектакль пріятенъ и занимателенъ“, опубликовалъ Мире, „сіе доказываетъ похвала, съ каковою оный принятъ былъ какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ Европы. Дѣйствіе, сраженія, группы, пирамиды изъ людей, вышиною до самаго потолка театра простирающіяся, пріятная музыка, танцы дикихъ, національная одежда и большія отличной работы декорации представляются въ ономъ попеременно и занимаютъ безпрестанно чувство зрѣнія; наибольшее же вниманіе заслуживаетъ извѣстная свѣту исторія, несчастный капитанъ Кукъ въ первомъ дѣйствіи, бурное морское путешествіе, послѣдовавшее отъ непогоды кораблекрушеніе, неудачный его пріемъ дикими, и наконецъ умершвленіе его, случившееся послѣ жесточайшей ссоры и бою съ жителями, все сіе представляется весьма натурально; но какъ Г. Ла Мире не пощадилъ ни издержекъ ни труда, чтобы спектакль сей представленъ былъ съ наивозможнѣйшимъ блескомъ, то и ласкаетъ онъ себя пріятною надеждою что Почтенная Московская публика не оставитъ совсѣмъ безъ награжденія великія его издержки и употребленные имъ на то неуспынные труды“. (Моск. Вѣд. 1793, № 86). Такъ какъ, судя по тексту другихъ объявленій, Мире, участвовалъ въ спектакляхъ и въ качествѣ актера, можно думать, что онъ и Юсифъ Мире, содержавшій затѣмъ нѣмецкую труппу — одно лицо.

На основаніи этой брошюры мы узнаемъ, что въ труппу Іосифа Мире входили слѣдующіе актеры: Баркъ съ женой, Эвестъ съ женой, Гюнтеръ, Гейнце, Кизевальтеръ съ женой, Линденштейнъ, Линднеръ, Мюллеръ съ женой, Миліусъ, Нейгаусъ съ женой, Рунге, Соломонъ, Штребе и актрисы: М-ле Дребингъ и М-ме Зауервейдъ, вѣроятно, родственница издателя *Russische Theatralien*; суфлеръ Лейхте, парикмахеръ Гилле, театермейстеръ, очевидно, режиссеръ—Хагеманъ и гардеробмейстеръ Пульсъ. Въ числѣ выбывшихъ членовъ труппы мы находимъ: актеровъ Филиппи, Рундталера съ семьей и чету Шредеръ; въ числѣ вновь приглашенныхъ, но еще не прибывшихъ: Вельрауха съ женой и г-жу Бекъ изъ Веймара, Каффку съ женой и Гюбша изъ Дессау, Вилланда съ женой изъ Кенигсберга и Менде съ женой изъ Риги (сына бывшего антрепренера).

Представленія были открыты 20 февраля 1799 г. прологомъ Рейнбека, исполненнымъ актрисой Мюллеръ и закрылись 11 декабря того-же года. За все время было дано 130 представлений и 150 піесъ; въ томъ числѣ 94 новыхъ и 56 повтореній. Среди авторовъ преобладали: Иффландъ, Коцебу, Шредеръ, Брезнеръ, Юнгеръ и др.

Труппа играла въ домѣ Кушелева на Невскомъ, гдѣ нынѣ помѣщается Главный Штабъ.

По какимъ причинамъ—мы не знаемъ, но 29 августа 1800 года, по Высочайшему указу, Мире и его труппа были приняты въ Дирекцію Императорскихъ театровъ и во главѣ труппы сталъ вновь назначенный директоръ нѣмецкаго театра Августъ фонъ Коцебу. (Арх. Дир. Имп. Театр. II. 633). Условія передачи труппы въ казну были слѣдующія. Дирекція принимала на себя обязательства по контрактамъ съ актерами и всѣмъ театральнымъ персоналомъ, оставляла за собой наемъ Кушелевскаго театра и покупала у Мире весь театральный инвентарь: декорации, гардеробъ, библиотеку, бутафорію, музыкальные инструменты и т. д. За все это Мире получилъ отъ Дирекціи 41.500 руб., принявъ на себя при этомъ обязательства расплатиться самостоятельно съ кредиторами (Тамъ же, II, 629).

2. Французскій театръ.

Нѣмецкій частный театръ существовалъ у насъ почти непрерывно всю вторую половину XVIII вѣка. Иначе было съ французскимъ. Дворъ, какъ мы знаемъ, имъ очень дорожилъ; Дмитревскій дважды командировался за границу для набора французскихъ актеровъ. Что-же касается столичнаго населенія, то несомнѣнно нѣмцевъ было въ Россіи гораздо больше чѣмъ французовъ и посѣтителями спектаклей было преимуще-

ственно русское высшее общество, продолжавшее благоговѣть передъ всѣмъ французскимъ. Но галломанія была чужда народной массѣ. Вотъ почему вольный французскій театръ не могъ существовать у насъ на ряду съ казеннымъ и съ вольнымъ нѣмецкимъ.

Печальные факты подтверждаютъ эти соображенія.

Въ 1770 году факторъ французской націи петербургскій купецъ Иванъ Александровъ сынъ Поше подалъ прошеніе „о учрежденіи ему въ Санктъ-Петербургѣ для народнаго удовольствія публичнаго театра“. Въ отвѣтъ на это 25 іюня того же года ему была дана соотвѣтствующая привилегія.

Она заключалась въ слѣдующемъ. „1. Дозволяется ему Поше завести въ Санктпетербургѣ для удовольствія жителей вольное публичное на Театрѣ зрѣлище. 2. — Для произведенія оныхъ зрѣлищъ, домъ слѣлать и Театръ учредить, считая съ полученія сей привилегіи въ полтора года, въ 1-й Адмиралтейской части на купленномъ имъ мѣстѣ бывшаго пильныхъ мельницъ содержателя Брумбера, къ которому позволяется ему придѣлать два деревянные на первый случай флигеля, такъ какъ на планѣ назначено; а послѣ въ силу его обязательства, построить оныя Флигели каменные въ четыре срока дабы при томъ Театрѣ уже въ 8 лѣтъ никакого деревяннаго строенія не было, и съ вышеписаннаго числа начать дѣйствія ему дозволенные. А если и прежде онаго срока Театръ и прочее готовое будетъ, то вольно ему и прежде полутора года отъ отдачи сей привилегіи, дѣйствія начать, и на томъ Театрѣ давать ему всякую недѣлю три зрѣлища или больше, во всѣ дни, кромѣ Великихъ постовъ, да и на канунѣ праздничныхъ дней оныхъ зрѣлищъ отнюдь не производить; и учредить ему тотъ Театръ такъ, чтобъ во всякое время представленіе зрѣлища на ономъ было изъ Италіанскихъ, Французскихъ, Опера-комикъ и балетовъ. А если когда онъ Поше за способно разсудитъ, представлять и Французскія Трагедіи и Комедіи, то и въ томъ ему позволяется же“. Великимъ постомъ ему разрѣшалось устройство концертовъ, на святкахъ — маскараровъ. „Для того вновь заводимаго Театра, Е.И.В. жалуетъ ему Поше деревянное строеніе близъ Лѣтнаго дворца, въ которомъ прежде былъ театръ (онъ находился по діагонали нѣмецкаго театра; см. нашу работу „Театр. зданія въ СПб.“, стр. 16-18), которое строеніе разломать, и въ свою пользу употребить имѣетъ онъ Поше по своему благоизобрѣтенію; на все-жъ построеніе дому и на заведеніе Театра и прочаго, что къ тому принадлежать будетъ капиталъ долженъ онъ употребить свой“.

Срокъ привилегіи опредѣлялся въ 20 лѣтъ, при чемъ „другимъ никому таковыхъ вольныхъ на Французскомъ и Италіанскомъ языкахъ зрѣлищъ за деньги, маскараровъ и концертовъ уже производить“ не разрѣшалось (Полн. Собр. Законовъ, XIX, 13477).

Указъ объ отдахѣ Поше театра на Царицыномъ лугу былъ повторенъ еще разъ 2 мая 1771 г., однако вплоть до своей смерти, послѣдовавшей не позже 28 апрѣля 1773 г., Поше театра не принималъ и когда послѣ его смерти обратились за выясненіемъ вопроса къ его вдовѣ, то она сперва хотѣла посоветоваться со своими знакомыми, но такъ въ концѣ концовъ отвѣта и не дала.

Преемникомъ Ивана Поше былъ Александръ Поше „ле-женъ“, очевидно, его сынъ. По свидѣтельству современника, спектакли труппы Поше

давались сначала во французскомъ трактирѣ нѣкоего Готье. Однако, Готье брать съ Поше и съ актеровъ, жившихъ и столовавшихся у него, очень дорого, и вскорѣ спектакли перешли на Конюшенную улицу въ пансіонъ, содержательницей котораго была полька, жившая раньше въ Парижѣ (Ежегодн. Импер. театр. 1905—6, прил., стр. 164).

Въ 1781 г. спектакли Поше давались у Краснаго моста въ домѣ № 70, если только объявленіе о представленіи 15 апрѣля маленькими французскими актерами комедіи „Севильскій брадобрей“ относится къ труппѣ Поше (СПБ. Вѣд., № 30).

Дѣла у французовъ шли скверно. „Театръ Поше, писалъ современникъ, на которомъ даются маленькія французскія комедіи, публикою совершенно покинутъ, а самъ Поше, за неуплату хозяину денегъ, посаженъ магистратомъ“. Дѣвица Даріа (?) намѣрена со своею французскою труппою (?) дать представленіе въ его (Поше) пользу и тѣмъ вывести его изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находится“. Хотя авторъ этихъ строкъ — французъ, вѣроятно, близко стоявшій къ дѣламъ французскихъ актеровъ, однако кромѣ труппы Поше въ это время въ Петербургѣ извѣстна только придворная французская труппа и кто такая эта Даріа — непонятно. Возможно, что это была одна изъ актрисъ его труппы, замѣнившая его въ дни его заключенія. Въ концѣ 1781 года „наконецъ, послѣ восьмилѣтнихъ неудачъ, несчастному Поше фортуна опять улыбнулась. Послѣднее представленіе, данное въ его пользу французскими артистами, доставило ему двѣ тысячи рублей“. Очевидно, это былъ спектакль дѣвицы Даріа. Кромѣ того „въ четвергъ 16 ноября (дата указана ошибочно) въ Эрмитажѣ давали піесу „Журналистъ“. Когда кончилось представленіе, Флоридоръ (инспекторъ французской придворной труппы) взялъ шляпу и сталъ собирать для него деньги. Ея Величество дала 400 руб., а 1080 руб. были пожертвованы другими зрителями. Мадамъ Билло (первая актриса придворной труппы), поступавшая всегда съ Поше великодушно, простила ему значительную часть долга. Черезъ недѣлю онъ отправился въ Варшаву съ шестью лучшими своими актерами, возвративъ остальныхъ ихъ родителямъ и родственникамъ“ (Письма Пикара. Рус. Стар. 1870, I, 143, 149, 150).

Замѣтимъ здѣсь, что въ декабрѣ 1779 г. какіе-то французскіе спектакли давались въ домѣ графа Ягужинскаго въ Новой Исаакіевской. Были ли это спектакли труппы Поше или это были спектакли дѣвицы Даріа — мы не знаемъ. 19 декабря шла комедія „Le François à Londres“ и опера „Ninette à la Cour“, 22-го — комедія „Le marechal ferrant“ и опера „Le tounerier“, 23-го января какая-то опера, за которой слѣдовалъ маскаррадъ. Дальнѣйшихъ объявленій объ этихъ спектакляхъ нѣтъ. Возможно, впрочемъ, что это были спектакли игравшей въ то время на театрѣ кадетскаго корпуса италіанской труппы Маттей и Оречіа, такъ какъ объявленія о нихъ печатались также на французскомъ языкѣ (СПБ. Вѣд. 1769, № 101, 102; 1780, № 6).

По свидѣтельству современника, мы видимъ, что дѣла Поше были плохи въ теченіе всего его пребыванія въ Петербургѣ. И тѣмъ не менѣе это, оказывается, ему не мѣшало мечтать о расширеніи дѣятельности, а именно объ организациіи театра въ Москвѣ. До насъ дошелъ составленный имъ „Планъ учрежденія французскаго спектакеля для столичнаго города Москвы“ (Гос. Арх. XVII, 329). Составленіе проекта относится,

очевидно, къ 1772 г., когда, послѣ прекращенія свирѣпствовавшей въ Москвѣ чумы, стоившей жизни московскому антрепренеру Бельмонти, Государыня стала заботиться о возрожденіи московскаго театра. На это откликнулся цѣлый рядъ театралныхъ дѣятелей того времени: Сумароковъ, Дмитревскій, танцовальный мастеръ италіанецъ Каспаръ Сантини и Александръ Поше „ле-женъ“.

Проектъ, поданный Поше, состоялъ въ „доставленіи французскихъ актiоровъ, какъ для комедіи, комическихъ оперъ, балетовъ, концертовъ, такъ и прочихъ увеселеній для російскаго въ Москвѣ пребывающаго шляхетства“. Въ деталяхъ онъ заключался въ слѣдующемъ.

Казна должна была выдать ему заимообразно 12.000 рублей; на эти деньги онъ долженъ былъ поѣхать за границу для найма французскихъ актеровъ и дать имъ авансъ въ размѣрѣ полугодового жалованія. Труппа должна была представлять собою товарищество, отвѣтственное и во взятыхъ 12.000 рублѣхъ. Сумма эта должна была погашаться ежедневно изъ проспективныхъ сборовъ. Во главѣ товарищества, въ качествѣ директора, долженъ былъ стоять самъ Поше, за что онъ долженъ былъ получать 1200 руб. въ годъ. Поше просилъ пожаловать ему старый Локателлиевскій театръ, изъ матеріала котораго онъ долженъ былъ построить новое зданіе въ серединѣ города. Такъ какъ очень часто актеры изъ частныхъ труппъ переходили на Императорскую сцену, то Поше просилъ, чтобъ казна его заблаговременно о томъ извѣщала, иначе онъ не сможетъ во время замѣнить уходящаго актера. Кромѣ того, онъ обязывался основать „академію для танцованія, гдѣ обучать будетъ балетмейстеры, изкоихъ (учениковъ) лутчіе когда токмо дозволено будетъ оказывать будутъ всякой годъ искусство свое предъ Е.І.В.“. Изложеніе проекта заканчивалось такъ: „Всеиъ состоятъ самыя нужныя требованія для сего предпріятія, которое не безъ великой пользы будетъ для всего общества, и когда помянутой Поше внепродолжительномъ времени удостоится получить на сіе Выс. Е.І.В. соизволеніе, то обѣщаетъ привѣсть актiоровъ къ будущему январю мѣсяцу а всеиъ намереніи необходимо надлежитъ отстроить и театръ до пріѣзда комедиантовъ, которымъ бы по прибытіи въ ономъ и жить было можно, потому что Поше за нужно находить притакомъ театрѣ построить и жилыя покои, дабы комедианты и прочіе нивчемъ его упрекать не могли, а всвоемъ бы дѣлѣ поспособности сей тѣмъ еще рачительнѣе были“.

Проектъ Поше, очевидно, остался безъ послѣдствій. Другой проектъ, составленный танцмейстеромъ Сантини, имѣлъ въ виду „учредить всеиъ городѣ непременный спектакель, состоящей вфранцузскихъ и російскихъ комедіяхъ и трагедіяхъ сбалетами“. Сантини просилъ исключительной привилегіи на четыре года, просилъ казну построить театръ, просилъ тѣ же 12.000 рублей и на тѣхъ же условіяхъ освобожденія отъ платы Воспитательному дому, просилъ, „чтобъ ему еще дозволено было покрайней мѣрѣ взять шесть Російскихъ фигурантовъ, трехъ мальчиковъ, и трехъ дѣвушекъ для танцованія чужестранными танцмейстерами, коихъ онъ изъ Італіи привезетъ“. Сантини обязуется научить ихъ, и платить имъ смотря по ихъ искусству. Кромѣ сего проситъ онъ, чтобъ ему также даны были и „російскіе актiоры, для предъ ставленія несколькихъ вкаждую недѣлю спектакелей наросійскомъ языкѣ, которымъ и плата по договору нашеть его Сантинія производиться будетъ“. На слу-

чай пожара Сантини объявлялъ себя „непринужденна никакой заплатѣ за послѣдующей притомъ убытокъ“ и обязывался, въ свою очередь, не требовать никакого возмѣщенія убытковъ. Черезъ четыре года онъ долженъ былъ возвратить театръ съ инвентаремъ: декорациями, гардеробомъ, машинами и проч. бесплатно въ казну и обѣщалъ къ тому времени выучить двухъ человѣкъ, „чтобъ умѣли содержать театръ“. Проектъ Сантини, очевидно, постигла участь проекта Поше.

Но вотъ, черезъ десять лѣтъ послѣ того, въ октябрѣ 1783 г., баронъ Эрнестъ Ванжура де Рени, впоследствии написавшій музыку къ оперѣ „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ“ (Арх. Дир. Имп. театр., III, 176), подалъ въ Совѣтъ Моск. Воспитательнаго дома проектъ организациі вольныхъ русскихъ спектаклей силами питомцевъ. На ряду съ русскими онъ предполагалъ и французскіе спектакли. „Французскій театръ если выписать изъ Франціи актеровъ стоитъ будетъ по малой мѣрѣ 6.000 руб. въ годъ“, писалъ онъ. „Но чтобъ чрезмѣрныхъ издержекъ не употреблять, то обязуюсь я собрать изъ французовъ 7 охотниковъ, которые мнѣ частію въ Польше, частію въ Россіи знакомы, и я надѣюсь, что они многимъ французскимъ артелямъ въ короткое время уступить не будутъ; вся такая артель не болѣе стоитъ будетъ, какъ 6.000 рублей“. Въ результатѣ одинъ французскій и одинъ нѣмецкій (!) спектакль состоялись. Однако вскорѣ же затѣя Ванжура прекратилась, благодаря отдачи привилегіи Медоксу. (См. нашу работу: „Истор. театр. образов.“, стр. 318, 338). Но идея создать въ Москвѣ французскій театръ не гасла.

Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1785 г. члены Московскаго Редута постановили было выписать французскихъ актеровъ съ января 1786 г. (Моск. Вѣд. 1785, № 79, 80, 81). Осуществилось ли это какъ-нибудь — мы не знаемъ, но частная французская труппа появилась въ Москвѣ лишь въ 1792 г. Она начала свои спектакли въ понедѣльникъ 20 декабря на сценѣ Петровскаго театра.

Во главѣ труппы стояли гг. Каронъ и Делозье, но кто были актеры — намъ неизвѣстно. Извѣстенъ лишь репертуаръ. Такъ, для открытія шли комедіи „Доброе Семейство“ въ 1 дѣйств., соч. Флоріана и „Любовныя дурачества“, соч. Реньяра (Моск. Вѣд. № 101). Затѣмъ были играны: „Малабарская вдова“, трагедія въ 5 дѣйств., соч. Ламіера, „Деревенскій праздникъ или Управитель принужденной комедіантъ“, ком. въ 1 д. Дервиньи, „Игра любви и случая“, ком. въ 3 д., соч. Мариве и „Нечаянный кладъ“, ком. въ 1 д. Седена, „L'amant bourru“, ком. въ 3 д. Монвеля, „Jerome pointu“ ком. въ 1 д. Боноара, „Житель Гваделупы“, драма въ 3 д., соч. Мерсье, „Дѣлаютъ то что можно, а не то что хотятъ“, ком. въ 1 д. Дервиньи, и т. д. Анонсируя спектакль на 17 января 1793 г., актеры предупреждали публику, что дадутъ не болѣе четырехъ спектаклей. (Моск. Вѣд. 1792, №№ 102, 104; 1793, № 2, 4, 5), а въ слѣдующемъ объявленіи мы уже читаемъ: „Поелику французская комедія не можетъ существовать безъ подписки (безъ абонементна ложъ), то Почтенная Публика извѣщается, что она дастъ еще не болѣе 3 представленій, развѣ Г.г. хозяева ложъ согласятся подписаться на нѣсколько спектаклей, кои даны будутъ до великаго поста“. (Моск. Вѣд. № 6). Но и это объявленіе не подѣйствовало. Тогда, объявивъ, что „не будучи въ состояніи держаться безъ подписки по причинѣ нарочито великихъ издержекъ“

труппа ограничила свои спектакли январемъ мѣсяцемъ и 30 числа закрыла ихъ представлениемъ двухъ комедій Мольера „Смѣшныя чванства“ и „Лѣкарь по неволѣ“ и комедіи Патра „Разсудительный дуракъ“ (Моск. Вѣд. № № 7, 8, 9).

Французскимъ актерамъ явно не везло въ Россіи ¹⁾.

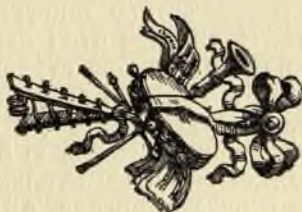
3. Англійскій театръ.

Если такъ плачевна была судьба французскаго театра въ Россіи, то что же могло ожидать англійскій театръ! И тѣмъ не менѣе, надѣясь на оригинальность зрѣлища и горсть англичанъ въ Петербургѣ, 2 октября 1770 г. въ домѣ купца Вульфа на Москвѣ открылись спектакли англійской труппы подъ дирекціей нѣкоего Фишера (СПБ. Вѣд. 1770, №№ 79, 80). Домъ Вульфа, вѣроятно, мало отвѣчалъ потребностямъ театра, и вотъ 10 ноября Высочайшимъ указомъ было велѣно „отдать англійскимъ комедіантамъ манежъ деревянную, состоящую противъ саду на лугу (Царицыномъ; рѣчь идетъ о томъ театрѣ, гдѣ затѣмъ играла труппа Книпера), да изъ стараго на томъ же лугу театра (отданнаго Поше) что имъ понадобится, чтобы они могли свой театръ имѣть“. (Арх. Мин. Имп. Дв., 73 — 187, № 116, стр. 360).

Сколько времени спектакли ютились въ домѣ Вульфа и когда были готовы манежъ — мы не знаемъ, но первое извѣстное намъ объявленіе извѣщаетъ о спектаклѣ въ „новомъ Аглинскомъ театрѣ близъ лѣтняго саду“ имѣющемъ быть въ четвергъ 10 ноября 1771 г. Давали комедію „Старая дѣвица“ и комическую оперу „Падлокъ The Padlock — Висячій замокъ“ (СПБ. Вѣд. 1771, № 89). Съ этого дня извѣстенъ рядъ пред-

¹⁾ Примѣчаніе редакціи. Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности французской труппы въ Петербургѣ сообщаетъ Л. Н. Майковъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1880 годъ, т. III, извлекая ихъ изъ замѣтокъ графа Штернберга (Bemerkungen über Russland 1794). „Императрица“, говоритъ Штернбергъ, „разрѣшила французской труппѣ играть нѣсколько разъ въ недѣлю на придворномъ театрѣ. Декорации представляютъ рѣдкое совершенство, для нихъ былъ выписанъ изъ Италіи спеціальныи живописецъ. Нѣмецкихъ спектаклей Государыня не любитъ, равно какъ и музыки. При обыкновенной французской комедіи оркестръ составляютъ три музыканта, изъ которыхъ одинъ играетъ на фортепіано, другой на скрипкѣ, а третій на арфѣ; о гармоніи, при столь разнородныхъ инструментахъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ обыкновенно исполняются веселыя живыя пьесы, то для знающаго музыку здѣсь мало интереснаго; музыка эта зависитъ отъ памяти и воображенія трехъ музыкантовъ: имъ не дозволено употреблять ихъ, почему слушатель и не можетъ требовать отъ ихъ игры пріятнаго смѣшенія нѣжнаго съ серьезнымъ, которое, благодаря законамъ гармоніи, бываетъ иногда такъ возвышенно. Этотъ родъ музыки можетъ быть терпимъ только ради своей оригинальности“.

ставленій англійской труппы; въ ихъ репертуаръ вошли комедіи: „Чортъ въ немъ — The devil is in him“, „Непостоянный — The inconstant or the copy to win him“ съ балетомъ „Вышколенная жена или лѣкарство для вздорной жены — The wife well managed, or a cure for a Scold“, „Безпокойникъ — The Busy Body“, трагедія „Изабелла или Нешастное замужество“, которая повторялась, какъ говорилось въ объявленіи, по желанію публики въ виду чрезвычайнаго своего успѣха. Послѣдній извѣстный спектакль относится къ субботѣ 31 декабря; давали комическую оперу „Мидасъ“ (СПБ. Вѣд. 1771, №№ 94, 97, 98, 99, 100, 104). Англійскіе спектакли протянули не долго и въ январѣ 1773 г. уже „бывшей“ англійскаго театра содержатель г. Фишеръ объявлялъ, что „если кто пожелаетъ обучаться Англійскому языку“, то могутъ его сыскать и т. д. (СПБ. Вѣд. 1773, № 1 и 2).

4. Италіанскій театръ.

Самый прочный успѣхъ былъ, повидимому, за италіанцами. Италіанцы привозили къ намъ всѣ виды своего искусства; то это были эквилибристы, канатные плясуны, скакуны и гимнасты, то пантомимисты, то актеры упадавшей народной комедіи, то труппа опера buffa, то, наконецъ, служившая при дворѣ италіанская серьезная опера. Все это намъ показали италіанцы, къ обоюдному удовольствію публики и предпринимателей. Обходя здѣсь молчаніемъ труппы низшаго разбора, т. е. цирковыхъ актеровъ, мы видимъ, что впервые частный италіанскій театръ появился въ Петербургѣ въ 1773 году. Это была труппа пантомимистовъ, она же и гимнастовъ-эквилибристовъ подъ управленіемъ Брамбилла и Номора. (Марія Камати Брамбилла была пѣвицей у Локателли, а затѣмъ у великаго князя Петра Феодоровича въ Ораніенбаумѣ, въ 1757 — 1759 г.г.).

Объявленіе труппы гласило.

„Недавно сюда пріѣхавшіе изъ Италіи эквилибристы подъ предводительствомъ директоровъ Брамбилла и Номора показывать будутъ свои достойныя смотрѣнія искусства. Объ нихъ по самой справедливости сказать можно, что они первѣйшіе изъ всѣхъ сего роду людей въ Европѣ, и могутъ представить то въ одинъ разъ, что многіе другіе порознь показать не могутъ“. Спектакли назначались на три дня недѣли: четвергъ, суббота, воскресенье, начиная съ 26 октября 1773 г. Театръ былъ выбранъ въ Новой Исаакіевской въ домѣ графа Ягужинскаго.

Чудеса эквилибристики заключались, на примѣръ, въ слѣдующемъ.

Номора ходилъ по проволоку безъ равновѣснаго шеста и дѣлалъ при этомъ такой трюкъ: бралъ въ ротъ рюмку, на край которой ставилъ

тонкую соломинку, а на соломинку яйцо; или же ставилъ по обѣимъ сторонамъ веревки по длинному шесту, протягивалъ отъ одного къ другому веревку на высотѣ 6-ти футовъ и перепрыгивалъ ее впередъ и назадъ. Дѣвица Розалія, между прочимъ, дѣлала слѣдующее: брала въ руки два значка и такъ быстро вертѣлась и прыгала съ ними, что ея самой при этомъ не бывало видно; или же ставила себѣ на лобъ пирамиду изъ 32-хъ рюмокъ и съ нею качалась, проходила сквозь обручи и т. п., дѣлала *la gran tornosa* и другія хитрости.

Съ ними конкурировалъ въ ловкости нѣкій „маленькій Англичанинъ“.

Но центромъ тяжести спектаклей этой труппы были пантомимы. Остановимся на нихъ подробнѣе.

Первой изъ объявленной была пантомима „Арлекинъ по случаю сдѣлавшійся пирожникомъ и чеботаремъ“; въ ней играли роли: Панталона — Номора, Пирата — Земензато, Арлекина — Брамбилла, Коломбины — жена Брамбиллы, и кромѣ того фигурировали: сапожникъ, разные повара, слуги и врачъ. Вслѣдъ за этой пантомимой была дана другая: „Чародѣйное кольцо или арлекиново страшилище и пиратъ дуракъ“ при участіи тѣхъ же масокъ и тѣхъ же актеровъ. Позднѣе была исполнено „*Arlechino nell'posito é refuccitato per il podore magico* то есть Арлекинъ умершвенный и волшебною силою оживленный или Арлекиново сдѣлаище“. Въ ней были обѣшаны публикѣ слѣдующія превращенія: 1) Театръ представлять будетъ могилу, Арлекинъ сидѣть будетъ на сдѣлаищѣ въ саванѣ, 2) театръ превратится въ лѣсъ и Арлекинъ въ живого человѣка и въ другое платье, 3) Арлекинъ посреди выдетъ театра, влѣзетъ въ мѣшокъ и паки вылѣзетъ въ женскомъ платьѣ, 4) Арлекинъ вскочитъ въ бомбу, Пиратъ выпалитъ изъ бомбы и Арлекинъ вздымится въ верхъ надъ театромъ, 5) Арлекинъ превратится въ висѣлицу, на которой онъ самъ висѣть будетъ. Пиратъ смотря на сіе будетъ смѣяться, а Арлекинъ между тѣмъ съ висѣлицы будетъ по частямъ падать на одръ и превратится въ живого Арлекина вмѣстѣ съ одромъ, 6) Арлекинъ и Коломбина превратятся въ исполиновъ, 7) оба исполины превратятся въ 4 Китайскіе огненные ключа; изъ которыхъ отъ каждаго родится множество огненныхъ лилій“. Пантомимы неоднократно повторялись.

Очень интересно въ бытовомъ отношеніи обращеніе Паячю къ публикѣ. Въ одномъ изъ объявленій мы читаемъ: „Высокопочтенные господа доброжелатели! мы имѣли честь показывать вамъ наши удивительныя дѣйствія, и вы насъ похваляя дарили по возможности, за что мы покорно благодарствуемъ. Но какъ уже приближается время къ нашему отъѣзду, то я Паячи не могу безъ того отъѣхать, чтобы напередъ не проститься и благосклонную публику еще разъ не повеселить. Итакъ я имѣю честь просить для зрѣнія Пантомимы; и какъ я такъ и всѣ другія дѣйствующія лица, всячески будутъ стараться, чтобы представить оную наилучшимъ образомъ. Но какъ сія Пантомима отъ всего общества назначена для Паячи, то онъ покорно проситъ, чтобы число зрителей было больше, дабы ему тѣмъ больше можно было собрать денегъ. Притомъ же вамъ извѣстно, какъ бѣдный Паячи долженъ дрожать на веревкѣ и, отъ страху чувствовать въ себѣ то жаръ, то холодъ; какъ онъ нравился когда также долженъ былъ прыгать, какъ Номора. По сіе время бѣдный Паячи не чувствовалъ болѣзни; но нынѣ она становится чувствительна,

и бываетъ тому причиной, что онъ иногда забавляется виномъ для прогнанія болѣзни. За ваше здоровье, почтенные господа, выпью еще нѣсколько полныхъ рюмокъ, и при всякой проглатываемой каплѣ буду желать вамъ всякаго благополучія. Я увѣренъ, что и вы высокопочтенные дображелатели будете желать бѣдному Паячію всякаго добра. Въ пути до самой Москвы буду пить за ваше здоровье. Живите по томъ благополучно“. Для бенефиса его, кромѣ гимнастическихъ номеровъ, давалась пантомима „Обвороженная пастушка“. Въ ней были обѣщаны слѣдующія превращенія. „1) Дерево превратится въ Коломбину, 2) бась цитра въ два мужика, которые будутъ плясать, 3) Коломбининъ столъ превратится въ портшезу, 4) Арлекинъ превратится въ солдата, который будетъ пѣть арію, 5) солдатъ превратится въ такого человѣка, который будетъ играть знаменемъ и пѣть, 6) потомъ въ барабанщика, который бьетъ въ барабанъ по такту, 7) Арлекинъ проскочитъ сквозь зеркало. Пиратъ желая также проскочить, превратится въ женщину, 8) гора превратится въ торжественную колесницу“. (СПБ. Вѣд. 1773 г. № 85, 86, 87; 94, 95, 99, 101, 104; 1774 г. № 2, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 17).

Съ началомъ Великаго поста 1774 г. представленія италіанцевъ въ Петербургѣ прекращаются и осенью этого же года, а именно съ 16 октября, эта труппа появляется въ Москвѣ. Программа московскихъ представленій по существу ничѣмъ не отличалась отъ петербургскихъ, если не считать нѣсколькихъ новыхъ пантомимъ, какъ „Арлекинъ наслѣдникъ чародѣйства или свадьба помѣшанныхъ крестьянъ“, „Три несчастные иностранца“ и „Арлекинъ невольникъ въ Турціи“. Съ началомъ великаго поста слѣдующаго 1775 г. италіанцы покинули Москву и дальнѣйшихъ свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. (Моск. Вѣд. 1774 г. № 81, 83, 84, 85, 87, 89, 91, 93, 95, 97, 102, 103, 104; 1775 г. № 2, 4, 8, 13, 14. Объ этой труппѣ есть статья Иноземцева; см. Ист. Вѣстникъ 1901. LXXXIV, апрѣль, стр. 274).

Вскорѣ послѣ труппы Брамбиллы и Номоры въ Петербургѣ появилась италіанская народная комедія. Кто входилъ въ составъ труппы — мы не знаемъ, какъ не знаемъ того, гдѣ и сколько времени она играла. Сохранилось лишь два отрывочныхъ объявленія объ ея спектакляхъ. Оказывается, 13 октября 1782 г. въ прощальный бенефисъ Арлекина шла комедія „Арлекинъ Привидѣніе“, приукрашенная профессиональными и любительскими балетами, новыми преображеніями и переодѣваніями. (СПБ. Вѣд., № 18). 3 ноября того же года труппа играла въ послѣдній разъ, при чемъ Арлекинъ и въ данномъ случаѣ игралъ „въ свою прибыль комедію, нареченную Арлекинъ бѣсъ, изъ многихъ перемѣнъ, которая неоднократно требована многочисленными знатными особами, чего для Арлекинъ стараясь наипаче удовольствоваться почтеннѣйшее общество, будетъ сію комедію играть со всѣмъ противу прежняго ея представленія новымъ изобрѣтеніемъ“. Комедія также сопровождалась балетами (СПБ. Вѣд., № 87).

Наконецъ, вѣнцомъ италіанскихъ вольныхъ представленій при Екатеринѣ Великой были спектакли труппы комической оперы. Она появилась у насъ 1778 г. Объявленіе объ открытіи представленій гласило:

„По Высочайшему соизволенію учредить здѣсь г. Маріано Маттей и госпожа Анжіола Оречіа новый театръ, на коемъ будутъ играть отборные италіанскіе актеры и актрисы новѣйшія Италіанскія оперы буффо,

также наилучшіе балеты и декораціи будутъ представлены. Осенью нынѣшняго (1778) года театръ со всѣмъ будетъ готовъ, а тогда и начнутъ представленія. Но какъ таковое учрежденіе требуетъ немалого расхода и иждивенія, безъ коихъ на то время и завести онаго неможно, то помянутые учредители почтеннымъ охотникамъ Италіанской театральнoй музыки новѣйшаго вкуса представляютъ планъ ихъ заведенія и учрежденія, съ просьбою, чтобъ они подписались за мѣста въ ложи или на партеръ сего ихъ театра, вмѣсто чего оныя отъ себя дадутъ билеты, но и въ полученіи денегъ, представляютъ надежныхъ къ себѣ въ томъ поручителей“ (СПБ. Вѣд. 1778, № 27, 28).

Гдѣ именно собирались италіанцы строить новый театръ — мы не знаемъ, на дѣлѣ же они открыли свои представленія на театрѣ сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Мы не знаемъ дня открытія спектаклей, но 24 октября уже шла комическая опера „La Frascatana или Фраскатская дѣвушка“, соч. Ливиньи, муз. Паиззелло. („Истор. Рус. театра“, I. 197). Далѣе были представлены слѣдующія оперы: „La vera costanza — Прямая постоянность“, „Лалоканда — Гостинной дворъ“, „La contessina“, „Il Geloso in Cimento или Ревнивой въ опасности (Ревнивой во искушеніи)“, „La buona figlia — добрая дѣвушка“, „La Jeanette“, „La jalousie villageoise“ Гольдони, „La force des femmes“, „L'école des jaloux“ и др. (СПБ. Вѣд. 1778 № 91, 92, 103; 1779 № 7, 26, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 51, 54, 50, 60, 62, 64, 68, 72, 74, 76, 77, 90, 92, 101, 102, 103; 1780 № 17).

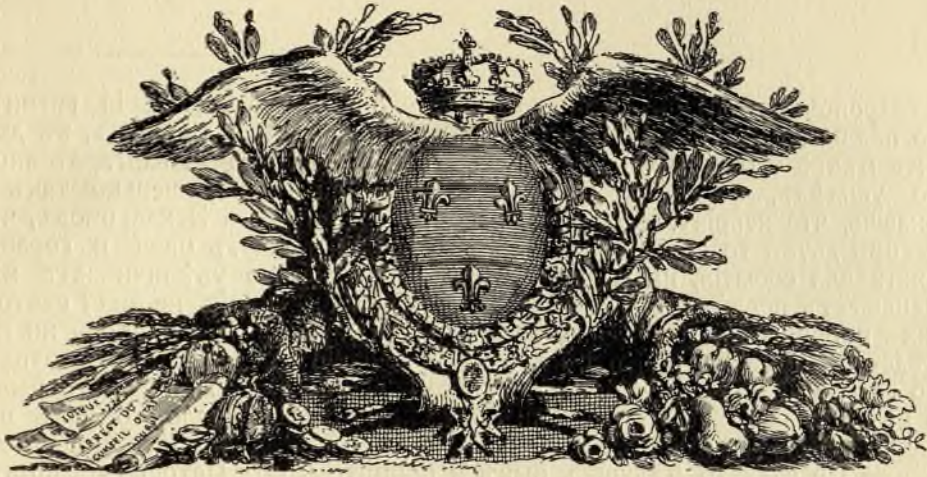
Послѣднее объявленіе относится къ началу 1780 г. и говоритъ о томъ, что спектакли давались трижды въ недѣлю: по пятницамъ, суббота-тамъ и воскресеньямъ.

Въ апрѣлѣ 1780 г. труппа Маттей уже даетъ концерты въ домѣ Перкина, противъ Адмиралтейства („Ист. Рус. театра“, I, 198). Вслѣдъ за этимъ Анжіола Оречіа получила Высочайшее разрѣшеніе „на свободный проѣздъ по губерніямъ и уѣздамъ съ людьми ей принадлежащими для представленія своихъ зрѣлищъ“. Ѣдила ли она по Россіи — мы не знаемъ, но извѣстно, что въ концѣ того же 1780 г. она обратилась въ Московскій Воспитательный домъ съ предложеніемъ выстроить въ Москвѣ, на землѣ Восп. дома, за свой счетъ театръ съ тѣмъ, чтобы играть на немъ со своей труппой 5 лѣтъ, послѣ чего театръ съ инвентаремъ долженъ былъ отойти въ собственность Восп. дома. Послѣ долгихъ колебаній, ей былъ данъ отказъ и дальнѣйшая судьба Оречіа и ея труппы неизвѣстна. (См. нашу работу „Истор. театр. образов.“, стр. 314).

Хотя до насъ не дошли полные экземпляры С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, однако пробѣлы не настолько велики, чтобы можно было полагать, что сколько-нибудь значительныя заѣзжія представленія могли быть пропущены. Надо думать поэтому, что названными выше труппами исчерпываются иностранныя антрепризы Екатерининской эпохи. Исторія ихъ не многорѣчива, но краснорѣчива. Если иностранцевъ не брала подъ свое покровительство Дирекція Императорскихъ театровъ, имъ приходилось, въ большинствѣ случаевъ, туго.

В. Н. Гернгроссъ.

СТАРАЯ РУКОПИСЬ.

Роясь въ бумагахъ, доставшихся мнѣ послѣ смерти дальняго родственника, я нашель одну старую рукопись, содержаніе которой и привожу. Ея пожелтѣвшая отъ времени бумага и поблекшія чернила позволяютъ отнести ее къ первой четверти XIX вѣка. Заключаетъ она споръ между дѣдушкой и внукомъ, подробно послѣднимъ записанный, о преимуществѣ народнаго преданія передъ исторіей и приведенное дѣдушкой доказательство такого преимущества, въ видѣ сообщенія дошедшихъ до него изустныхъ подробностей о заточеніи извѣстнаго канцлера Елизаветинскихъ временъ графа Алексѣя Петровича Бестужева. Какъ эти подробности, такъ и самый споръ не лишены, какъ мнѣ кажется, интереса и неизвѣстны, повидимому, печати. Вотъ дословное содержаніе моей рукописи, съ соблюденіемъ ея правописанія.

„Мой дѣдушка очень умной человекъ. Онъ много читалъ, много испыталъ много видѣлъ, и того болѣе наслушался. Я очень люблю съ нимъ говорить, слушать его рассказы, а еще болѣе, съ нимъ спорить. — Но странно, что я никакъ не могу его увѣрить въ вѣрности и важности исторіи.

— Помилуйте дѣдушка, — сказалъ я ему однажды: — самъ Цицеронъ называетъ исторію Свѣтильникомъ Истины (*Lux veritatis*), а Карамзинъ говоритъ, что исторія есть священная книга народовъ, скрижаль откровеній и проч.

— Что мнѣ до твоего Цицерона и Карамзина, — возразилъ дѣдушка, — я спорю и буду спорить, что на исторію полагаться и ей вѣрить не надо: ибо въ ней много не правды, много скрытаго и не такъ перетолкованнаго. Люди великіе и обыкновенные, важные и незначительные, все таки были люди, а слѣдовательно имѣли почти тѣже пороки, тѣже слабости и одни ошибались не менѣе другихъ. Но первые имѣли болѣе возможности дать оборотъ дѣлу, а при удачѣ даже своимъ ошибкамъ, — какой хотѣли, и сей то оборотъ почти всегда за истинну и записываетъ исторія. — Напримѣръ, я самъ былъ почти во всѣхъ походахъ С... Бывало есть ли кого изъ Генераловъ фельдмаршалъ полюбитъ, то дастъ ему Эскадроновъ два; да и пошлетъ въ передъ и что же? Отъ двухъ

Эскадроновъ все бѣжитъ. Генераль — чудо Богатырь. Исторія гремитъ его подвигами. Тамъ онъ напалъ на 5 Эскадроновъ и прогналъ, въ другомъ мѣстѣ 6 опрокинулъ, въ третьемъ непріятельской Авангардъ лишь его увидѣлъ, убѣжалъ и проч. а разспроси-ка хорошенько такъ и узнаешь, что непріятель бѣжалъ не отъ сихъ то 2-хъ Эскадроновъ, что за сими двумя то силы. Не такъ ли Исторія передаетъ намъ и гораздо важнѣйшія событія, иныхъ она знаетъ причины, но увѣличиваетъ или уменьшаетъ послѣдствія: иныхъ она знаетъ послѣдствія, не зная настоящихъ причинъ, а иногда сама не знаетъ ни истинныхъ причинъ, ни послѣдствій. Признаюсь, что я въ семъ отношеніи совершенный Скептикъ: ибо естли я читаю въ Исторіи повѣствованія даже о томъ что было, то мнѣ всегда кажется, что если сіе дѣйствительно было, то какънибудь да не совсѣмъ такъ.

— По сему то Дѣдушка, нынѣ и принято чтобъ Исторію соединять съ критикою, которая должна ее очищать и пояснять и въ нашъ вѣкъ особенно появилось много знаменитыхъ историческихъ критиковъ.

— Это едва ли еще не хуже. — Самъ Спаситель запрещаетъ отдѣлять пшеницу отъ плевель, дабы ошибкою, или случайно, не выдернуть пшеницу вмѣсто плевель. Въ самомъ дѣлѣ, что по сіе время сдѣлали Г-да историческіе критики? — Вольтеръ началъ критиковать исторію, и вмѣсто того, чтобъ ее очистить, насорилъ въ нее столько сору, что мы и по сіе время не можемъ его отдѣлить и вымѣсть. Недавно мы читали сочиненіе одного нашего отечественнаго критика, который отвергнулъ всѣ мнѣнія о происхожденіи и началѣ Россіи. Кончилось тѣмъ, что наша Россія осталась безъ начала, а вѣтъ все въ Мірѣ должно же имѣть свое начало.

— Но, помилуйте дѣдушка, если не вѣрять ни Исторіи ни исторической критикѣ, такъ чему же вѣрять? Неужели народнымъ изустнымъ преданіямъ?

— И когда дѣйствительно оныя вѣрны самой Исторіи. Народное преданіе подхватываетъ часто то, что или не знаетъ или пропускаетъ исторія, по отношеніямъ и духу времени. Объ немъ можно сказать польскую пословицу, что если преданіе говоритъ, что пробѣжалъ волкъ, то не надо вѣрять, что именно былъ волкъ, однакоже хотя собака, на волка похожая, да дѣйствительно въ сіе время пробѣжала: но довольно о семъ. Скажи ка лучше, что ты сего дня прочелъ изъ Исторіи?

— Я оканчиваю чтеніе Исторіи Петра Великаго сочиненіе Бергмана.

— Какъ ты ее находишь?

— Писана хорошимъ слогомъ, но недостаточна, и мало подробностей, по большей части все взято изъ Голикова и признаюсь мнѣ хотѣлось о Петрѣ Великомъ прочесть что либо болѣе.

— На чемъ же ты остановился?

— На описаніи жизни современниковъ, а имянно я дочиталъ описаніе жизни Графа Алексѣя Петровича Бестужева.

— Что же ты теперъ мнѣ о немъ скажешь?

— Что онъ былъ человекъ отличнаго ума, былъ Канцлеромъ, попалъ въ немилость въ царствованіи Елисаветы Петровны, былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ деревню, при началѣ царствованія Екатерины II-й, былъ возвращенъ оправданъ и переименованъ въ фельд-Маршалы. Переносилъ удары Судьбы и скончался истиннымъ христіаниномъ.

— И только?

— Почти только.

— Хорошо. Теперь ты знаешь все то, что о немъ знаетъ исторія. Садись и слушай, что гласить о семъ народное преданіе.

Канцлеръ Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ былъ одинъ изъ великихъ умовъ и глубокихъ дипломатовъ своего времени. Былъ другъ современнаго ему Австрійскаго Канцлера и вмѣстѣ съ нимъ врагъ политики Фридриха Великаго. Великой Фридрихъ очень хорошо сіе зналъ и говорятъ иногда признавался, что онъ опасается Россіи, потому только, что Бестужевъ въ оной Канцлеромъ. Къ несчастію Бестужева, большая часть двора состояла изъ ревностныхъ почитателей достоинствъ Фридриха, къ числу коихъ принадлежалъ наслѣдникъ престола Петръ Федоровичъ, а по сему Графъ нашель сильныхъ недоброжелателей уже въ своемъ отечествѣ. Не смотря на все сіе, онъ перепискою съ иностранными дворами и разными способами старался всю Европу вооружить противъ Фридриха, но вся сія переписка была выдана и перетолкована правителемъ его Канцеляріи Федоровымъ, тѣмъ самымъ, который въ послѣдствіи здѣлался извѣстнымъ — составленіемъ Грамоты о правахъ о вольности дворянства.

— Позвольте Дѣдушка, мнѣ сего не случилось читать въ Исторіи и я по сіе время не зналъ, кто сочинилъ сію Грамоту.

— Жаль, но оная, дѣйствительно, написана симъ Федоровымъ.

— Еще позвольте. Кажется оныя права дворянства пожалованы Императоромъ Петромъ III.

— Такъ говоритъ исторія, а въ народномъ преданіи сохранилось, что сія Грамота была написана и приготовлена еще передъ кончиной Императрицы Елисаветы; которая желала объявить оную въ самый новый Годъ, но не дожила до онаго 6 дней, ибо скончалась 25-го Декабря. Обратимся къ Бестужеву.

Изъ переписокъ его съ иностранными дворами, доноса Федорова и нѣкоторыхъ его собственныхъ словъ заключили, что будто Бестужевъ предпринялъ сдѣлать въ Россіи Регентство по малолѣтности Великаго Князя Павла Петровича, и, въ случаѣ кончины Императрицы Елисаветы, передать правленіе Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Справедливо ли сіе или нѣтъ неизвѣстно: но Бестужевъ за сіе былъ лишенъ чиновъ, дворянства и отправленъ въ свою деревню, гдѣ онъ жилъ подъ присмотромъ до кончины Елисаветы. При восшествіи же на престолъ Петра III былъ переведенъ въ Монастырь Соловецкой или Суздальской, хорошенько не помню, знаю только, что онъ тамъ содержимъ былъ въ глубокой ямѣ, куда ему спускали пищу и не давали теплаго питья.

— Ахъ Боже мой да какъ же онъ остался живъ и не замерзъ?

— Его спасла крыса.

— Крыса? возможно-ли?

— Именно крыса. Вотъ какъ это было. Въ ямѣ онъ нашель большую земляную крысу, величины съ кошку, имѣющую очень длинную шерсть. Раздѣляя съ ней свою пищу, Графъ умѣлъ ее къ себѣ приучить, и сдѣлалъ ручною до того, что каждую ночь клалъ на грудь и ее шерстію и теплотою, согревалъ свою грудь и сердце, дѣлался весь довольно согретьмъ до того что могъ уснуть, и сему то чудному обстоятельству, онъ

обязанъ спасеніемъ своей жизни въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ его пребыванія въ ямѣ.

— Долголи же онъ былъ въ такомъ положеніи?

— До возшествія на престолъ Екатерины Второй, однимъ изъ первыхъ благодѣтельныхъ дѣлъ коей было повелѣніе о возвращеніи Бестужева. Дабы мгновенной блескъ Солнца не могъ повредить зрѣнію Канцлера, онъ былъ ночью выпроваженъ изъ ямы въ келью настоятеля, окна коей были закрыты и по предписанію медиковъ свѣтъ въ оную пропускали постепенно на комнату и вообще велѣно было принять всѣ мѣры осторожности, дабы сохранить здоровье Алексѣя Петровича, бывшаго уже въ преклонныхъ лѣтахъ! Лишь только Канцлеръ почувствовалъ себя въ состояніи ѣхать въ Петербургъ, тотчасъ вспомнилъ про свою спасительницу крысу.— По его приказанію спустились въ яму, дабы ее отыскать и что же?—нашли мертвою и замерзшею.

— Отъ чего же бы она могла замерзнуть?

— Отъ самой натуральной причины. Привыкнувъ проводить ночь на груди Канцлера, она привыкла согрѣваться теплотою оной и его дыханіемъ, а посему, оставшись одна, замерзла отъ стужи.— Но слушай далѣе.

Лишь только извѣстили Императрицу о приѣздѣ въ С.-Петербургъ Алексѣя Петровича и о скоромъ его прибытіи во дворецъ, Государыня сама, окруженная всѣмъ дворомъ, вышла на крыльцо, дабы его встрѣтить и тутъ же надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ прикрытія знаменемъ, послѣ чего Императрица поздравила его Фельдъ-Маршаломъ и, приказавъ привести бывшаго его правителя дѣлъ Федорова, сказала ему:

— Графъ, вотъ тотъ, который употребилъ во зло ваши къ нему милости, осмѣлился васъ оклеветать и едва не лишилъ Россіи и нашъ тронъ вѣрнаго оплота и подпоры. Я его вамъ отдаю головою. Произнесите Графъ надъ нимъ приговоръ сами и оный тотчасъ по вашему приказанію будетъ исполненъ.

— Государыня, — отвѣчалъ Графъ, — я уже пережилъ тѣ годы въ коихъ дѣйствуютъ страсти и чувство мщенія не можетъ уже быть доступно человѣку приближающемуся къ гробу. Здоровье и силы мои, разстроенные лѣтами и претерпенными несчастіями, лишаютъ меня возможности продолжать службу и быть полезнымъ, а посему мнѣ остается одно — молиться о благодѣнствіи моего отечества и Вашего Величества; чтожъ касается до Федорова, то я его знаю хорошо, онъ молодъ, имѣетъ хорошіе способности и трудолюбивъ, да послужить ему сіе обстоятельство спасительнымъ урокомъ и, вмѣсто того чтобъ его удалить, я прошу Ваше Величество держите его при себѣ, не слушайте его, отнявъ у него возможность дѣлать зло и вы будете въ немъ имѣть полезнаго и дѣловаго человѣка.

Возвратившись въ преуготовленный для него домъ, Графъ занялся отданіемъ долга благодарности крысѣ. Онъ приказалъ сдѣлать изъ нее чучелу и помѣстить оную подъ богатымъ хрустальнымъ футляромъ въ своей моленной: ибо до конца своей жизни вѣрилъ, что сія крыса была послана свыше дабы сдѣлать съ нимъ чудо, спасти его, и утвердить въ вѣрѣ. Будучи всегда богомольнымъ онъ каждый вечеръ, предъ сномъ и поутру воставъ отъ сна, молился очень долго и послѣдній поклонъ былъ всегда крысѣ.

— И такъ онъ былъ фетишистъ, ибо поклонялся животному?

— Да, онъ былъ нашъ примѣчательный Русскій фетишистъ, и важно то, что онымъ содѣлался тотъ, коего силу ума уважала вся Европа. Научись изъ сего, что можетъ сдѣлать всемогущая сила обстоятельствъ.

— Чтожъ наконецъ сдѣлалось съ оною крысой?

— Крыса сія такимъ образомъ сохранилась до самой кончины Графа. Отецъ мой имѣлъ случай ее нѣсколько разъ видывать и рассказывалъ мнѣ все сіе обстоятельство. Чувствуя приближеніе конца жизни, Графъ изъявилъ желаніе, дабы оная крыса сохранилась его потомствомъ и переходила отъ одного къ другому. Но, къ несчастію, Графъ имѣлъ одного только сына. скончавшагося бездѣтнымъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знаменитаго отца своего. Съ пресеченіемъ рода Графовъ Бестужевыхъ, имѣніе его перешло къ дочери, бывшей за мужемъ за Княземъ Голицыномъ. Дѣти оной по большей части воспитывались и жили въ чужихъ краяхъ. По возвращеніи же оныхъ, уже не нашли и слѣдовъ оной крысы, ибо никто ею не занимался и вѣроятно ее, вмѣсто обыкновенной, преспокойно съѣла кошка.

— Какъ кошка? о Боже мой!

На этомъ оригинальномъ соболѣзнованіи заканчивается моя рукопись.

Сообщилъ Ан—ичъ.

КЪ ЮБИЛЕЮ А. Ѳ. КОНИ.

30 сентября исполнилось пятидесятилѣтіе государственной дѣятельности Анатолія Ѳедоровича Кони. Не взирая на то, что маститый юбиляръ отклонилъ официальные чествованія, рядъ ученыхъ и общественныхъ организацій не смогъ отказаться отъ глубокаго желанія привѣтствовать его полувѣковое служеніе въ различныхъ областяхъ русской жизни, въ которой онъ, по общепризнанному за нимъ праву, занимаетъ особое, почетное мѣсто. Всякая попытка исчерпывающей характеристики Анатолія Ѳедоровича, какъ идейнаго подвижника „суда скорого, праваго и милостиваго“, ученаго, моралиста и художника слова — дѣло исторіи, заданіе для грядущихъ поколѣній, когда, стоя на извѣстномъ отдаленіи отъ факта, легче будетъ разобраться въ многогранной психикѣ чловека универсальнаго знанія и творчества, какимъ онъ себя проявилъ.

Всю національную цѣнность для насъ личности Анатолія Ѳедоровича кратко, но мѣтко опредѣляетъ фраза изъ юбилейнаго адреса Императорской Академіи Наукъ, признавшей, что вся его жизнь съ момента, когда онъ отдалъ ее на служеніе родинѣ „была неизмѣннымъ юбилеемъ русскаго ума и таланта“, ума — государственнаго, таланта — общественно-историческаго.

Редакція журнала „Русскій Библіофилъ“ позволяетъ себѣ присоединить свой слабый голосъ къ только что отзвучавшему согласному хору привѣтственныхъ благопожеланій по адресу Анатолія Ѳедоровича и выразить радостную надежду, что его слово и перо еще долго и со славою потрутся на защиту тѣхъ вѣковѣчныхъ устоевъ правды и гармонической красоты духа, на соединеніи которыхъ зиждется весь смыслъ мірового прогресса.

БИБЛИОГРАФІЯ.

1.

Проф. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное изданіе. Т. I (вып. 1-3). Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки. (Ааронъ—Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петроградъ. 1915. LXIX+436 стр., 8°.

Появленіе въ свѣтъ перваго тома „Списка русскихъ ученыхъ и писателей“ является самымъ выдающимся событіемъ въ нашей библиографической литературѣ текущаго года. Такого рода изданія не составляютъ ad hoc, а требуютъ огромной затраты труда, матеріальныхъ средствъ, однимъ словомъ, перестаютъ быть уже работой, а дѣлаются подвигомъ. Нужно преодолѣть рядъ серьезныхъ препятствій, обладать такой любовью къ дѣлу, какую мы встрѣчаемъ у С. А. Венгерова, необходимо имѣть большую долю оптимизма, чтобы надѣяться на матеріальный успѣхъ такого предпріятія, принявъ во вниманіе, какъ плачевно кончаются у насъ всякія библиографическія начинанія, иногда весьма интересныя и научно-исполненныя.

О всѣхъ стадіяхъ и трудностяхъ по составленію работы, съ большими подробностями автобіографическаго характера, повѣствуетъ предисловіе, на которое С. А. Венгеровъ смотритъ, какъ на свое „литературное завѣщаніе“.

За десятилѣтній періодъ перваго изданія „Критико-біографическаго словаря“, обстоятельства и собственный опытъ привели С. А. Венгерова къ убѣжденію что для правильной постановки такого изданія требуется не „кустарное производство“ отдѣльнаго лица, а трудъ цѣлой редакціи,

необходима предварительная работа ввидѣ библиографическаго собранія записей и составленія списка дѣятелей науки и литературы.

Около 30 лѣтъ десятки лицъ занимались составленіемъ карточекъ, въ настоящее время коллекція ихъ — проф. Венгеровъ назвалъ ее карто-текой—достигла чудовишной цифры 2 милліоновъ. Въ картотеку вошло описаніе книгъ, журналовъ, отдѣльныхъ статей, замѣтокъ, рецензій, брошюръ и т. п. Обладая такимъ сокровищемъ, легко было приступить къ составленію „Списка“, и самое изданіе критико-біографическаго словаря, при обширномъ матеріалѣ, является дѣломъ легко исполнимымъ.

Въ списокъ войдетъ около 70.000 именъ ученыхъ и писателей. Въ первомъ, теперѣ изданномъ, томѣ насчитывается около тридцати тысячъ біографій, изъ которыхъ каждая занимаетъ не болѣе 3—4 строкъ петита. С. А. Венгерова не разъ уже обвиняли въ своего рода максимализмѣ, и всегда такія обвиненія были или голословны или исходили отъ людей чуждыхъ научной библиографіи. И въ данномъ случаѣ составитель ожидалъ такого укора, поэтому и удѣлилъ изложенію своего взгляда въ предисловіи значительное мѣсто. „Я ни на исторію литературы“, пишетъ проф. Венгеровъ, „ни тѣмъ болѣе на свой словарь не смотрю, какъ на пантеонъ... Я считаю совершенно не научнымъ изучать литературу только въ ея крупныхъ представителяхъ... Литература есть тоже явленіе вполне органическое, гдѣ нѣтъ случайностей, гдѣ есть законы литературной біологіи, одинаково яркіе, какъ въ крупныхъ особяхъ литературнаго царства, такъ и въ малыхъ“.

Списокъ является справочникомъ и, какъ всякій справочникъ, долженъ быть полнымъ. Дѣло біографа, по возможности, исчерпывающе представитъ работу, а не заниматься искусственнымъ отборомъ менѣе важнаго отъ существеннаго. Дѣло литературы подставляютъ къ имени писателя какой угодно эпитетъ:—знаменитый, маститый, талантливый, между тѣмъ какъ біографъ долженъ исходить не изъ качественнаго опредѣленія, а отъ литературной продукціи даннаго лица. Конечно, не всякій, написавшій письмо въ редакцію газеты, есть уже писатель, но если онъ даже литературный маньякъ, какъ Анаевскій или Струйскій, подарившіе русскую литературу не однимъ сочиненіемъ, такое лицо должно быть занесено въ составъ писателей. Развѣ для исторіи басни, для историко-литературнаго изученія ея важны только Крыловъ, Дмитріевъ, Измайловъ? Исторія литературы, а вмѣстѣ съ ней, конечно, и библиографія должна учитывать и А. К. Маздорфа, баснописца никому неизвѣстнаго и безусловно не талантливаго.

Отъ педантичнаго исполненія списка можетъ выиграть только литература, для нея будетъ выявленъ цѣлый рядъ именъ, затерявшихся въ журналахъ и на книжныхъ полкахъ—лицъ, часто весьма важныхъ для характеристики эпохи, для изученія даннаго вопроса. Поэтому, было-бы совершенно неприемлемо, еслибы С. А. Венгеровъ въ своей работѣ занялся только подборомъ виднѣйшихъ и талантливыхъ, не обращая вниманія на букашекъ нашей литературы. Такой примѣръ былъ бы весьма заразителенъ и вреденъ для библиографіи. Что-же касается самого исполненія списка, то много останавливаться на этомъ не приходится. При тридцати тысячахъ именъ ошибокъ избѣжать немислимо, какъ возможны и пропуски—все это признаетъ и проф. Венгеровъ—но во

всякомъ случаѣ онѣ не настолькоъ многочисленны, чтобы изъ-за нихъ не видѣть всѣхъ достоинствъ изданія.

Очень много данныхъ взято изъ автобіографій, которыхъ въ „Архивѣ С. А. Венгерова“ имѣется болѣе 3.500. Къ списку, отпечатанному на хорошей бумагѣ и четкими шрифтами, приложены прекрасно воспроизведенные групповые портреты писателей.

Данный трудъ является необходимымъ спутникомъ каждаго интересующагося и занимающагося русской литературой. Мы не говоримъ уже о бібліотекахъ, гдѣ списокъ замѣнить съ успѣхомъ другіе справочники, далеко неполные и теперь устарѣлые.

Съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, что оптимизмъ проф. Венгерова имѣлъ основаніе. Въ печати уже промелькнуло (см. „Извѣстія“ Вольфа, сентябрь), что изданіе „не въ примѣръ прочимъ“ не погибнетъ отъ равнодушія публики, такъ какъ „книгу усердно выписываютъ и бібліотеки и частныя лица“. Такой успѣхъ долженъ окрылить издателя и скорѣе подвинетъ выходъ двухъ остальныхъ томовъ. Съ своей стороны искренно пожелаемъ скорого окончанія такого „левѣаана“ и будемъ надѣяться, что найдутся люди, которые примутся за изданіе „критико-біографическаго словаря“, тѣмъ болѣе, что матеріалъ для него уже готовъ и хранится въ „Картотекѣ“ и „Архивѣ“ проф. С. А. Венгерова.

А. П.

2.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Томъ VI. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Петроградъ. 1915 г.

Огромная работа, вызванная культюмъ Пушкина, вдохновителемъ и руководителемъ котораго былъ С. А. Венгеровъ, наконецъ, почти закончена: недавно вышелъ изъ печати VI томъ сочиненій великаго поэта въ изданіи Брокгаузъ-Ефронъ. Въ этомъ томѣ напечатаны письма Пушкина 1825 — 1837 годовъ, „Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста“ Н. Лернера, 14 статей различныхъ авторовъ — М. Гершензона, П. Щеголева, Валерія Брюсова, П. Морозова, Н. Котляревскаго и др., выясняющихъ отношенія Пушкина къ его друзьямъ и современникамъ, примѣчанія къ письмамъ П. О. Морозова и наконецъ алфавитный указатель ко всѣмъ вышедшимъ томамъ В. В. Водовозова. Въ предисловіи къ послѣднему тому С. А. Венгеровъ сообщаетъ, что онъ намѣренъ издать дополнительный томъ, посвященный „Исторіи пушкинскаго текста“, т. е. исторіи постепеннаго совершенствованія Пушкинымъ его произведеній, — попыткѣ заглянуть въ лабораторію творческихъ усилій поэта, — а посему мы и принуждены были оговориться вначалѣ, что работа по Пушкину почти закончена.

Завершеніе многолѣтнихъ трудовъ С. А. Венгерова и его сотрудниковъ сдѣлано съ большимъ искусствомъ и талантливостью. Неугомонный, живой, одинъ изъ виднѣйшихъ заслуженныхъ пушкинистовъ Н. О. Лернеръ собралъ воедино „новыя пріобрѣтенія пушкинскаго текста“ (172 — 243 стр.), имъ же, преимущественно, и отысканныя, чѣмъ, конечно, значительно пополнилъ кошицу пушкинскаго творчества. Однако, не все туда внесено съ непоколебимымъ основаніемъ, и едва ли будущія

изданія повторяютъ полностью „внески“ Н. Лернера. Напр., изъ „нравоучительныхъ четверостишій“ эстетически неоспоримо можно приписать Пушкину только два: „Равновѣсіе“, затѣмъ „Сила и слабость“, а остальные девять нельзя сравнивать даже съ черновыми, совершенно неотдѣланными набросками поэта, просто въ нихъ нѣтъ ни одного пушкинскаго слова. Разсказъ „Уединенный домикъ на Васильевскомъ“ — такой скучный, вялый, растрепанный — едва-ли былъ просмотрѣнъ Пушкинымъ, какъ объ этомъ разсказывалъ Вл. Павл. Титовъ (Титъ Космократовъ). Нѣкоторыя замѣтки изъ „Литературной Газеты“, приписанныя Лернеромъ Пушкину, недостаточно убѣдительно обставлены доказательствами, собственно, какъ хочешь — ихъ можно принимать и не принимать, а стилистическій анализъ, въ данномъ случаѣ, единственное оружіе Н. Лернера, не произведенъ. Наоборотъ, хочется съ особеннымъ чувствомъ упомянуть и согласиться съ Н. Лернеромъ, касательно стихотворенія: „Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною ночью, я бурѣ навстрѣчу, въ море пускался...“ Это вполне законченное шестистишіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только Пушкинскимъ, коль скоро въ немъ находимъ такую безспорную Пушкинскую строку: „Тихому Эвру мой парусъ довѣря“. Примѣчанія Н. Лернера къ стихотвореніямъ нѣсколько однообразны, но вполне точны и увѣренны. Изъ статей наибольшими литературными красотою отличается статья П. Шеголева: „Послѣдняя дуэль Пушкина“, въ которой талантливый авторъ съ тончайшей психологической зоркостью разглядываетъ предсмертныя душевныя муки гениальнаго поэта и передаетъ читателю тревожное бѣненіе своего взволнованнаго и влюбленнаго сердца. Научно эта статья цѣнна тѣмъ, что она вноситъ совершенно новыя данныя въ „Пушкиніану“ о загадочной во многомъ доселѣ дуэли Пушкина. Статья В. Брюсова „Стихотворная техника Пушкина“, разсматривающая мастерство Пушкина со стороны формы, вполне неощенима. Самъ замѣчательный поэтъ, В. Брюсовъ сдѣлалъ рядъ цѣннѣйшихъ изысканій о пушкинскихъ размѣрахъ, ритмахъ, цезурахъ, аллитераціяхъ, ассонансахъ и проч. инструментовкѣ его стихотвореній. Коротенькія замѣтки М. Гершензона „Чаадаевъ и Пушкинъ“, „Пушкинъ и Лермонтовъ“, какъ всегда интересны, живы и свѣжи. Да и всѣ статьи должны быть отмѣчены, какъ вполне удавшіяся лирически, хотя и различныя по исполненію. Единственнымъ недочетомъ VI тома, никоимъ образомъ не извинительнымъ, является отсутствіе въ немъ соотвѣтствующихъ статей объ отношеніяхъ Пушкина и кн. П. А. Вяземскаго, или Пушкина и Катенина, коихъ читатель вправѣ былъ ожидать отъ редактора. Получается странное положеніе: въ изданіи есть спеціальныя статьи о Горчаковѣ, Рылѣевѣ и др., а нѣтъ ни строчки, за исключеніемъ неизбѣжныхъ упоминаній въ примѣчаніяхъ, о кн. П. А. Вяземскомъ, наиболѣе близкомъ Пушкину и замѣчательномъ человѣкѣ пушкинскаго круга. Непростительный, непонятный пропускъ! Особенно это необъяснимо при медленномъ выходѣ въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ сочиненій Пушкина. Все же съ неуклоннымъ и неутомимымъ трудолюбіемъ, коими обладаетъ въ такой исключительно полной мѣрѣ у насъ, кажется, только одинъ С. А. Венгеровъ, какъ бы тамъ ни было, прекрасная работа почти доведена до конца. И такъ какъ отдѣльныя проявленія этой работы, т. е. выходъ отдѣльныхъ томовъ — вызывали цѣлую литературу, циклы статей и рецензій самаго противорѣчиваго свойства, то возвра-

шаться вспяť совсѣмъ излишне, и лишь слѣдуетъ сказать одно: можно не соглашаться съ Венгеровскимъ планомъ изданія Пушкина, можно относиться отрицательно къ тому потоку статей, въ которомъ утонулъ самый текстъ поэта, — но должно признать, что С. А. Венгеровымъ впервые дана намъ большая Пушкинская энциклопедія, нѣкоторый каноническій текстъ, миновать который уже совершенно немислимо и настоящей и будущей „пушкинианѣ“. Особенно пріятно отмѣтить тутъ, что исторія русской литературы, столь обязанная С. А. Венгерову его прежними критико-биографическими работами, словарями, сборниками и проч., отъ него же получила замѣчательное изданіе сочиненій высочайшаго своего представителя — Пушкина.

Иванъ Евдокимовъ.

3.

Война въ русской лирикѣ. Сборникъ составилъ Владиславъ Ходасевичъ. Книгоизд. „Польза“, В. Антикъ и К^о. Москва. 1915 г. Ц. 10 к.
„Этотъ небольшой трудъ... намъ представляется въ высшей степени своевременнымъ — и въ томъ его оправданіе“. Это замѣчаніе составителя сборника вполне справедливо; несомнѣнно, небольшая книжка г. Ходасевича станетъ извѣстной широкому кругу читателей, въ виду чего не мѣшаетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Авторъ представляетъ намъ выборку изъ авторовъ XIX и XX вв., начиная съ Жуковского. При этомъ онъ бралъ „лишь то, что относится къ войнамъ, разразившимся при жизни авторовъ... Исключение сдѣлано только для Лермонтовскаго „Бородино“: надѣмся, это не нуждается въ поясненіяхъ“. Это исключеніе, однако, заставляетъ подумать, справедливо-ли, въ такомъ случаѣ, дѣлалъ авторъ, не помѣщая такихъ шедевровъ, какъ Пушкинское описаніе Полтавскаго боя. Потому что важно не то, былъ-ли авторъ современникомъ изображаемаго событія, а то, какъ онъ къ войнѣ относился и какъ, вообще, война изображалась въ литературѣ. Съ другой стороны, сомнѣваемся, чтобы Бальмонтъ въ „Крикѣ часового“ изображалъ войну, разразившуюся при его жизни; стихотвореніе относится къ 1902 или 1903 г., и мы не понимаемъ, какая дѣйствительность могла бы ему отвѣчать. Едва-ли справедливо, въ силу уже своего принципа, поступилъ авторъ, совсѣмъ пропуская стихотворенія Хомякова. Наоборотъ, стихотвореніе „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковского, занявшее 25 стр. изъ 110 всего сборника, могло-бы быть помѣщено не цѣликомъ.

Въ общемъ-же, появленіе сборника г. Ходасевича вполне умѣстно и должно быть привѣтствуемо.

Б. В. Нейманъ.

4.

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый (1850—1859), съ портретомъ. Изданіе Л. Э. Бухгейма. Москва. 1916 г. XI+614 стр. 8^о.

М. Н. Лонгиновъ въ большей части своихъ трудовъ былъ историкомъ фактической стороны отечественнаго просвѣщенія, заботливымъ лѣтописцемъ русской литературы, любовно собиравшимъ рассказы изъ прошлаго и тщательно заносившимъ на бумагу событія ему современ-

няя. Ни одна работа по исторіи русской литературы, если она касается второй половины XVIII и первой XIX вѣка, не обходится безъ ссылокъ на статьи и многочисленныя замѣтки М. Н. Лонгинова. Выдержки изъ его сочиненій нерѣдко цитировались раньше, приводятся въ печати и теперь, но, къ сожалѣнію, его труды перестали читать — одни изъ нихъ сдѣлались большой рѣдкостью, другіе разбросаны по отдѣльнымъ журналамъ и часто ускользаютъ изъ подъ внимательнаго взора историка.

Поэтому нельзя не привѣтствовать изданіе сочиненій М. Н. Лонгинова, предпринятое московскимъ библиофиломъ Л. Э. Бухгеймомъ.

Въ изданный подъ редакціей П. К. Симони первый томъ сочиненій Лонгинова вошли справки, замѣтки, статьи и изслѣдованія, помѣщенные въ журналахъ 50 гг. и касающіяся театра, литературы, библиографіи, журналистики, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни писателей и дѣятелей печати. Въ предисловіи издатель сочиненій Л. Э. Бухгеймъ справедливо указываетъ, насколько въ настоящее время цѣнны работы Лонгинова, „хотя бы по одному тому, что авторъ успѣлъ собрать и закрѣпить на бумагѣ и въ печати массу біографическихъ, родословныхъ, историческихъ, литературныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до него еще отъ XVIII вѣка по преданію черезъ тѣхъ старыхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ 1850—60-хъ годахъ доживали свой вѣкъ въ Москвѣ“.

Очень часто незначительная по размѣрамъ замѣтка Лонгинова объясняетъ видное литературное событіе прошлаго, бросаетъ новый свѣтъ на характеристику писателя, государственнаго дѣятеля или расшифровываетъ отдѣльное имя, псевдонимъ.

Все изданіе будетъ состоять изъ пяти томовъ, куда войдутъ, кромѣ литературныхъ матеріаловъ, юношеская повѣсть Лонгинова „Наѣздники“, его стихотворные опыты и ставшая библиографической рѣдкостью монографія „Новиковъ и Московскіе мартинисты“. Ко второму тому будетъ приложена біографія и обзоръ его литературной дѣятельности. Будемъ надѣяться, что наконецъ получимъ правдивую характеристику Лонгинова, о которомъ больше судятъ по воспоминаніямъ Гилярова-Платонова и по отзывамъ не всегда безпристрастныхъ современниковъ. Обыкновенно сравниваютъ Лонгинова первой половины жизни, гдѣ его выставляютъ либераломъ, съ Лонгиновымъ — авторомъ цензурныхъ правилъ 1872 г., когда онъ „озлобленіемъ дышалъ противъ печати“, и обвиняютъ его чуть-ли не въ ренегатствѣ. Ни либераломъ, ни ренегатомъ Лонгиновъ, конечно, не былъ, но онъ всю жизнь оставался челоукомъ преданнымъ литературѣ, глубоко любившимъ и почитавшимъ ее.

Приложенныя къ трудамъ Лонгинова примѣчанія составлены г. Симони и едва-ли кого-нибудь могутъ удовлетворить. Прежде всего размѣръ ихъ весьма скромень, составляетъ не болѣе 12 страницъ, между тѣмъ какъ редакторская работа надъ сочиненіями Лонгинова весьма благодарна и могла быть при большемъ вниманіи г. Симони очень интересной и обширной. Какому плану слѣдовалъ г. редакторъ въ своей работѣ? Его примѣчанія перегружены общеизвѣстными и потому лишними библиографическими показаніями, мало поясняютъ текстъ, совершенно не исправляютъ неточностей историка и не устраняютъ его затрудненій, теперь легко разрѣшимыхъ.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго для сочиненій М. Н. Лонгинова — хорошая бумага, ясный, хотя не экономный шрифтъ, и наконецъ прекрасное воспроизведеніе съ рѣдкаго литографированнаго (1850 г.) портрета Лонгинова. Къ тому приложенъ именной указатель.

А. Поляковъ.

5.

С. Москаленко-Судіенко. Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. Съ приложеніемъ: 1) поэмы Лермонтова „Демонъ“ въ очищенномъ отъ поддѣльныхъ стиховъ и другихъ недостатковъ видѣ, 2) поэмы „Бояринъ Орша“ и 3) этюда „Татьяна Пушкина“. К-во „Современныя проблемы“. М. 1914, ц. 50 коп.

Каюсь въ своемъ невѣжествѣ: я совсѣмъ не зналъ о существованіи этихъ трудовъ, которые, какъ оказывается, были выпущены въ свѣтъ раньше отдѣльными изданіями, причемъ второй о „Бояринѣ Оршѣ“ выдержалъ три изданія.

Авторъ соединилъ „свои труды о двухъ различныхъ поэмахъ Лермонтова „Демонъ“ и „Бояринъ Орша“ и самыя поэмы въ одной книжкѣ, во-первыхъ потому, что обѣ эти поэмы принадлежатъ одному автору, и во-вторыхъ потому, что онѣ рѣшаютъ, между прочимъ, одинъ общій вопросъ — вопросъ о смерти отъ психическихъ причинъ“. Лермонтовъ, по словамъ нашего автора, „чуть-ли не первый съ полной опредѣленностью и ясностью ставитъ вопросъ объ этой смерти и рѣшаетъ его въ своихъ произведеніяхъ. Въ „Демонѣ“ онъ рѣшаетъ одну половину этого вопроса, давая изображеніе смерти своей героини Тамары отъ внезапныхъ и чрезмѣрныхъ пріятныхъ потрясеній, отъ радости, счастья, а въ „Бояринѣ Оршѣ“ рѣшаетъ вторую половину вопроса, давая изображеніе смерти дочери боярина Орши отъ внезапныхъ и чрезмѣрныхъ непріятныхъ потрясеній, отъ горя, стыда и страха“.

До сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, никто не писалъ такъ о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“, и такимъ образомъ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ новымъ взглядомъ на эти поэмы. Но данный вопросъ о смерти отъ психическихъ причинъ есть-ли тотъ главный вопросъ, который составляетъ центръ произведенія? Я думаю, что и самъ авторъ новаго взгляда не рѣшится утвердительно отвѣтить въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ говоритъ, что поэмы, между прочимъ, рѣшаютъ одинъ общій вопросъ. Слѣдовательно, были и другіе вопросы, — а который изъ нихъ главный, увидимъ дальше.

Новый взглядъ заключается не только въ сказанномъ. По словамъ его автора, „до настоящаго времени думаютъ, что въ лицѣ Демона поэтъ и изобразилъ демона, дьявола, сатану и во всякомъ случаѣ отдѣльное отъ Тамары существо. Но это неправильно. Демонъ Лермонтова не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго; онъ есть субъективный образъ самой Тамары, порожденіе ея фантазіи, и ни въ какомъ случаѣ не объективный образъ, лицо, существующее внѣ ея. Правда, Демонъ Тамары имѣетъ очень большое сходство съ настоящимъ демономъ, т. е. съ тѣмъ демономъ, о которомъ говоритъ священное писаніе. Но это такъ и должно быть, ибо Тамара создала своего Демона подъ вліяніемъ того представленія о падшемъ ангелѣ, которое она имѣла, какъ христіанка“. Несом-

стоятельность того взгляда, что Демонъ есть порождение фантазіи Тамары, а не лицо, существующее внѣ ея, конечно, несомнѣнна. Прежде всего самъ авторъ признаетъ, что Лермонтовъ передалъ Тamarѣ „свое представленіе о демонѣ, надѣливъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ такой же фантазіей и гениемъ, какимъ отличался самъ“. Далѣе въ эпилогѣ, какъ признаетъ самъ авторъ, является „уже не тотъ Демонъ, котораго создала поэтическая, дѣвическая душа Тамары; это былъ настоящій демонъ, тотъ демонъ, о которомъ говоритъ священное писаніе“. Итакъ, получается двойственность: Демонъ и созданіе фантазіи Тамары, и лицо, существующее внѣ ея, что, конечно, является недостаткомъ всякаго художественнаго произведенія, и Лермонтовъ, конечно, не могъ сознательно его допустить, но этой двойственности не будетъ, если мы признаемъ, что Демонъ въ поэмѣ — лицо, существующее внѣ Тамары.

А кромѣ того, поэтъ нигдѣ ни разу не намекаетъ, что Демонъ — порождение фантазіи Тамары, и подобная мысль не что иное, какъ порождение фантазіи нашего автора.

Поэтому-то ему и понадобилось выдѣлить прологъ въ поэмѣ, заключающій въ себѣ, по его словамъ, первыя четыре строфы поэмы, и утверждать, что въ немъ „поэтъ знакомитъ насъ съ представленіемъ Тамары о демонѣ, которое она имѣла до начала событій, рассказанныхъ въ поэмѣ. Безъ этого представленія Тамара не могла бы создать въ своей фантазіи собственнаго Демона и влюбиться въ него, а слѣдовательно не могло бы существовать и самой поэмы, такъ какъ любовь Тамары къ своему Демону составляетъ главное содержаніе ея“. Можно даже допустить, что прологъ и существуетъ въ поэмѣ, ибо это совершенно не важно, стоитъ-ли въ заголовкѣ „прологъ“ или „первая часть“. Важно то, что поэтъ рисуетъ здѣсь Демона, не обмолвившись ни словомъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ „представленіемъ Тамары о демонѣ“, и только необузданная фантазія нашего автора позволяетъ ему такъ озаглавить прологъ.

Считая очень наивнымъ, если не сказать больше, всякаго допускающаго мысль, что „поэма въ дошедшей до насъ редакціи совершенно точно передаетъ оригиналъ“, г. Москаленко-Судиенко ставитъ для критики задачу — „очистить поэму „Демонъ“ отъ всего, не принадлежащаго въ ней Лермонтову, и явить ее свѣту въ томъ-же видѣ, если возможно, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера поэта“. Но можно смѣло сказать, что, если авторъ будетъ навязывать поэмѣ то, что ему нужно, онъ никогда не выполнитъ имъ же самимъ поставленной критикѣ задачи и только еще больше запутаетъ вопросъ.

Авторъ признаетъ даже рѣшительно не принадлежащими Лермонтову слѣдующіе пять стиховъ:

„И проклялъ демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!.. —“

Но никакихъ объективныхъ доказательствъ для подтвержденія своей мысли онъ не приводитъ, исходя изъ субъективнаго анализа поэмы и разсужденій о наличности двухъ демоновъ въ поэмѣ, что, какъ мы видѣли, является лишь фантазіей г. Москаленка-Судиенка.

Вѣдь не нужно забывать, что поэтъ выбралъ для своего произведенія рамку легенды, въ которую и вложилъ „простое выраженіе тоски, его бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“. Мечты демона — это мечты самого Лермонтова. „Основная нравственная идея „Демона“ была, какъ говоритъ Н. А. Котляревскій, дѣйствительно выстрадана Лермонтовымъ и принадлежала лично ему. Она заключена въ одномъ простомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудномъ вопросѣ, можетъ-ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночествомъ и не искать встрѣчи съ другими, даже если признать, что въ немъ погибли всѣ добрыя чувства, что онъ силенъ настолько, чтобы ни въ комъ не нуждаться, и пресыщенъ и разочарованъ до полного индифферентизма... Поэтъ хотѣлъ увѣрить самого себя въ томъ, что полного одиночества и индифферентизма для человѣка нѣтъ, что никогда не исчезающая возможность любви можетъ быть залогомъ душевнаго обновленія“. Въ этомъ и заключались мечты демона, выразителя идей самого поэта.

Нельзя поэтому согласиться съ утвержденіемъ г. Москаленка-Судиенка, что „любовь Тамары къ демону составляетъ главное содержаніе поэмы“. Любовь демона къ Тамарѣ занимаетъ въ поэмѣ не менѣе важное мѣсто.

Конечно, чрезвычайно заманчива мысль, что любовь Тамары къ демону — это „любовь къ безплотному существу, къ мечтѣ, къ воздушному идеалу“, и что, „какъ имѣющая своимъ объектомъ духовное существо, исключительно духовная, идеальная“. Правда, по смерти Тамары „... ничего въ ея лицѣ не намекало о концѣ въ пылу страстей и упоенья“. Но какъ понимать эти слова? Въ томъ-ли смыслѣ, что этихъ „страстей и упоенья“ не было въ дѣйствительности, и ничто поэтому не могло намекать на нихъ, или же въ томъ, что страсти и были, но смерть-искупительница такъ преобразила лицо Тамары, что въ немъ уже и не было намека на страсти. Мнѣ представляется болѣе правильнымъ рѣшеніе второе, и вотъ почему. Одинъ изъ ангеловъ святыхъ, уносившій „душу грѣшную отъ міра“,

... сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ“.

Почему же эта душа грѣшная? О какомъ же „проступкѣ“ можетъ быть въ такомъ случаѣ рѣчь? Неужели любовь къ идеалу — грѣшна?

Рай открылся предъ Тамарой не потому, что любовь ея чиста, но потому, что

„Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила...“

Авторъ новаго взгляда на поэму „Демонъ“ обладаетъ какой-то способностью пропускать то, что есть въ ней, и читать то, чего тамъ нѣтъ.

Точно также вычиталъ онъ въ „Бояринѣ Оршѣ“, что Арсеній — сынъ Орши, хотя послѣдній въ поэмѣ прямо называетъ его найденышемъ. А на этомъ признаніи Арсенія — сыномъ Орши г. Москаленко-Судиенко строить свой новый взглядъ на поэму, заключающійся въ томъ, что бояринъ Орша имѣлъ незаконнаго сына и, боясь общественнаго мнѣнія, скрылъ свой грѣхъ отъ людей и такимъ образомъ избѣжалъ

суда человѣческаго. Но, подчиняясь родительскому чувству, бояринъ приблизилъ къ себѣ Арсенія, но не въ качествѣ сына, а подъ видомъ раба, заявивъ себя поэтому плохимъ отцомъ и оказавшись не на высотѣ родительскаго чувства. За это онъ навлекъ на себя тяжелую кару Божию: судьба признала его недостойнымъ имѣть дѣтей и такъ или иначе лишила его ихъ.

Вотъ тотъ глубокой смыслъ и та высокая мораль, которую вычиталъ въ поэмѣ Лермонтова нашъ авторъ, хотя тамъ на нихъ нѣтъ и намека.

Въ этюдѣ „Татьяна Пушкина“ авторъ развиваетъ ту мысль, что „не понимая любви Тамары къ ея Демону, идеалу, нельзя понять, какъ слѣдуетъ, и любви Татьяны къ Онѣгину“. Конечно, вполне справедливо, что „Татьяна любила не Онѣгина, котораго она почти не знала, да и не могла узнать съ одной встрѣчи, а свой идеалъ въ немъ, своего Демона; его, главнымъ образомъ, имѣла въ виду въ своемъ письмѣ и ему объяснилась въ своей любви“. Но весь вопросъ въ томъ, что чѣмъ объясняется: любовь-ли Татьяны къ Онѣгину становится намъ понятной, послѣ того какъ мы поймемъ любовь Тамары къ Демону, или наоборотъ — эту послѣднюю можно толковать, какъ любовь къ идеалу, благодаря тому, что мы уже знаемъ любовь Татьяны къ ея идеалу — Онѣгину. По моему мнѣнью, этотъ вопросъ рѣшается именно въ послѣднемъ смыслѣ. Еще Грибоѣдовъ научилъ насъ тому, что любя можно придать любимому человѣку тьму качествъ, какихъ въ немъ и не было, т. е. идеализировать его.

Выше было уже упомянуто о попыткахъ исправленія текста поэмы въ настоящемъ изданіи. Иногда нашъ авторъ обнаруживаетъ при этомъ полное свое невѣжество. Остановимся на стихахъ:

„Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливой.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ... —“

Г. Москаленко-Судіенко замѣчаетъ, что слово „нетерпѣливой“ неправильно, что слѣдуетъ читать „нетерпѣливо“, потому будто бы, что послѣднее „составляетъ болѣе правильную грамматическую форму (нужно „нетерпѣливый“)“. Нашему автору совершенно неизвѣстна азбучная истина, что не поэта нужно исправлять по школьной грамматикѣ, а эту послѣднюю сообразно съ данными художественнаго произведенія. А что у Лермонтова могла быть форма „нетерпѣливой“, доказываетъ такой примѣръ изъ второго очерка „Демона“:

„И слышенъ ропотъ ихъ мятежной“.

„О Лермонтовѣ и его произведеніяхъ“, говоритъ г. Москаленко-Судіенко, „написано до настоящаго времени и у насъ и за границей такъ много, какъ можетъ быть ни объ одномъ другомъ русскомъ поэтѣ. Но несмотря на то, нѣтъ другого русскаго поэта менѣе понятаго, чѣмъ Лермонтовъ“. Труды нашего автора, конечно, ни въ коемъ случаѣ не содѣйствуютъ этому пониманію, а наоборотъ затемняютъ его.

Н. Кашинъ.

ХРОНИКА, МЕЛКІЯ ЗАМЪТКИ.

ВЪ РОССІИ.

Однимъ изъ послѣднихъ законопроектъ, разсмотрѣнныхъ Государственной Думой передъ ея роспускомъ, былъ законопроектъ о военной цензурѣ. Въ дѣйствовавшія до сихъ поръ, на основаніи ст. 87 Законовъ Основныхъ, правила, Думой внесены значительныя измѣненія, главная сущность которыхъ сводится: 1) къ распространенію дѣйствій военной цензуры въ полномъ ея объемѣ на всю территорію страны, съ отнесеніемъ при этомъ къ ея вѣдѣнію лишь вопросовъ чисто военныхъ или находящихся съ ними въ тѣсной связи, 2) къ установленію особаго перечня такого рода вопросовъ, съ предоставленіемъ Совѣту Министровъ права соотвѣтственнаго его дополненія, при условіи послѣдующаго внесенія такихъ дополненій на одобреніе законодательныхъ учрежденій, 3) къ устраненію изъ состава военно-цензурныхъ комиссій представителя М-ва Внутреннихъ Дѣлъ, 4) къ установленію отвѣтственности исключительно въ судебномъ порядкѣ и 5) къ сокращенію сроковъ и нѣкоторому измѣненію карательныхъ правилъ. Законопроектъ этотъ подлежить обсужденію Верхней Палаты.

Съ 19 мая с. г. дѣйствіе нашего имперскаго закона объ авторскомъ правѣ

получило распространеніе и на Финляндію, съ нѣкоторыми незначительными отклоненіями, ввиду особенностей финляндскаго законодательства.

Состоялся обмѣнъ ратификаціями конвенціи о защитѣ правъ литературной собственности, подписанной между Россіей и Даніей. Конвенція вступила въ силу съ 29 іюля с. г.

Ввиду того, что министерство народнаго просвѣщенія отклонило ходатайство графини Клейнмихель, внучки Н. М. Карамзина, объ ассигнованіи ей средствъ на задуманное ею изданіе полнаго собранія сочиненій исторіографа, графиня намѣревается осуществить изданіе на свои личныя средства. Въ редактированіи изданія принимаетъ участіе проф. В. В. Сиповскій, подъ наблюденіемъ котораго не такъ давно издана извѣстная Карамзинская „Записка о древней и новой Россіи“.

Министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ Совѣтъ министровъ съ представленіемъ объ отпускѣ 200,000 р. для развитія дѣятельности комитета народныхъ чтеній и народныхъ изданій.

Министромъ народнаго просвѣщенія утверждены новыя правила о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ основаніе новаго порядка положена прямая зависимость ихъ отъ постановленій училищныхъ совѣтовъ, а не отъ единоличнаго рѣшенія инспектора народныхъ училищъ, какъ это было прежде.

Въ январѣ будущаго года, въ античныхъ залахъ Императорской Академіи Художествъ, предполагается къ открытію интереснѣйшая выставка, устраиваемая Кружкомъ любителей русскихъ изящныхъ изданій, доходъ съ которой будетъ обращенъ на удовлетвореніе военныхъ нуждъ и потребностей. Выставка будетъ имѣть своимъ предметомъ англійскую и французскую гравюру XVIII вѣка, крашеную и черную. Обиліе превосходныхъ листовъ, находящихся въ собраніяхъ нѣкоторыхъ изъ членовъ Кружка, какъ, на примѣръ, графини Н. О. Карловой, князей М. К. Горчакова и С. А. Долгорукова, В. П. Кочубея, И. Д. Орлова, Ф. Ф. Утемана, А. К. Фаберже, И. А. Меликова и др. служить немаловажнымъ залогомъ удачі намѣченнаго Кружкомъ предпріятія. Академія Художествъ приходитъ, съ своей стороны, на помощь Кружку, открывая ему для этой же цѣли пользованіе своими собраніями. Количество выставляемыхъ листовъ предполагается довести до 400. Выставка будетъ снабжена роскошно изданнымъ каталогомъ, украшеннымъ многочисленными воспроизведеніями.

Императорское Общество поощренія художествъ поручило С. П. Яремичу составленіе каталога огромной своей библіотеки, которой завѣдывалъ когда-то писатель Д. В. Григоровичъ.

Въ первомъ выпускѣ четвертаго тома „Извѣстій Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ“ помѣщена составленная Л. Чижиковымъ библіографія произведеній Н. С. Лѣскова.

На одномъ изъ засѣданій московскаго библіографическаго общества г. Боднарскимъ былъ прочитанъ интересный докладъ объ извѣстномъ международномъ библіографическомъ институтѣ въ Брюсселѣ, учрежденіи единственномъ въ мірѣ

и нынѣ доставшемся нѣмецкимъ властителямъ Бельгіи. Будемъ надѣяться, что это научное достояніе не испытаетъ участи, подобной судьбѣ Лувенской библіотеки, погубленной „самымъ книжнымъ“ народомъ, какъ охотно именовали себя нѣмцы.

Военныя событія отразились и на внутренней жизни нѣкоторыхъ изъ нашихъ музеевъ и хранилищъ. Императорская Публичная библіотека закрыла для публики рукописный и русскій отдѣлы. Приняты извѣстныя мѣры и въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Одна изъ этихъ мѣръ возбуждаетъ единодушное и всеобщее порицаніе. На всѣхъ, безъ исключенія, картинахъ красуются ярлыки, наклеенные на самое полотно, на самую живопись!..

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполняется 25 лѣтъ со дня основанія Русскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Учрежденное кружкомъ московскихъ библіофиловъ, библіографовъ и книготорговцевъ, общество при покровительствѣ нѣкоторыхъ меценатовъ и солдѣйствій ученыхъ круговъ Москвы, вскорѣ послѣ основанія, развило энергичную дѣятельность. Съ 1894—1896 г. подъ редакціей дѣятельнаго члена о-ва А. Д. Торопова издавался журналъ „Книговѣдніе“, посвященный исключительно библіографіи и книжному дѣлу. Съ 1913 г. выходятъ „Библіографическія извѣстія“, редакторомъ которыхъ состоитъ секретарь о-ва Б. С. Бондарскій. 4 октября въ засѣданіи о-ва былъ прочитанъ краткій отчетъ за 25 лѣтъ существованія и назначено время для торжественнаго юбилейнаго засѣданія.

Московскіе библіофилы скромно считали двадцатипятилѣтіе культурной работы А. В. Хавкиной, учредительницы курсовъ по библіотековѣднію и автора полезнаго, практическаго руководства по этому вопросу.

Сынъ покойнаго историка В. О. Ключевскаго переиздаетъ одинъ изъ наиболее рѣдкихъ въ наше время трудовъ его отца, именно — „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“. Первое изданіе выпущено было ровно 50 лѣтъ

назадъ и сразу-же все разошлось. Переиздание ведется при ближайшемъ сотрудничествѣ Я. Л. Барскова.

Исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности историка академика Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго и пятидесятилѣтіе — академика Владиміра Степановича Иконникова.

Дождлся перваго „Полнаго собранія сочиненій“ старшій братъ Ѳ. М. Достоевскаго — Михаилъ Михайловичъ, извѣстный по своимъ повѣстямъ, охотно въ свое время (въ 50—60 г.г.) печатавшимся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Библиотекѣ для чтенія“. Выпускаетъ изданіе фирма „Пантеонъ литературы“.

Во время извѣстныхъ весеннихъ событий въ Москвѣ погибла въ огнѣ цѣнная специальная фармакологическая библиотека, принадлежавшая аптекарской фирмѣ Келлеръ.

Обширная библиотека недавно скончавшагося композитора Танѣева, согласно желанію покойнаго, переходитъ къ московскому обществу „Музыкально-теоретическая библиотека“.

Двѣ крайне поучительныя справки о степени „читаемости“ нашихъ писателей дали нѣсколько крупнѣйшихъ книгопродавческихъ фирмъ Петрограда и... „Тюремный Вѣстникъ“. Выяснилось, что въ то время, какъ столичная публика чаще всего спрашиваетъ на книжномъ рынкѣ новыя сочиненія Вербицкой Нагродской, — обитатели Благовѣщенской тюрьмы наиболѣе охотно читаютъ Тургенева.

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Парижскіе аукціонныя залы, благодаря войнѣ, совершенно безмолвствуютъ. Тѣ маленькія продажи, которыя происходятъ въ настоящее время въ Hôtel Drouot, не заслуживаютъ упоминанія. Въ Англии, война отразилась на аукціонныхъ продажахъ менѣе чувствительно, хотя цѣны, уплаченныя у Кристи въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, за серебро, мебель и особенно картины значительно

ниже прежнихъ. Англійскія гравюры XVIII вѣка, въ хорошемъ видѣ, продолжаютъ пользоваться усиленнымъ спросомъ. На одномъ изъ послѣднихъ аукціоновъ, — Duchess of Devonshire, грав. Барнеемъ, въ пробномъ оттискѣ, съ необрѣзанными полями была заплачена 4500 р., а Cries of London, въ такомъ же видѣ, доходили до 400 р. за листъ.

Въ Парижѣ вышла на дняхъ новая книга бывшаго члена Думы Г. Алексинскаго, подъ заглавіемъ „La Russie et la guerre“ (librairie Colin). Книга разбираетъ внѣшнюю политику Россіи до войны, ея экономическія отношенія съ Германіей и Австріей, финансовое положеніе и состояніе военныхъ и морскихъ силъ. Авторъ подробно, останавливается на вопросахъ польскомъ, армянскомъ, украинскомъ и балтійскомъ.

В. А.

Обширная, но преимущественно журнальная литература о Реймскомъ соборѣ, вызванная варварскимъ изувѣченіемъ этого знаменитаго памятника средневѣковой французской архитектуры и скульптуры, теперь пополнилась крупнымъ роскошнымъ изданіемъ. Парижская Librairie Centrale des Beaux-Arts открыла подписку на увражъ „La Cathédrale de Reims“, который будетъ состоять изъ 9 выпусковъ по 25 таблицъ, исполненныхъ гелиографіей, и историческаго очерка собора, пера Поля Витри, одного изъ хранителей Лувра. Судя по первому выпуску, техническая сторона репродукцій отвѣчаетъ самымъ высокимъ требованіямъ. Изданіе, формата большого листа, будетъ снабжено подробной библиографіей, планами постройки и другими графическими и иконографическими объясненіями. Цѣна обычнаго экземпляра — 225 франковъ, а кромѣ того печатаются 75 экз. на китайской бумагѣ по 400 фр. и 25 экз. на японской бумагѣ по 500 фр. По сообщенію издательства, за „Реймскимъ Соборомъ“ послѣдуютъ аналогичнаго типа роскошные увражи о соборахъ въ Шартрѣ, Амьенѣ, Парижѣ и др.

Въ значительной степени скульптурамъ собора въ Реймсѣ посвящено недорогое англійское изданіе „French Sculpture of the Thirteenth Century“, составляющее первый томъ серіи книгъ по старинной скульптурѣ, затѣваемой фирмой The Medici Society въ Лондонѣ,

подъ названіемъ „Medici Portfolios“. Томъ содержитъ 50 таблицъ съ репродукціями французскихъ изваяній XIII вѣка и текстъ къ нимъ, обработанный А. Гарднеромъ. Въ дальнѣйшемъ должны появляться подобные альбомы о французской скульптурѣ XII, XIV и XV вѣковъ, англійской средневѣковой скульптурѣ, средневѣковыхъ мостахъ, церковныхъ башняхъ и т. п.

Р. Е.

Извѣстный знатокъ и изслѣдователь индійскаго искусства Э. Б. Хевель (E. B. Havell), авторъ имѣвшихъ крупный успѣхъ трудовъ „The Ideals of Indian Art“, „Indian Sculpture and Painting“ и др., издалъ новое сочиненіе, посвященное античной и средневѣковой архитектурѣ Индіи. Книгу свою — „The Ancient and Medieval Architecture of India“ (Лондонъ, John Murray) — Хевель опредѣляетъ какъ изслѣдованіе по индо-арійской культурѣ. На фонѣ памятниковъ древняго зодчества и вообще искусства Индіи имъ здѣсь, дѣйствительно, нарисована картина городского и сельскаго строительства страны, ея политически-общественныхъ началъ, равно эволюціи ея религиозно-философскихъ идеаловъ. Книга прекрасно и очень обильно иллюстрирована и служитъ цѣннымъ дополненіемъ къ предыдущимъ трудамъ автора въ данной области.

Первымъ томомъ серіи монографій по графическимъ искусствамъ, предпринятой лондонскимъ издателемъ T. Fisher Unwin и редактируемой извѣстнымъ графикомъ Джозефомъ Пеннелъ (J. Pennell) является обстоятельная книга „Lithography and Lithographers“ Она написана самимъ Пеннелемъ совмѣстно съ его супругой г-жей Елизаветой Робинсъ П., обычной сотрудницей своего мужа въ его литературныхъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ біографіи Уистлера. Въ данномъ трудѣ г-жа Пеннелъ взяла на себя историческую часть, Жозефу Пеннелю же принадлежитъ описаніе и оцѣнка разныхъ методовъ литографіи и ея техническихъ особенностей. Эта послѣдняя часть книги особенно цѣнна, такъ какъ Пеннелъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ художниковъ-литографовъ и, въ качествѣ редактора лондонскаго Клуба Зенефельдера, очень содѣйствовалъ новѣйшему возрожденію художественной литографіи. Историческій очеркъ знакомитъ съ возникновеніемъ послѣдней въ началѣ и

блестящимъ апогеемъ въ серединѣ XIX столѣтія, равно съ наступившемъ послѣдствіи упадкомъ литографіи какъ самостоятельнаго искусства и вторымъ ея расцвѣтомъ въ наше время. Исчерпывающе здѣсь, однако, обозрѣны лишь Франція и Англія, остальные-же страны трактованы довольно бѣгло, а Россія, кромѣ строчки объ Орловскомъ, совсѣмъ обойдена молчаніемъ. Не очень многочисленныя иллюстраціи прекрасно исполнены и подобраны съ рѣдкимъ вкусомъ.

Все разрастающаяся литература по керамикѣ Дальняго Востока вновь обогатилась новымъ двухтомнымъ изслѣдованіемъ Р. Л. Хобсона (R. L. Hobson) подъ заглавіемъ „Chinese Pottery and Porcelain“ (Лондонъ, The House of Cassell), въ которомъ авторъ даетъ подробную исторію китайскаго фарфора и родственныхъ керамическихъ издѣлій Китая отъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Изданіе иллюстрировано 40 многоцвѣтными и 96 одноцвѣтными таблицами.

Въ мирное прошлое живыхъ городовъ теперешней страны печали и жестокаго разрушенія — Бельгіи переноситъ насъ альбомъ красивыхъ ксилографій бельгійскаго художника Альберта Дельстаншъ, изданный лондонской фирмой Chatto & Windus, подъ заглавіемъ „The Little Towns of Flanders“, съ предисловіемъ Эмиля Верхарна. Въ этихъ прекрасно исполненныхъ гравюрахъ по дереву Дельстаншъ (A. Delstanche) увѣковѣчилъ монументальную архитектуру и очаровательные уголки Малина, Ипра, Термюнда, Лувена, Дюксмюйдена и Фюрнеса, какимъ мы ихъ знали до нашествія нѣмцевъ и какими, увы, ихъ ужъ никогда не увидимъ. Альбомъ отпечатанъ въ 525 экз., изъ которыхъ 100 снабжены собственноручной подписью художника.

Среди многочисленныхъ англійскихъ изданій въ пользу жертвъ войны слѣдуетъ отмѣтить симпатичный выпускъ за 1914 — 1915 г.г. журнала „The Cairn“, издаваемого Художественной Школой въ Эдинбургѣ (Edinburgh College of Art). Выпускъ состоитъ изъ литературныхъ произведеній и репродукцій, съ картинъ, скульптуръ и рисунковъ, среди которыхъ имѣется и трехцвѣтка съ холста Ф. Брангвина.

„The Book of France“, называется сборникъ статей французскихъ авторовъ, изданный въ англійскомъ переводѣ въ пользу бѣженцевъ изъ занятыхъ нѣмцами сѣверныхъ департаментовъ Франціи. Въ книгѣ приняла участіе: Анатоль Франсъ, покойный Реми де Гурмонъ, Морисъ Баррессъ, Андре Жиль, Пьеръ Лоти, художникъ Жакъ Бланшъ, Рони старшій и нѣкоторые другіе, а изъ англичанъ Генри Джемсъ и Р. Киплингъ. Сборникъ, кромѣ того, украшенъ нѣсколькими художественными приложеніями Люсьена Симонъ, Бланша, Абеля Фэвръ и др.

Очередной специальный лѣтній номеръ „The Studio“ подѣ заглавіемъ „Old English Mansions“ не принадлежитъ къ особенно удачнымъ выпускамъ этого издательства. Номеръ цѣликомъ посвященъ старымъ историческимъ усадьбамъ англійской родовой аристократіи, виды которыхъ воспроизведены съ рисунковъ и акварелей цѣлой группы англійскихъ художниковъ первой половины XIX вѣка, какъ С. J. Richardson, J. D. Harding, J. Nash и др. Рисунки эти въ большинствѣ случаевъ мало-привлекательны для современнаго глаза, да и изображенные внутренне виды и архитектурныя детали въ общемъ довольно однообразны и мало интересны для не-англичанина.

Р. Е.

Выдающаяся по интересу для насъ музыкальная рукопись помѣщена въ каталогѣ Лондонскаго книгопродавца Эллиса (Ellis, 29. New Bond street. London), подѣ заглавіемъ „Koslovsky (Joseph, Amateur à St. Petersburg). Recueil d'airs choisis, Français, Russes, Italiens et Polonais, avec chœurs et sans chœurs“. Рукопись эта въ красномъ марокановомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, гравированной рамкой на заглавіи и подписью „Анна Θεодоровна“, заключаетъ въ себѣ 108 листовъ нотъ, представляющихъ всевозможные танцы, хоры и русскіе романсы, исполненные на разныхъ С.-Петербургскихъ празднествахъ, данныхъ въ честь

Екатерины и Потемкина. Къ числу наиболѣе выдающихся сочиненій этого рода принадлежатъ:

1) Полонэзъ, кадрили и хоръ на праздникѣ, данномъ Потемкинымъ 28 апрѣля 1791 года.

2) Полонэзъ на маскарадѣ, въ домѣ гр. Безбородко 29 декабря 1792 года.

3) Танцы и хоры на праздникѣ, устроенномъ Львомъ Нарышкинымъ 12 мая 1796 года.

4) Танцы и хоры на праздникѣ, устроенномъ гр. Самойловымъ 26 августа 1796 года и др.

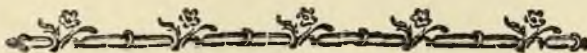
Рукопись значится въ каталогѣ подѣ № 225 и стоитъ 10 фунтовъ и 10 шиллинговъ. Нужно думать, что, благодаря военнымъ событіямъ, этотъ документъ чисто музейнаго интереса и до сихъ поръ не проданъ. Не соблазнить-ли его приобретеніемъ кого-либо изъ нашихъ состоятельныхъ любителей?

Въ Лондонѣ вышли недавно три интересныя книги по искусству, графикѣ и нумизматикѣ: 1) Каталогъ національныхъ сокровищъ въ Японіи. Живопись и скульптура. 170 страницъ, съ 10 иллюстраціями. Авторъ — консерваторъ Императорскаго Японскаго музея Накамура. 2) Библиографическій каталогъ изданій, иллюстрированныхъ знаменитымъ карикатуристомъ Георгомъ Крукшэнкомъ, съ цѣнами и 3) A Handy guide to Jewish coinage, by Rev. E. Rogers, съ 250 воспроизведеніями старинныхъ еврейскихъ монетъ.

Лейпцигская международная выставка печатнаго дѣла закрылась съ дефицитомъ въ 1.953.000 марокъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ черезъ Стокгольмъ, организаторы выставки обратились къ имперскому канцлеру съ просьбою покрыть убытокъ изъ государственныхъ средствъ, съ тѣмъ, что „въ случаѣ побѣды“ Германіи, сумма эта была бы принята во вниманіе „при исчисленіи контрибуціи“.

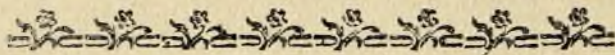

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редактора	V
Памяти основателя журнала — Н. Л.	IX
Исторія одной жизни. Часть вторая, бумаги А. А. Воейковой — Н. В. Соловьевъ	7
Иванъ Ивановичъ Варакинъ, поэтъ-крѣпостной конца XVIII вѣка. — Николай Замковъ	53
Записки кн. И. М. Долгорукова	62
Иностранная антрепризы Екатерининскаго времени. — В. Н. Герн- гроссъ.	69
Старая рукопись. — Сообщилъ Ан — ичъ	83
Къ юбилею А. Ѳ. Кони	88
Библиографія: 1. Профессоръ С. А. Венгеровъ. — Критико-био- графическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. — А. П. 2. Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Вен- герова. Пушкинъ. — Иванъ Евдокимовъ. 3. Война въ русской лирикѣ. — Б. В. Нейманъ. 4. Сочиненія М. Н. Лонгинова, томъ первый. — А. Поляковъ. 5. С. Москаленко-Судіенко. Новое о Демонѣ и бояринѣ Оршѣ. — Н. Кашинъ	89
Хроника	99

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ И АВТОГРАФОВЪ:

Неизвѣстный портретъ изъ альбома А. А. Воейковой	7
А. Ѳ. Левашовъ, акварель изъ того же альбома	12
Видъ изъ комнаты Свѣтланы въ Герѣ (рис. А. А. Воейковой)	20
А. П. Ушаковъ, рисунокъ изъ того же альбома	28
Фл.-ад. Эссенъ, акварель изъ того же альбома	36
Рисунокъ перомъ изъ того же альбома	44
Автографъ Н. М. Языкова изъ того же альбома	52

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ
Основанный **Н. В. Соловьевымъ**.

выходить 8 разъ въ годъ, книжками по 6 печ. листовъ со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библіофила“ является отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ публикуется рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. Наряду съ этимъ, видное мѣсто занимаетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, продолжается печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ съ вопросами библіофилии и коллекціонерства также подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусству и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, помѣщаются описанія частныхъ собраній и библиотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦИЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАНІЕ

АРХИВА **А. А. ВОЕЙКОВОЙ**,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и включаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографѣхъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библіофила“.

Подписная цѣна **8 р. 50 к.** въ годъ съ пересылкой (за границу **35 фр.**); безъ доставки **8 руб.** Допускается при подпискѣ въ конторѣ журнала разсрочка: при подпискѣ **4 руб. 50 коп.**; **1 марта 2 руб.**; **1 августа 2 руб.**

Цѣна отдѣльнаго номера **1 р. 75 к.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ: $\frac{1}{4}$ стр. **50 р.**; $\frac{1}{2}$ стр. **25 р.**, $\frac{1}{4}$ стр. **15 р.**, $\frac{1}{8}$ стр. **10 р.**

При повторныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка по соглашенію.

За перемѣну адреса **50 коп.**

Комплекты за прошлые годы: 1911 (распроданъ) 1912, 1913 и 1914 по **8 руб. 50 коп.** безъ пересылки.

Редакція: Петроградъ, Лицейская, 7.

Издательница В. А. Соловьева-Трефилова. Редакторъ В. Верещагинъ.

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип. — Сиріусъ — Тел. 583-67.

Книгоиздательство И. И. Самоненко, Кіевъ.

Складъ изданій при книжн. магазинѣ Л. Идзиковскаго, Кіевъ, Нрещатинъ, 29.

Предлагаетъ слѣдующія книги:

Чтець-декламаторъ, т. I, XI Худ.-лит. сборникъ, содерж. болѣе 600 произведеній въ прозѣ и стихахъ русс. и иностран. авторовъ, преимущ. классиковъ. 800 стр., около 400 портр. Ц. 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 75 к.

Чтець-декламаторъ, т. II, изд. VI. Худ.-лит. сборникъ, содерж. около 500 произв. поэтовъ и писателей XIX в., въ особенности послѣднихъ его лѣтъ (переходнаго времени), русс. и иностр. въ лучшихъ переводахъ 676 стр., 72 портр. Ц. 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 75 к.

Чтець-декламаторъ, т. III, изд. III (Новая поэзія). Худ.-лит. сборникъ, посвящ. исключительно современной поэзіи въ ея самыхъ характерныхъ проявленіяхъ. 640 стр., 60 портр. Ц. 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 75 к.

Апология современной поэзіи (Чтець-декламаторъ, т. IV), изд. II. Историко-литературная хрестоматія. Наболѣе характерныя для современности направленія худ. литературы Америки, Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи, Скандинавскихъ и Славянскихъ земель представлены съ возможной полнотой. Матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. 780 стр., 66 портр. Ц. 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 75 к.

Чтець-декламаторъ, т. V, юмористическій, содерж. свыше 40 печат. листовъ исключительно юмористическаго матеріала. Все наболѣе выдающееся въ области худ. сатиры и юмористики, какъ старой, такъ и новой, нашло мѣсто въ этой книгѣ. Ц. 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 75 к.

Бургардъ, О. — Новые принципы въ области изслѣдованія поэтическаго стиля. (Принципы Эльстера). Со вступительной статьей академика В. Н. Перетца. Ц. 40 к.

Геръ, А. — Театральная хрестоматія, ч. I. (Декламационная). Съ предисловіями Н. А. Попова и А. И. Адашева. Ц. 1 р. 50 к.

Довнаръ-Запольскій, проф. Мемуары декабристовъ (записки, письма, показанія и пр.) Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. — Изъ исторіи общ. теченій въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтякъ о Христѣ. — Хрестоматія для дѣтей. Съ рисун. Составлена членами Религіозно-философ. Общества. Ц. 1 р., въ переп. 1 р. 50 к.

Завитенничъ, В. З. — Русскіе славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Ц. 35 к.

Заирьевскій, А. — Лермонтовъ и современность. Ц. 1 р.

Кардекъ, Алланъ. — Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. Перев. О. Парчевской. Ц. 1 р. 50 к.

Личковъ, Борисъ. — Границы познанія въ естест. наукахъ. Ц. 1 р. 25 к.

Нейманъ, В. Б. — Жизнь и поэзія Лермонтова. Ц. 10 к.

Нархоменко, Вл. — Древне-русская княгиня св. равноапостольная Ольга. Роскошное изданіе больш. форм., исполн. въ нѣск. краскахъ. Ц. 1 р.

„Per Aspera“. — Еврейскій альманахъ. Въ портр. и худ. конц. и виньет. Ц. 1 р.

Поносъ, Л. В. — Славянскіе народы въ Австро-Венгріи. Ц. 70 к.

Ренапъ, Эрнестъ. — Апостолы. Полный переводъ съ введ. и примѣчаніями. Обложка худ. Гавринскаго. Ц. 60 к.

Его-же. — Жизнь Иисуса. Полный переводъ съ введ., предисловіемъ, прибавленіемъ о 4-мъ Евангеліи и примѣчаніями. Обложка худ. М. Яковлева. Ц. 80 к.

Родниковъ, Р. — Дѣтская литература. Съ указаніемъ важнѣйшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Ц. 1 р. 20 к.

Струнина, Л. — Грамматика въ начальной школѣ по принципамъ самодѣятельности. Посobie для учащихся. Съ рисунками и соч. дѣтей. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Эрато-Слудній, И. — Культъ жизни. Поп.-психологич. изслѣдованіе причинъ преждевременной старости и пессимизма современнаго поколѣнія. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

Учебники и учебн. пособия. Книги по технологіи, химіи, архитектурѣ, воздухоплаванию и словари. Подробный каталогъ высылается по первому требованію бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 8 р. 50 к.,
безъ доставки 8 р., за границу 35 франковъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:

Петроградъ. Рыночная, 10.

ГБУК г. Москвы
Центральная библиотека
им. Н. А. Некрасова

2 030000 626489